

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

147

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

89

Редакционный совет:

академик РАО, д. и. н., проф. Л. С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д. и. н., проф. С. П. Карпов (сопредседатель);

д. и. н., проф. Н. С. Борисов;

член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Л. И. Бородкин;

д. и. н., проф. А. Г. Голиков; д. и. н., проф. С. В. Девятков;

д. и. н. А. Р. Канторович; гл. н. с., д. и. н. Л. В. Кошман;

к. и. н. Н. В. Литвина; д. и. н., проф. Г. Ф. Матвеев;

д. и. н., проф. С. В. Мироненко; к. э. н. С. В. Орлов;

член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Е. И. Пивовар;

д. и. н. А. В. Подосинов; д. фил. н., проф. О. В. Раевская;

к. и. н., доц. Ю. Н. Рогулев; д. и. н. С. Ю. Сапрыкин;

член-корреспондент РАН, д. иск., проф. В. В. Седов;

д. э. н., проф. В. В. Симонов; к. и. н. О. В. Солопова;

к. и. н. А. А. Талызина; д. и. н., проф. Д. А. Функ

Москва — Санкт-Петербург
2019

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ВОСТОК, ЕВРОПА, АМЕРИКА В ДРЕВНОСТИ

Выпуск 4

Сборник научных трудов Сергеевских чтений
на кафедре истории древнего мира
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Издательство Русской христианской
гуманитарной академии
2019

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3
В 78

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова от 24 декабря 2018 г. (протокол № 8)*

Рецензенты:

д. и. н., профессор, заведующий кафедрой древних языков
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова *А. В. Подосинов*,
д. и. н., профессор кафедры истории древнего мира Института
классического Востока и античности Российского государственного
гуманитарного университета *О. Л. Габелко*

Редакционная коллегия:

д. и. н. И. А. Ладынин (главный редактор)
к. и. н. Н. В. Бугаева, к. и. н. М. В. Дурново, к. и. н. А. В. Сафронов,
д. и. н. С. Ю. Сапрыкин, к. и. н. О. В. Томашевич

В 78 Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 4. Сборник научных трудов Сергеевских чтений на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова / гл. ред. И. А. Ладынин. — М.; СПб.: Издательство РХГА, 2019. — 244 с. — (Труды исторического факультета МГУ; вып. 147. Сер. 2, Исторические исследования; 89).

ISBN 978-5-9906888-8-9

Настоящий сборник научных статей, подготовленный кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ, представляет избранные материалы XIX и XX Сергеевских чтений (2015 и 2017 гг.) — регулярной всероссийской научной конференции специалистов по истории, археологии и культуре древнего мира (Востока, античности, включая историю государств и народов Северного Причерноморья, доколумбовой Америки). Для историков древности, студентов исторических факультетов, всех интересующихся историей древнего мира.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-9906888-8-9

© Исторический факультет МГУ, 2019
© Редколлегия, авторы соответственно, 2019
© Издательство РХГА, 2019

ДРЕВНИЙ ВОСТОК И ДРЕВНЯЯ АМЕРИКА

УДК 94(32) ГРНТИ 03.09.23, 03.81.37

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О КОЩУНСТВАХ АРТАКСЕРКСА III ПРОТИВ СВЯЩЕННЫХ ЖИВОТНЫХ И ВОПРОС О ЕЕ ДАТИРОВКЕ

Ладынин Иван Андреевич
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

THE CLASSICAL TRADITION ABOUT THE SACRILEGES OF ARTAXERXES III AGAINST THE ANCIENT EGYPTIAN SACRED ANIMALS: THE PROBLEM OF DATING

Ladynin Ivan Andreyevich
M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: В статье предложена классификация серии сообщений античной традиции, приписывающих персидскому царю Артаксерксу III святотатства против чтимых в Египте священных животных (в частности, убийство священного быка Аписа с целью жертвоприношения или употребления его мяса в пищу), а также датировка появления этого мотива. Не вызывает сомнений его египетская первооснова; появиться же он мог в пропаганде, адресованной египтянам и представляющей окружающий мир как средоточие всевозможных угроз для их страны, которая могла быть актуальна во времени сатрапии Птолемея (323–305/4 гг. до н. э.).

Ключевые слова: Египет, Артаксеркс III, Александр Великий, Птолемей, завоевание, чужеземная власть, священные животные, святотатства.

Abstract: The paper proposes a classification for the statements of Classical tradition on the sacrileges of Artaxerxes III against the sacred animal worshipped at Egypt (among the other things, Artaxerxes is said to have slaughtered the sacred bull Apis for sacrifice or for preparing his meat for meal), as well as

* 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; ancient@hist.msu.ru; ladynin@mail.ru

the dating of this motif. There is no doubt about its Egyptian background; it could have emerged in the propaganda addressed to Egyptians and representing the outer world as the source of all menace to their country. This propagandist trend can be dated to the satrapy of Ptolemy (323–305/4 B.C.).

Keywords: Egypt, Artaxerxes III, Alexander the Great, Ptolemy, conquest, foreign rule, sacred animals, sacrileges.

Одним из наиболее стойких топосов, связанных со вторым персидским владычеством в античной (в том числе в позднеантичной) традиции является приписывание завоевателю Египта Артаксерксу III Оху святотатств против чтимых в этой стране священных животных [Schwartz, 1949, p. 68–71]. Прежде всего, этому царю приписывается убийство чтившегося в Мемфисе священного быка Аписа (см. в целом о его культе, с отсылками к литературе: [Ладынин, 2018, с. 36]): краткое, обобщенное и несколько утрированное сообщение об этом есть в византийском словаре «Суда»¹. Насколько мы знаем, при обращении к этому топосу пока не отмечалось, что более детализированные его изложения в целом соответствуют двум сюжетам: Артаксеркс III съедает Аписа и сам оказывается за это съеден; Артаксеркс III, именуемый египтянами «ослом» (т. е. сопоставляемый с животным бога Сета [Te Velde, 1967, p. 26] — нюанс, который античные авторы не удержали) приносит Аписа в жертву «ослу», т. е., очевидно, Сету². Первый сюжет отразили сообщения опять же словаря «Суда»³, причем речь в них идет о съедении не только Аписа, но и священного животного Мендеса (в тексте упоминается козел, на самом деле в Мендесе чтился баран [Meulenaere, 1982, S. 44])⁴.

¹ «Нагромождая зло на зло. Перс Ох поработил Египет, убил Аписа и разрушил Мемфис, нагромождая зло на зло» (Κακοῖς ἐπισωρεύων κακά: Ὀχος ὁ Πέρσης Αἴγυπτον ἠνδραποδίσατο καὶ ἀπέκτεινε τὸν Ἄπιν καὶ κατέκοψε τὸν Μέμφιν, κακοῖς ἐπισωρεύων κακά).

² Не стоит ли считать данный мотив в том числе отдаленной и переосмысленной репликой мотива преимущественного почитания Сета гиксосскими царями, не фиксирующегося в традиции о гиксосах Манефона (см. ниже), зато хорошо известного в «Сказке об Апопи и Секененра» (pSall. 1. I.3)?

³ «Аписы. Ох, убив Аписа, хотел отдать его мясникам, чтобы они разрубили его на куски мяса и приготовили на обед» (Ἀπίδες: ... Ὀχος τὸν Ἄπιν ἀποκτείνας ἐβούλετο αὐτὸν τοῖς μαγείροις παραβαλεῖν, ἵνα αὐτὸν κρεουργήσωσι καὶ παρασκευάσωσιν ἐπὶ δεῖπνον; ср. с полностью аналогичным сообщением глоссы Ὀχος: ὄνομα κύριον).

⁴ «Пресытился: наелся досыта, насытился. Об Охе персе. (Этот) несчастный принес в жертву в Мендесе священного козла Пана и, приготовив его (в пищу)

Опять же в «Суде» говорится о том, что Багой, который при этом оказывается египтянином, мстя за убийство Аписа, съел Оха и сделал из его костей рукояти ножей⁵; согласно схожему сообщению Клавдия Элиана, Багой отдал тело Оха на съедение кошкам — египетским священным животным⁶ (примечательно, что мотив заступничества — правда, отнюдь небескорыстного — за культы Египта связывается с Багоем также и в сообщении Диодора о захвате Артаксерксом III египетских священных текстов⁷). Показательно, что в сюжете о мести Багоя можно найти косвенную отсылку к сюжету об убийстве Аписа Камбисом и о его последующей судьбе, известному прежде всего по свидетельству Геродота. Камбис умер от раны в бедро в том же месте, куда он поразил священного быка (Hdt. III. 64), так что весьма вероятно, что мотив убийства и съедения Артаксеркса является вычурной экстраполяцией на его судьбу того же «талионного» принципа возмездия: Артаксеркс был съеден, поскольку он съел

разнообразными способами, пресытился на празднике» (Ἄσατο: ἐκορέσθη, ἐνεφορήθη. περὶ Ὠχου τοῦ Πέρσου. τὸν ἐν Μένδῃ τράγον Πανὸς ἱερὸν κατέθυσε τε καὶ σκευάσας ποικίλως ταύτην ὁ δυστυχῆς ἄρα τὴν δαίτα ἄσατο).

⁵ «Рукоятями... ..Багой египтянин убил Оха перса и съел его мясо, но кости переделал в рукояти ножей» (Suida, s. v. λαβαῖς... ὅτι Βαγῶας ὁ Αἰγύπτιος ἔσφαξεν Ὠχον τὸν Πέρσῃν καὶ τὰ μὲν κρέατα ἔφαγε, τὰ δὲ ὀστέα μαχαίρων ἐιργάσατο λαβάς).

⁶ «Рассказывают, что евнух Багой, родом египтянин, убил Артаксеркса Оха и, разрубив тело на куски, бросил на съедение кошкам; похоронен же в царской усыпальнице был вместо Артаксеркса кто-то другой. Багою было мало убить Оха: из бедренных костей царя он сделал рукояти для мечей; в этом находило себе выход его ожесточение; Багой возненавидел царя за то, что тот во время своего пребывания в Египте, как прежде Камбиз, убил Аписа» (пер. С. В. Поляковой [Элиан, 1995, с. 51]; Ael. V.H. VI. 8: Ἀρταξέρξην τὸν καὶ Ὠχον ἐπικληθέντα, ὅτε ἐπεβούλευσεν αὐτῷ Βαγῶας ὁ εὐνοῦχος, ὃς ἦν Αἰγύπτιος, φασὶν ἀναιρεθέντα καὶ κατακοπέντα τοῖς αἰλούροισι παραβληθῆναι: ἐτάφη δὲ τις ἄλλος αὐτ' αὐτοῦ καὶ ἀπεδόθη ταῖς βασιλικαῖς θήκαις. τῷ δὲ Βαγῶα οὐκ ἀπέχρησε τὸ ἀποκτεῖναι τὸν Ὠχον, ἀλλὰ γὰρ καὶ ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ λαβάς μαχαίρων ἐποίησε, τὸ φονικὸν αὐτοῦ ἐνδεκνύμενος διὰ τούτων. ἐμίσησε δὲ αὐτόν, ἐπεὶ τὸν Ἄπιν ἐν Αἰγύπτῳ γενόμενος ἀπέκτεινε καὶ οὗτος, ὡς ὁ Καμβύσης πρότερον).

⁷ «Артаксеркс, завоевав весь Египет и срыв стены важнейших городов, разграбил храмы и собрал множество золота и серебра и унес из древних храмов записи, которые потом Багой за большие деньги продал назад египетским жрецам» (пер. Б. А. Тураева [Тураев, 1935, т. 2, с. 161]; Diod. XVI. 51.2: Ἀρταξέρξης δὲ παραλαβὼν πᾶσαν τὴν Αἰγύπτον καὶ τῶν ἀξιολογωτάτων πόλεων τὰ τεῖχη περιελθὼν τὰ μὲν ἱερὰ συλῆσας ἤθροισεν ἀργύρου τε καὶ χρυσοῦ πλῆθος, ἀπήνεγκε δὲ καὶ τὰς ἐκ τῶν ἀρχαίων ἱερῶν ἀναγραφάς, ἃς ὕστερον Βαγῶας πολλῶν χρημάτων ἀπελύτρωσε τοῖς ἱερεῦσι τῶν Αἰγυπτίων).

священное животное. Второй сюжет — о жертвоприношении Аписа «ослу» — отразился в сообщении Плутарха со ссылкой на Динона Колофонского (см. об этом авторе далее): согласно нему, Ох, которого египтяне ненавидели и называли ослом, заколол в отместку Аписа со словами: «Не сомневайтесь, этот осел съест вашего быка»⁸. Очевидно, в этом сообщении мотивы съедения Аписа и его принесения в жертву тесно переплелись: Ох явно говорит о собственном намерении съесть быка, но коль скоро египтяне отождествляют его самого с «ослом»-Сетом, это действие и приобретает смысл принесения богу подобной жертвенной пищи. Вне такого переплетения, просто о принесении Охом Аписа в жертву «ослу», сообщает Элиан⁹, который в другом случае добавляет, что египтяне — почитатели «Сараписа» (в этом контексте явно Осириса, с которым связан Апис) — ненавидят осла, т. е. Сета, и что Ох убил Аписа, чтобы уязвить их¹⁰. Достаточно понятно, что эти два сообщения Элиана восходят к единому прототипу, который к тому же схож с сообщением Плутарха, восходящим к Динону; в таком случае едва ли будет слишком смело допустить, что уже этот историк передавал сюжет об Артаксерксе III, сопоставленном с «ослом»-Сетом

⁸ «...ненавидя из всех персидских царей более всего Оха как человека преступного и кровожадного, они (египтяне. — *И. Л.*) назвали его ослом. А он, воскликнув: «Не сомневайтесь, этот осел съест вашего быка», — заколол Аписа; так об этом свидетельствует Дейнон» (пер. Н. Н. Трухиной [Плутарх, 1977, с. 263]; FGrHist. 690. F. 21 = Plut. De Is. et Os. 31: διὸ καὶ τῶν Περσικῶν βασιλέων ἐχθραίνοντες μάλιστα τὸν Ὠχὸν ὡς ἐναγῆ καὶ μιᾶρόν, ὄνον ἐπωνόμασαν. κακείνος εἰπὼν ὁ μὲντοι ὄνος οὗτος ὑμῶν κατευχήσεται τὸν βοῦν ἔθυσσε τὸν Ἄπιν, ὡς Δείνων ἰστόρηκεν).

⁹ «...Египтяне называли Оха на своем языке ослом, сравнивая его тугодумие с несмысленностью этого животного. В отместку он заклал Аписа в жертву ослу» (пер. С. В. Поляковой [Элиан, 1995, с. 44]; Ael. Var. Hist. IV. 8: Ὅτι τὸν Ὠχὸν οἱ Αἰγύπτιοι τῆ ἐπιχωρίῳ φωνῇ Ὀνον ἐκάλουν, τὸ νωθὲς αὐτοῦ τῆς γνώμης ἐκ τῆς ἀσθενείας τοῦ ζῴου διαβάλλοντες. ἀνθ' ὧν ἐκείνος τὸν Ἄπιν πρὸς βίαν κατέθυσεν Ὀναφ).

¹⁰ «И те, кто придерживаются почитания Сараписа, ненавидят осла. Зная это, Ох перс убил Аписа и обожествил осла, желания до крайности уязвить египтян. И он отдал должное священному быку, не меньше и не легче, чем Камбис, первый совершивший такое святотатство» (Ael. De nat. anim. X. 28: ἀλλὰ καὶ ὅσοι περὶ τὴν θρησκείαν ἔχουσι τὴν τοῦ Σαράπιδος μισοῦσι τὸν ὄνον. τοῦτό τοι καὶ Ὠχὸς ὁ Πέρσης εἰδὼς ἀπέκτεινε μὲν τὸν Ἄπιν, ἐξεθέωσε δὲ τὸν ὄνον, ἐς τὰ ἔσχατα λυπῆσαι θέλων τοὺς Αἰγυπτίους. ἔδωκε δὲ ἄρα καὶ αὐτὸς δίκας τῷ ἱερῷ βοῖ οὐ μεμπτὰς οὐδὲ ἤττονας Καμβύσου τοῦ πρώτου τὴν θεοσυλίαν ταύτην τετολημηκότος).

и приносящим Аписа ему в жертву. Что касается первого сюжета (съедения Артаксерксом III Аписа), его связь с традицией греческих историков не вырисовывается столь четко; однако вряд ли можно сомневаться, что оба эти сюжета взаимосвязаны и были порождены одними и теми же условиями.

Причудливость этих свидетельств об Артаксерксе III, а также их вариативность, невольно наводящая на мысль именно о вариациях топоса, а не о передаче реального, пусть даже выходящего из ряда вон эпизода, бросаются в глаза. Как известно, знаменитый сюжет убийства Аписа Камбисом, наиболее подробно изложенный Геродотом (Hdt. III. 16, 27–29), не только не находит подтверждения в египетских свидетельствах, но и встречает в них прямое противоречие (известен саркофаг, который, согласно надписи на нем, был предоставлен для погребения Аписа самим персидским царем [Rosen, 1936, p. 30–35 (No. 3), 35–36 (No. 4)]); к тому же подобное святотатство шло вразрез с тем отношением к чужим культам, которого, как правило, придерживались Ахемениды¹¹. Тем не менее, по-видимому, именно этот сюжет стал основой топоса святотатств врагов, вторгающихся в Египет, по отношению к его культам, который проявился в сведениях Манефона о втором завоевании Египта гиксосами в союзе с египетскими прокаженными и в т. н. «Книге победы над Сетом» IV в. до н. э. [Ладынин, 2013, с. 28–32]. Как мы видели, в сообщениях о святотатствах Артаксеркса III легко опознаваемы коннотации, связанные с образом Сета: возможно, такой коннотацией является приписывание персидскому царю убийства не только Аписа (по очевидной аналогии с Камбисом), но и священного животного Мендеса, поскольку «Книга победы над Сетом» приписывала злему божеству подобные святотатства сразу в ряде египетских храмов (см., с отсылками к тексту: [Ладынин, 2013, с. 31]). Весьма показательно и то, что сообщения данной традиции приписывают Артаксерксу III убийство Аписа с целью как его съедения, так и принесения в жертву «ослу», причем порой (у Плутарха), эти две цели неразделимы. По-видимому, эта двойственность имеет прямую аналогию в сведениях Манефона, согласно которым при

¹¹ Достаточно привести один ярчайший пример: после захвата Афин и разрушения Акрополя во время вторжения Ксеркса в Грецию персы собирают сопровождавших их афинских изгнанников и велют им принести жертвы местным богам в соответствии с принятым ритуалом: Hdt. VIII. 54. См. в целом о данной проблеме: [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 340–343; Ladynin, 2005, p. 104–105, n. 50].

втором завоевании Египта гиксосами соединившиеся с ними местные прокаженные сознательно извращали ритуал, убивая в храмах не обычных жертвенных животных, а священных, и с целью не принести жертву, а употребить их мясо в пищу (Manetho. Frg. 54 = Ios. C. Ar. I. 20, 249; 28, 261). В свою очередь, этот мотив согласуется с умыслом принципиального искажения ритуала, который приписывается Сету в «Книге победы...» [Ладынин, 2013, с. 31–32].

Исходя из сказанного, достаточно очевидны как египетские истоки традиции о святотатствах Артаксеркса, так и ее фиктивность. Вместе с тем в связи с ней стоит задать следующий, крайне мало обсуждавшийся вопрос: когда, собственно, она сформировалась? Очевидно, что это могло произойти лишь на том этапе, когда в адресованной египтянам пропаганде была актуальна крайне негативная презентация второго персидского владычества; и в первую очередь в связи с этим думается собственно о времени Александра, вступление которого в Египет это владычество прекратило. Однако это напрашивающееся предположение не находит сколько-нибудь прямого подтверждения в источниках. Свидетельства о втором персидском владычестве, которые можно считать достоверными (в частности, рассказ Диодора Сицилийского о завоевании Египта Артаксерксом III, вероятно, восходящий к всеобщим историям Эфора и Феопомпа: Diod. XVI. 40–51) [Hammond, 1938–1939; Marincola, 2007, p. 177; Ruzicka, 2012, p. 179; Colburn, 2015, p. 167, n. 5] не сообщают ничего о кощунствах персидского царя по отношению к священным животным. Несколько иначе выглядят свидетельства Диодора и Курция Руфа об энтузиазме египтян по поводу вступления в их страну Александра, которые, вероятно, восходят к сведениям Клитарха Александрийского (см. о понятии т. н. «Клитарховой вульгаты»: [Ладынин, 2018, с. 40–41, прим. 5]): в сообщении об этом Диодора есть упоминание не только об алчности и высокомерии персов, но и об их «нечестии» по отношению к египетским храмам¹². Однако и в этом

¹² «Египтяне, давно уже враждебно относившиеся к персидским правителям, считая, что они алчны и высокомерны, с нетерпением ожидали прибытия Александра; они с радостью приняли даже перебежчика Аминту, пришедшего к ним добиваться власти. Итак, в Пелусий, где ожидалось вступление царя, собралось множество народа» (пер. В. С. Соколова и А. Ч. Козаржевского, ред. О. В. Смыки по: [Курций Руф, 1993, с. 62]; Curt. IV. 7. 1–2: *Aegyptii, olim Persarum opibus infensi, quippe avare et superbe imperitatum sibi esse credebant, ad spem adventus eius erexerant animos, utpote qui Amyntam quoque transfugam et cum precario imperio venientem laeti*

случае мы не видим даже стязанных описаний их кощунств и вообще каких-либо персонализированных выпадов против последних персидских царей в связи с их властью над Египтом. Иными словами, если сюжет убийства Аписа Камбисом известен нам подробнее всего по изложению Геродота, т. е. из магистральной исторической традиции, то святотатства, приписываемые Артаксерксу III, не отразились в ней, если не считать труд о Персии Динона Колофонского, на которого ссылался Плутарх. В таком случае этот мотив, скорее всего, не был актуален в пропаганде, которая окружала появление Александра в Египте и опосредованно отразилась в свидетельствах об этом его историков.

Последнее находит подтверждение еще и в следующем: стела Vicheum 2, посвященная смерти священного быка Бухиса в начале Года 4 царствования Александра Великого в Египте, т. е. в ноябре–декабре 329 г. до н. э., фактически утверждает *post factum* за Дарием III статус легитимного сакрального правителя. Как мы постарались показать, столь лояльное отношение к уже умершему персидскому царю, очевидно, контрастирующее со скорее негативным отношением к Ахеменидам в период второго персидского владычества, может быть объяснено изменением в пропаганде Александра в масштабах всей его державы [Ладынин, 2015]. Вместе с тем, даже при всей своей конъюнктурности, подобная «смена вех» в его египетской пропаганде была бы затруднительна, если бы всего лишь за два года до этого пропаганда, ведшаяся от его же имени, приписывала бы близкому предшественнику Дария святотатства в египетских храмах.

По мнению Г. Колбэрна, негативное восприятие второго персидского владычества в Египте, отразившееся в античной традиции, было сформировано в эпоху Птолемеев и, в частности, было связано с пропагандой, которую Птолемей, сын Лага, вел в пору своей сатрапии в Египте [Colburn, 2015]. Ее свидетельством Колбэрн считает «Стелу сатрапа» 311 г. до н. э. (см. теперь о ней: [Schäfer, 2011]), в которой Птолемей представлен как правитель, возмещающий ущерб, в свое время нанесенный Египту персами [Colburn, 2015, p. 173–179].

recepissent. Igitur ingens multitudo Pelusium, qua intraturus videbatur, convenerat); «Египтяне радостно приняли македонян, поскольку персы вели себя нечестиво по отношению к их храмам и правили насильственно» (Diod. XVII. 49. 2: οἱ γὰρ Αἰγύπτιοι τῶν Περσῶν ἡσεβηκότων εἰς τὰ ἱερὰ καὶ βιαίως ἀρχόντων ἄσμενοι προσεδέξαντο τοὺς Μακεδόνας).

Как будет видно из дальнейшего, мы согласны с общим выводом этого исследователя, однако некоторые его аргументы, на наш взгляд, уязвимы. Так, Колбэрн принимает как данность влияние птолемеевской традиции на сведения Диодора о завоевании Египта Артаксерксом III (хотя в подтверждение этого лишь констатирует, что автор возможного первоисточника Диодора Феопомп умер при дворе Птолемея I), и говорит, что под влиянием общего негативного отношения к этому периоду более поздние авторы перенесли на образ Артаксеркса III мотив убийства священного животного, восходящий к Геродоту [Colburn, 2015, p. 181–182]. Последнее особенно неправдоподобно, поскольку, как мы уже сказали, такая манипуляция была возможна лишь в условиях актуальности негативной презентации второго персидского владычества; и если ее можно отнести ко времени сатрапии Птолемея, то, очевидно, тогда же нужно искать и истоки фиктивной традиции о святотатствах Артаксеркса III. Попробуем посмотреть, какие к этому могут быть основания.

Колбэрн совершенно верно говорит о том, что, согласно «Стеле сатрапа», Птолемей вернул изображения богов и культовую утварь, в свое время похищенную из Египта персами (Urk. II. 14.7–11) [Schäfer, 2011, S. 74–83], и возвратил храмам Буто угоды, доходы с которого в свое время были конфискованы Артаксерксом III (Urk. II. 16–22) [Schäfer, 2011, S. 132–190]. Однако, помимо этого, «Стела сатрапа», как нам приходилось отмечать, вопреки давней традиции египетских официальных текстов, не утверждает владычество Египта над миром и не призывает к наступательным войнам, хотя ее главный герой, сатрап Птолемей, является замечательным военачальником и воином; иными словами, концепция этого текста включает отказ от внешней экспансии, которая, по-видимому, признается необычайно опасной [Карлова, Ладынин, 2017, с. 35–36]. Природа этой опасности достаточно очевидна, коль скоро на Артаксеркса III, дела которого представлены в тексте «Стелы...» своего рода моделью внешней угрозы для Египта, недвусмысленно переносятся мотивы, связанные с богом зла Сетом [Карлова, Ладынин, 2017, с. 40–41]. Учитывая резкий изоляционизм этих концептов «Стелы сатрапа», было бы, в общем, неудивительно одновременное появление на менее официальном уровне пропаганды фикции святотатств того же Артаксеркса III против священных животных. Собственно говоря, такая фикция была бы достаточно закономерным (по сути, повторяющим механизм возникновения сюжета об убийстве Аписа Камбисом)

утрированием того реального урона, который персидское владычество должно было принести египетским храмам и их культам.

Еще одним основанием для датировки возникновения этой фикции временем сатрапии Птолемея может послужить некоторое ее сходство с традицией о Клеомене из Навкратиса, которая отразилась во II книге «Экономики», приписывавшейся Аристотелю: один из ее сюжетов приписывает Клеомену намерение открыть охоту на почитавшихся египтянами крокодилов ([Arist.] Oec. II. 33b) [Ладынин, 2013, с. 20, 28, 32–33]. Как нам уже доводилось говорить, эта негативная традиция о Клеомене — противнике Птолемея на этапе его вступления во власть над Египтом — могла быть актуальна только во время его сатрапии [Ладынин, 2013, с. 36–37]. При этом перенесение на Клеомена топоса святотатств против священных животных, типичного для негативной презентации чужеземных правителей, должна была противопоставить его Птолемею как «хорошему правителю», несомненно, в восприятии египтян. В таком случае мы вправе сделать вывод об актуализации этого топоса как раз во времена сатрапии Птолемея, при том что в традиции о святотатствах Артаксеркса III он представлен несравненно ярче, чем в традиции о Клеомене.

Наконец, нельзя не обсудить тот единственный датировочный признак, который содержится непосредственно в одном из свидетельств о святотатствах Артаксеркса III, а именно уже упоминавшуюся отсылку Плутарха к труду Динона Колофонского Περσικῆ. Именно эта отсылка является *terminus post quem* при датировке этого труда и позволяет сказать, что он был создан не раньше завоевания Артаксерксом III Египта в 343 г. до н. э. [Lenfant, 2009, p. 52]. Что касается *terminus ante quem* труда Динона, то он, по сути дела, зависит от определения времени его жизни, а оно, в свою очередь, — от сообщения Плиния Старшего, согласно которому Динон был отцом одного из историков Александра Клитарха Александрийского (FGrHist. 137. T. 2 = 690. T. 2 = Plin. N.H. X. 136: *Dinon Clitarchi celebrati auctoris pater*). В случае, если, как считает ряд исследователей, труд Клитарха об Александре появился очень рано, между 310–300 гг. до н. э., вероятно и сравнительно раннее, еще в 330-е гг., если не к 340 г., появление труда его отца [Lenfant, 2009, p. 52–53]: тогда наши соображения о возникновении мотива святотатств Артаксеркса III во время сатрапии Птолемея становятся шаткими. Однако при отнесении *акме* Клитарха к 280–270-м гг. до н. э., в соответствии с той точкой зрения,

которая и кажется нам справедливой¹³, появляется возможность к тому, чтобы сдвинуть и датировку труда его отца позже, вплоть до конца IV в. до н. э., когда в нем могли проявиться идеологические мотивы времени сатрапии Птолемея. Стоит обратить внимание и на мнение Л. Пирсона [Pearson, 1960, p. 226], согласно которому хотя Динон и родился в Колофоне в Малой Азии, как указывает его этникон, но мог быть современником Александра и окончить свои дни в эллинистическом Египте, на что может указывать проегипетская тенденция ряда его сообщений (не только о святотатствах Артаксеркса, но и о якобы египетском происхождении матери Камбиса II Нитетис: FGrHist. 690. F. 11 = Athen. XIII. 560e–f) [Lenfant, 2009, p. 149–151; ср. Ладынин, 2006]. Если это так, достаточно логично допустить, что труд Динона о Персии (вероятно, доведенный до ее разгрома Александром) был своего рода предысторией эллинистической ойкумены, соответствующей идеологическим тенденциям начала времени Птолемеев (вероятно, конца IV в. до н. э.), причем далее Динон как бы передал исполнение этого «идеологического заказа» (уже применительно ко времени Александра) своему сыну. Во всяком случае, становится понятным глуховатое упоминание Клитархом нечестия персов в контексте вступления Александра в Египет, отражившееся в передаче Диодора: подробно развивать тему святотатств

¹³ В источниковедении времени Александра присутствовала всегда [Маринович, 1982, с. 33–34] и окрепла в последнее время [Prandi, 1996; Zambrini, 2007, p. 212, 216–217] позиция, согласно которой труд Клитарха об Александре появился очень рано — между 310–300 гг. до н. э. Однако У. Тарн считал, что труд Клитарха был написан в Александрии не раньше 280–270-х гг. до н. э., а возможно и позже, в основном в опоре на сведения Аристулу, который был участником Восточного похода [Tarn, 1948, vol. 2, p. 16–29; Маринович, 1982, с. 33]. В 2000 г. Р. Хаззард добавил к его позиции ряд аргументов, которые, по его мнению, должны указывать на датировку труда Клитарха временем Птолемея II Филадельфа: это риторический стиль данного труда; придание в нем царствованию Александра ряда дионисийских черт (ср. с дионисийскими мотивами в празднестве времени Филадельфа в Александрии, известном по описанию Калликсена Родосского); упоминание прибывшего якобы к Александру римского посольства (FGrHist. 137. F. 31 = Plin. N.H. III.3.57–58), возможно, реплицирующее установление птолемеевским Египтом контактов с Римом после Пирровой войны; а также интерпретация, которую Клитарх дает эпитету Птолемея I «Сотер» [Hazzard, 2000, p. 7–17] (см. о последнем, а также об описании Калликсена: [Ладынин, 2017, с. 81–88]). Спорность многих положений данной работы Хаззарда не мешает тому, что приведенный им аргумент в связи с упоминанием Клитархом посольства римлян к Александру представляется справедливым и чрезвычайно весомым.

Артаксеркса III, в условиях успешной экспансии Птолемеев в начале III в. до н. э. и, соответственно, их отхода от концепции изоляционизма Египта, для Клитарха не имело смысла, но и пройти совсем мимо сюжета, запечатленного его отцом, он, видимо, не хотел.

Таким образом, нам представляется, что во время сатрапии Птолемея пропаганда изоляционизма Египта велась на двух уровнях. Один из них — «официозный» — породил к частности текст «Стелы сатрапа», выдержанный в стилистике традиционных царских надписей; на этом уровне были задействованы некоторые мотивы, известные также в «Книге победы над Сетом», но в целом при обращении к такому примеру ущерба Египту извне, как второе персидское владычество, не предполагалось каких-то серьезных искажений и вымыслов. Вместе с тем велась и пропаганда на «неофициальном» уровне, гораздо более красочная и рассчитанная на массовую циркуляцию: именно она активно использовала тоpos святотатств чужеземного правителя против священных животных в его перенесении Артаксеркса III и Клеомена. Трудно представить себе в точности, какую именно форму имело распространение этой традиции об Артаксерксе III в египетской среде. Однако, учитывая, что другим очевидным примером подобной «неофициальной пропаганды» начала эллинизма были сюжеты, отразившиеся в итоге в «Романе об Александре», можно думать, что, по аналогии с ними, данная традиция отразилась на первых порах в небольших демотических новеллах, содержание которых стало достаточно быстро известно и грекоязычной публике (см. о демотической и грекоязычной версиях т. н. «Сна Нектанеба»: [Ладынин, 2017, с. 132–135]).

В заключение остановимся на вопросе, который закономерно встает не только в контексте наших наблюдений над традицией о святотатствах Артаксеркса III в Египте, но и в целом в связи с темой изоляционизма в пропаганде, адресовавшейся во времена сатрапии Птолемея египтянам: зачем идеологам македонского правителя вообще понадобилось конструировать мотивы, всячески обличавшие во внешнем мире источники страшных опасностей для Египта? Изоляционистская концепция «Книги победы над Сетом», демонизирующей врагов Египта, сложилась на протяжении IV в. до н. э. в условиях, когда египетское государство XXVIII–XXX династий не только не могло вести внешнюю экспансию, но и непрерывно ожидало нападения персов без полной уверенности в его успешном отражении. Историческая ситуация времени сатрапии Птолемея,

особенно после того, как определился исход третьей войны диадохов, а затем продолжилось противостояние с Антиохом и Деметрием (см., например: [Hölbl, 2001, p. 17–20]), была в принципе схожей; и, коль скоро Птолемей был заинтересован в собственной презентации в качестве благого правителя Египта, его идеологи должны были показать, что он поддерживает существование его государственности без потерь. Как и «Книга победы над Сетом», концепция «Стелы сатрапа» должна была, по-видимому, показать (или, по крайней мере, констатировать), что от невозможности внешней экспансии Египет ничего не теряет, поскольку стремиться к ней попросту нет оснований. При этом к мотивам пропаганды Птолемея могло добавляться и еще одно соображение. Говоря о правдоподобности сообщений античной традиции об энтузиазме египтян при вступлении в их страну Александра, мы связали такую их реакцию с недовольством вторым персидским владычеством; однако, по сути дела, такое объяснение недостаточно, так как египтяне не могли не понимать, что одно чужеземное господство над их страной сменилось при этом другим. Уже на протяжении царствования Александра миссия, исполнявшаяся в Египте его главным представителем Клеоменом из Навкратиса [Ладынин, 2012], должна была развеять какие бы то ни было иллюзии по поводу того, что новое, македонское, господство будет качественно менее обременительно по сравнению с господством персидским. В дальнейшем Птолемей был в глазах египтян, разумеется, также агентом внешней по отношению к их стране силы. При этом его курс на обособление от державы Аргеадов, определившийся уже в начале его власти над Египтом, не обязательно выглядел в глазах египтян преимуществом: если центральная власть межрегиональной державы хотя бы была далеко от Египта и не зависела исключительно от его ресурсов, то для Птолемея Египет был метрополией, несшей основное бремя содержания создаваемой им государственности. «При прочих равных» в подобной ситуации у египтян не было бы особых оснований предпочитать власть Птолемея власти его противников среди диадохов. Соответственно, Птолемей не мог не быть заинтересован в том, чтобы обеспечить именно себе преимущественную лояльность и поддержку египтян. Очевидно, средством для этого служила не только самопрезентация в качестве благодетеля египетских культов и защитника Египта от врагов, но и наглядная, на конкретных и более или менее недавних примерах, демонстрация того, что любая власть над Египтом, исходящая из-за его пределов, несет для него необычайную опасность.

Библиография

- Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит.-ры, 1980. 416 с.
- Карлова К. Ф., Ладынин И. А.* Кольцо вокруг Египта: изоляционистские мотивы в «Книге победы над Сетом» и в «Стеле сатрапа» // ВДИ. 2016. Т. 77. № 3. С. 555–573.
- Ладынин И. А.* Легенда о египетской царевне Нитетис (Herod. III. 1–2; Athen. XIII. 560d–f) в политико-историческом контексте VI в. до н. э. // АМА. 2006. Вып. 12. С. 33–42.
- Ладынин И. А.* К вопросу о характере полномочий и формальном статусе Клеомена из Навкратиса // Проблемы истории, филологии и культуры. 2012. № 4. С. 89–100.
- Ладынин И. А.* Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкратиса и топосы древнеегипетской пропаганды // ВДИ. 2013. № 2. С. 18–40.
- Ладынин И. А.* Стела Bucheum 2 (British Museum, № EA1697, 1719) и восприятие власти и государственности Ахеменидов в Египте времени Александра Великого // Stratum plus. 2015. № 6. С. 1–14.
- Ладынин И. А.* «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 332 с. (Труды Исторического факультета МГУ, 84. Сер. II: Исторические исследования, 40).
- Ладынин И. А.* Жизнь и смерть одного Аписа: от второго персидского владычества до сатрапии Птолемея // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. Вып. 9. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова (исторический факультет), 2018. (Труды Исторического факультета МГУ, 102. Сер. II: Исторические исследования, 55). С. 35–55.
- Маринович Л. П.* Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1982. С. 22–65.
- Плутарх.* Об Исиде и Осирисе / Пер. Н. Н. Трухиной, под ред. А. Ч. Козаржевского // ВДИ. 1977. № 3. С. 245–268.
- Тураев Б. А.* История древнего Востока. Л.: ОГИЗ; Соцэжгиз, 1935. Т. 1–2.
- Элиан.* Пестрые рассказы / Пер., статья, прим. и комм. С. В. Поляковой. М.: Ладомир; Наука, 1995. 186 с.
- Colburn H. P.* Memories of the Second Persian Period in Egypt // Political Memory in and after the Persian Empire / J. M. Silverman, C. Waerzeggers. Atlanta: SBL Press, 2015. P. 165–202.
- Hammond N. G. L.* The Sources of Diodorus XVI // CQ. 1937. Vol. 31. P. 79–91; 1938. Vol. 32. P. 137–151.
- Hazzard R. A.* Imagination of Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda. Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 2000. XII, 244 p. (Phoenix Supplementary Volume; 37).

- Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. L.; N. Y.: Routledge, 2001. XXXVI, 373 p.; ill., maps.
- Ladynin I. A.* “Adversary *Hšryš3*”: His Name And Deeds According To The Satrap Stela // CdÉ. 2005. T. 80. P. 87–113.
- Lenfant D.* Les Histoires perses de Dinon et d’Héraclide. P.: Boccard, 2009. 370 p. (Persika; 13).
- Marincola J.* Universal History from Ephorus to Diodorus // A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. J. Marincola. Vol. I. Malden; Oxford; Carlton: Wiley-Blackwell, 2007. P. 171–179.
- Meulenaere H. de. Mendes* // LÄ. Bd. IV. 1982. Sp. 43–45.
- Posener G.* La première domination perse en Égypte. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale du Caire, 1936. XIV, 206 p., XVII pl. (Bibliothèque d’étude; 11).
- Prandi L.* Fortuna e Realtà dell’Opera di Clitarco. Stuttgart: F. Steiner, 1996. 203 p. (Historia-Einzelschriften; 104).
- Ruzicka St.* Trouble in the West: Egypt and the Persian Empire, 525–332 BCE. N. Y.: Oxford University Press, 2012. XXV. 311 p.: maps. (Oxford Studies in Early Empires).
- Schwartz J.* Les conquérants perses et la littérature égyptienne // BIFAO. 1949. T. 48. P. 65–80.
- Schäfer D.* Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern. Leuven: Peeters, 2011. XLVI. 324 S.; Ill. (Studia hellenistica; 50).
- Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. Vol. 1–2.
- Te Velde H.* Seth, God of Confusion: A Study of His Role in Egyptian Mythology and Religion. Leiden: Brill, 1967. XIV, 168 p., 16 fig., 12 pl., frontispiece. (Probleme der Ägyptologie; 6).
- Zambrini A.* The Historians of Alexander the Great // A Companion to Greek and Roman Historiography / Ed. J. Marincola. Vol. I. Malden; Oxford; Carlton: Wiley-Blackwell, 2007. P. 210–220.

**ЧТО ОБЕЩАЛ СФИНКС, ИЛИ ПОЧЕМУ ЕГИПЕТСКИЕ
ЦАРИ МОГЛИ УЗУРПИРОВАТЬ ПАМЯТНИКИ СВОИХ
ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ**

Лаврентьева Ника Владимировна
Государственный музей изобразительных искусств
имени А. С. Пушкина*

**WHAT THE SPHINX PROMISED, OR WHY THE EGYPTIAN
KINGS COULD USURP THE MONUMENTS OF THEIR
PREDECESSORS**

Lavrentyeva Nika Vladimirovna
The Pushkin State Museum of Fine Arts

Аннотация: В статье в центре внимания находится так называемая «Стела сна» с текстом, описывающим общение царевича — будущего фараона Тутмоса IV — с солнечным богом Хармахисом в образе Гизехского сфинкса. Здесь затрагивается вопрос о том, как египтяне представляли себе общение с образами богов, находящихся в статуях. Кроме того, из текста следует, что традиция, по-видимому, расценивала эту колоссальную статую не как портрет определенного царя, а как образ бога-хранителя этого царского некрополя и всего Египта. Правители Нового царства реставрировали памятники, возведенные их предшественниками, таким образом, переводя эти тексты и изображения в зону своего влияния. Поскольку фараон в Египте — всегда сын солнечного бога, то проблема узурпации, как ее воспринимает европейская культура, в Египте в данном случае не всегда может рассматриваться как присвоение чужого, но видится, скорее, как выражение непрерывности традиции, санкционированной солнечным божеством.

Ключевые слова: Большой сфинкс, Хармахис, Гиза, древнеегипетский портрет, узурпация, стела.

Abstract: The article focuses on the so-called “Dream Stela” with the text describing the communication between the prince — the future pharaoh Thutmose IV — with the solar god Harmakhis in the form of a Great Sphinx in Giza. The author discuss a problem of how the Egyptians imagined the communication with the images of the gods in the forms of statues. In addition,

* 119019, Москва, Волхонка, д. 12; nika27-merty@yandex.ru

as it follows from the text, the ancient Egyptians regarded this colossal statue not as a portrait of a certain king, but as an image of the god-keeper of this royal necropolis and all of Egypt. The rulers of the New Kingdom, restored the monuments erected by their predecessors, transmitted these texts and images into a zone of their influence. Since the pharaoh was the son of a solar god, the problem of usurpation, as perceived by European culture, in Egypt in this case cannot always be regarded as an appropriation of the monuments of their predecessors, but seems to be an expression of the continuity of the tradition sanctioned by the solar deity.

Key words: Great Sphinx, Harmakhis, Giza, ancient Egyptian portrait, usurpation, stele.

Древнеегипетская цивилизация подарила миру огромное количество письменных памятников, которые содержат разнообразнейшую информацию. Но, к сожалению, до нас не дошел ни один древнеегипетский трактат по искусству. Поэтому и термины, связанные с художественным творчеством, и само понимание египтянами некоторых вопросов, напрямую связанных с изобразительным искусством, таких как портретность и то, что греки называли «*мимесис*»¹, а египтяне для одного из аспектов этого понятия использовали термин «*кеду*» [Куценков, Чегодаев, 2014, с. 37], приходится восстанавливать по косвенным материалам. Конечно же, это и сами памятники искусства, подавляющее большинство из которых имеют надписи.

При развитой портретности египетских статуй (даже не углубляясь в проблему, связанную с различием статуй идеализированных и созданных «согласно жизни»), наблюдается устойчивый процесс узурпации не только построек и идеализированных статуй, но и «портретных» памятников. Объясняется это, как правило, силой воздействия имени «*рен*», идентифицирующего скульптуру с определенным владельцем, даже в большей степени, чем внешнее сходство [Большаков, 2016, с. 32]. Сначала стоит отметить, что статуя — «сосуд» для души покойного, и в принципе, развивая эту идею, можно прийти к довольно очевидному умозаключению, что в этот сосуд, при некоем усилии или внешнем воздействии можно поместить и душу другого человека, если, например, написать на поверхности другое имя.

¹ Мимесис, или мимезис (др.-греч. Μίμησις) — подобие, воспроизведение, подражание. В теории искусства — подражание искусства действительности.

Однако в большом количестве случаев имена предыдущих царственных владельцев, как в случае с тем же Аменемхетовым сфинксом (Танисский сфинкс, Каир, Египетский музей, JE15210/CG 394) могли даже не уничтожаться, новые имена просто наносились на свободное место.

Каков был механизм создания и восприятия таких узурпаций? Текстов, где царь напрямую сообщает о том, что он узурпировал или приписал определенный памятник себе, мне не встречалось. Но свидетельства отношения египтян к этому процессу стоит все же искать, прежде всего, в текстах.

Строго говоря, исходя из египетской логики, узурпация царских памятников фараоном-потомком — это вовсе не является дерзким присвоением чужого изображения. Фараон в Египте, являя себя миру в каждом царствовании в образе отдельного индивида-человека, в сущности, един — это различные проявления солнечного, хорового, начала, которое покидает тело царя в момент смерти, чтобы, соединившись со своим небесным первообразом, сойти в нового царя. Поэтому каждый царский памятник изображает как конкретного индивида, жившего в определенной исторической эпохе, так и фараона-бога вообще. И в этом случае его божественный образ могут сопровождать любое количество царских имен. Кроме того, каждый последующий правитель, сделавший что-то — ритуально или профанно — для этого памятника, становится связан с ним, актуализирует его во время своей жизни [Лаврентьева, 2015, с. 118]. И в этом случае такая деятельность не имела никакого отношения к узурпации.

Мое предположение состоит в том, что в «Стеле сна» Тутмоса IV [Lepsius, 1849, Bl. 68] описывается именно этот процесс, причем описание исходит из уст самого Большого сфинкса.

В 10-й строке «Стелы сна» сфинкс в качестве бога Хармахиса рассказывает о своем плачевном состоянии, что его статую занесли пески пустыни [Sethe, 1907, S. 1543: 8.]. Напрашивается сравнение со мглой, затуманивающей солнечное око, которое нужно прояснить (*shd ir.t (n) nb r dr*) [Sethe, 1907, S. 1543: 3]. Причем стоит отметить, что бог не просит ему помочь и взамен даст царевичу получить двойную корону и трон Геба. В тексте сначала следует «пророчество» о воцарении, а затем описывается состояние статуи бога. Сфинкс прямо говорит: *iw hr=i n=k ib=i nu=k n=i* — «Вот лицо мое для тебя/принадлежащее тебе, сердце мое для тебя/принадлежащее

тебе, для меня». Таким образом, сфинкс обещает, что Тутмос не только станет царем, но и что статуя Хармахиса станет статуей фараона Тутмоса IV.

Рассмотрим подробнее несколько ключевых деталей этой коммуникативной ситуации.

Царевич охотился в пустыне и делал это инкогнито, только с двумя сопровождающими [Helck, 1956, S. 1541: 13–14.]. Таким образом, создана ситуация, когда принц находится в пограничном пространстве (пустыня и граница некрополя), где контакты с миром богов возможны, несмотря на то что объект этой коммуникации находится вне храма².

Царевич уснул, когда солнце находилось в зените (*3t R^c m wpt*) [Helck, 1956, S. 1542: 13], то есть когда солнечное божество с особенной силой являет себя людям. Однако его сон — это не просто явленное пророчество, но непосредственное общение бога и принца, что, вероятно, было невозможно в состоянии бодрствования [Zivie-Coche, 2002, p. 49]. Ведь принц описывается здесь не как жрец и тем более он еще не стал фараоном.

Подчеркивается, однако, что бог явился царевичу именно в образе статуи сфинкса, где бог сам называет себя Хармахис-Хепри-Ра-Атум. И он же указывает, что лицо статуи бога — это лицо того, кто правит страной, поэтому усилия по реставрации памятника — это не условия получения короны, а долг сына и заступника-наперсника бога (*ntk s3=i ndty=i*) [Helck, 1956, S. 1543: 10]. Царевич Тутмос последовал словам бога, о чем и свидетельствует поставленная между лап сфинкса стела, но в бытность его царевичем или уже став фараоном, — неизвестно [Shaw, 2000, p. 254]³. Ясно одно — опыт общения с божеством стал, по крайней мере, одной из основ для формулирования идеологии и стратегии его царствования, поскольку в стеле, поставленной уже в годы царствования, взаимосвязь царя и бога четко прослеживается. Надо отметить, что Тутмос не ограничился только расчисткой статуи от песка, при нем, по-видимому, была также построена стена, защищающая изображение от песков пустыни, а внутрь образовавшегося пространства вела лестница [Zivie-Coche, 2002,

² Ситуация этим схожа с эпизодом из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», когда герой вступает в диалог со змеем, живущим на острове [Golénisheff, 1913, строки 61–160].

³ Стела была изготовлена в первый год царствования Тутмоса IV.

р. 50]⁴. К этому же времени относится и реставрация Сфинкса, когда эрозированная скала была обложена блоками турецкого известняка, чтобы вновь придать изображению форму сфинкса. Таким образом, это вместилище бога словно получило новую оболочку. При Тутмосе, вероятно, на платок-«немес» был водружен «урей» (поскольку во времена Хафры «урей» фактурно не выделялся в качестве отдельного скульптурного объема, а, скорее, прочерчивался по поверхности, повторяя форму головы⁵). Таким образом, Тутмос заново «короновал» сфинкса как бога в образе царя, подчеркивая, что это произошло именно в период его правления, и теперь это изображение неразрывно связано с ним самим как с фараоном. Так лицо этого бога стало действительно лицом Тутмоса IV как царя Египта⁶.

В тексте нигде не упоминается имя Хафра, при котором было создано это изображение, имеющее, кстати, его портретные черты и принадлежащее к его заупокойному комплексу. Мы не знаем, имел ли Большой сфинкс когда-нибудь подписанное имя, но поскольку о его принадлежности упорно молчат все источники⁷, и традиция, по-видимому, расценивала эту колоссальную статую не как портрет определенного царя, а как образ бога-хранителя этого царского некрополя и всего Египта⁸.

⁴ Лестница была позднее перестроена, по-видимому, в греко-римскую эпоху.

⁵ Каир, Египетский музей, CG 14.

⁶ Позднее к этой стеле были присоединены еще две. Эти стелы были обнаружены в ходе раскопок Кавильи в 1816 г. и попали в Лувр. На стелах изображен Рамсес II перед сфинксом. Его Хорово имя держит знак «Ка», находящийся позади царя. Так демонстрируется, что царь также воплощение этого солнечного божества. Если с этой позиции рассматривать «узурпаторскую» деятельность Рамсеса II, то это была, скорее, реставрация и обновление памятников. А. Пьянков отметил также, что во времена XVIII–XIX династий Сфинкс рассматривался, скорее, как изображение правящего царя, а позднее — как древний памятник, представлявший самого бога Хармахиса. [Piankoff, 1932, p. 155–158]. Кроме того, сфинкс иконографически и стилистически приобретает некоторые черты именно рамессидского времени. Так же как и в «Стеле сна», в образе сфинкса есть черты XVIII династии.

⁷ Что до недавнего времени вызывало дискуссию в научных кругах о датировке и принадлежности сфинкса заупокойному комплексу Хуфу или Хафра. [Lehner, 1997, p. 127].

⁸ М. Ленер отмечает, что гранитная стела Тутмоса IV была изготовлена из блока, происходившего из верхнего храма Хафра. Таким образом, реставрируя статую Хармахиса, пренебрегали культом Хафра. Однако он высказывает предположение, что поскольку царь был воплощением Хора, то все царские памятники принадлежали Хору и его культу [Lehner, 1997, p. 127.]. В эпоху Нового царства перед сфинксом была построена небольшая часовня «Сетепет» (*stpt* — «Избранная»).

Здесь затрагивается и еще одна любопытная тема: как египтяне представляли себе общение с образами богов, находящихся в статуях. Свидетельств таких непосредственных диалогов со статуями сохранилось немного. Одно дело, когда перед нами рельеф или скульптурная группа, демонстрирующая диалог фараона и божества — так они поставлены в «равные условия», находятся в одном пространстве. Другое дело, когда мы имеем свидетельства того, как «физическое лицо» вступает в коммуникацию с божеством, находящимся в изображении, и когда перед нами — прямая речь бога, обращенная к человеку.

Разговоры со статуями можно обнаружить еще в двух текстах — «Стеле Бентреш» и в так называемой «Поэтической стеле», где Амон-Ра обращается к Тутмосу III.

В «Поэтической стеле» (Каир, Египетский музей, JE 34010) [Sethe, 1907, S. IV 610–619] из Карнака, описывающей победы Египта над соседними народами, Амон обращается к Тутмосу III. Гранитная стела (высотой 180 см) была обнаружена в северном дворе вестибюля Шестого пилона Карнака [Porter, Moss, 1929, p. 32, 35.]. Сцены в верхней части стелы были повреждены в эпоху Амарны, но позднее были отреставрированы [Breasted, 1906, p. 262]. Здесь стоит остановиться на том, как бог описывает свое отношение к царю. Он несколько раз (Urk IV, 611-b1(4), 616 — f 18(3)) называет его «заступник-наперсник» (*ndty*). Бог изрекает, что «(1) восхожу и свечу я из любви к тебе, мое сердце (2) радуется твоим прекрасным посещениям храма моего, охватывают (*hm*) руки мои твое тело защитой и (облекают)

Аменхотеп II — отец Тутмоса IV — построил храм на северо-востоке от сфинкса с посвящением Хармахису. Отец подал пример сыну, поскольку в тексте Аменхотепа II повествуется, что он, будучи царевичем, проявлял интерес к лошадям, как он объезжал их и остановился около Хармахиса (Стела Большого Сфинкса Аменхотепа II, 25) [Lichtheim, 1976, p. 42]. Он осмотрел места упокоения Хуфу и Хафра. И его сердце пожелало, чтобы их имена жили, и он воплотил свою идею, когда стал царем. В частности, он возвел там стелу, которая была обнаружена в 1936 г. [Hassan, 1937, p. 129–134]. Тутмос IV поместил свою стелу в капеллу между лап сфинкса, где ее и обнаружил Кавилья в 1816 г. Возможно также, что стела Тутмоса IV стояла у подножия колоссальной статуи (высотой ок. 6–7 м) его отца Аменхотепа II, следы которой сохранились на груди сфинкса. Сохранились стелы, возводившиеся в память посещения сфинкса, как царями, так и обычными паломниками. На некоторых из этих стел можно увидеть изображения стоящей царской статуи на груди сфинкса. В конце XVIII династии за нижним храмом Хафра Тутанхамон возвел небольшой дворец [Lehner, 1997, p. 132].

жизнью. Сладостны мне благости твои (*izm'im3t*) к груди (*šnbt*) моей. Утвердил я (3) тебя в святилище (*iwyt*) моем. Чудеса (*bi3u*) мои для тебя». И далее он упоминает царский «урей» и сияние: «(9) Сияет Владычица моя на голове твоей» и «(13) Сияешь ты в лицах их (иноземцев) в подобии/образе (*m snn=i*) моем». Тутмос описывается как сын и заступник, который «(24) делает для меня (т. е. бога) все, любимое моим Ка».

В «Стеле Бентреш»⁹ мы можем наблюдать разнообразные варианты такой коммуникации: *царя и статуи, статуй между собой* и статуи и духа, статуи и сопровождавшего ее жреца¹⁰. Хонсу-в-Фивах-прекрасный-Умиротворенностью дважды высказывает свое согласие, чтобы Хонсу-определяющий-судьбу отправился в Бахтан для изгнания духа, вредившего здоровью царевны Бентреш. Причем Хонсу Фиванский делает «четырежды магическую» защиту для Хонсу-определяющего-судьбу перед отправкой последнего в дальний путь. Хонсу в обеих своих ипостасях не произносит никаких пожеланий, только выражает свое согласие. К сожалению, в тексте не указано, каким именно образом божество изъявило свое согласие¹¹. Однако свое нежелание долее оставаться в чужеземной стране бог проявляет значительно активнее. Правитель Бахтана видит во сне, как бог покидает его страну, вылетая из святилища в виде сокола: «вышел он (бог) наружу из отведенного ему места, (причем) оказался он золотистым соколом, и взмыл он в небо по направлению к Египту» [Демидчик, 1998, с. 63]. Понимая невозможность перечесть воле божества, правитель спешно отправляет статую на родину, снабдив ее разнообразными дарами.

В частном культе можно увидеть схожую ситуацию. Если перед нами статуя, то ее можно использовать совместно с ее первоначальным владельцем, как сосуд, в который помещаются две несмешивающиеся жидкости. Стоит только добавить имя. Имя каждого владельца

⁹ Стела Louvre C284. Известны также блоки из Луксора, обнаруженные эпиграфической экспедицией Чикагского университета (1978–1979 гг.). Памятник повествует о событиях эпохи Рамсеса II (XIII в. до н. э.), но оба списка датируются более поздним временем. Стела была обнаружена на территории храма Хонсу, в восточной части Карнакского комплекса [Porter, Moss, 1972. P. XXXVI, 586].

¹⁰ См. перевод на русский яз. [Демидчик, 1998, с. 57–63, 245–256].

¹¹ Однако А. Е. Демидчик в комментарии к переводу ссылается на гипотезу Я. Черны, что «решение оракула узнавалось по движению носилок со статуей бога». [Демидчик, 1998, с. 60, прим. 37 с. 255].

порождает свое воспоминание, свой образ — «Ка» определенного человека [Большаков 2016, с. 32–33]. Тогда в плюсе оказываются все — оба совладельца могут получать приношения. Это схоже с идеей занять старую гробницу по согласованию с ее первым владельцем: один получает готовую гробницу, другой — часть от приношений, особенно если его индивидуальный культ уже прервался. Если же имя первого владельца уничтожалось — это злое намерение, что указывалось как грех на загробном суде¹² (BD 125).

Наши представления о смыслах, которыми наполнялись изображения людей в древности, могут быть весьма далеки от реальности носителей культуры, породившей эти «портреты». Мы спорим об условности, о похожести, индивидуализации и даже психологизме этих образов, набрасывая сетку наших понятий на изображение, функционировавшее по-иному, но все же немного иным образом¹³, чем привычные нам, например, европейские портреты XIX в. А Сфинкс, несмотря на свою загадочность и немногословность, которыми его наградила греческая, арабская и затем европейская культура, очень точно сформулировал это египетское представление: «мое лицо — твое лицо»¹⁴.

Библиография

- Большаков А. О. Об идеологии древнеегипетского царского портрета // Два Аменемхета. Каталог выставки. СПб., 2016. С. 38–43.
- Демидчик А. Е. Исцеление Бентреш // Сказки древнего Египта. М., 1998. С. 57–63, 245–256.
- Из Книги Мёртвых // Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза / Пер. М. А. Коростовцева. М.: Художественная литература, 1978. С. 256–257.

¹² Интересно отметить, что прямого указания на уничтожение имени как на грех в списках нет, но есть отрицание действий, которые с этим связаны непосредственно, в т. ч. «я не убивал», «я не приказывал убивать», «я не присваивал хлеба умерших». [Из Книги Мертвых, 1978. С. 256–257, № 14, 15, 19]. Уничтожение имени покойного приводит к разрушению связи с культом (и снабжение жертвоприношениями, и как таковое поминовение человека), что приводит к его исчезновению, что приравнивается к убийству. Кроме того, стоит вспомнить угрозы владельцев гробниц о повреждении имен и упоминание, что с нарушителем будут судиться. Черепки проклятий также указывают на уничтожение имени через разбивание миски с написанным текстом, где упоминается имя человека.

¹³ О восприятии статуй богов в Позднем и Греко-римском Египте [Ладынин, 2014, с. 158–168].

¹⁴ Так формулируется и «подобие» (и единственность) — «хоровость» и «отражение» (образность) — «Ка».

- Куценков П. А., Чегодаев М. А. Образное мышление и искусство эпохи перехода. Додинастический Египет // Искусствознание. Вып. 1–2/14. М.: Государственный институт искусствознания, 2014. С. 7–45.
- Лаврентьева Н. В. Изменения планировки царских гробниц Нового царства // AR. Вып. III. М.: Университет Дм. Пожарского, 2015. С. 118.
- Ладынин И. А. От вместилищ богов к магическим помощникам: рецепция переднеазиатского представления о культовых изображениях в Позднем и Греко-римском Египте. // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 158–168.
- Breasted J. H. *Ancient Records of Egypt*. Vol. II. Chicago: The University of Chicago Press, 1906. 428 p.
- Golénisheff W. S. Les papyrus hiératiques № 115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage imperial à St. Pétersbourg. St. Pétersbourg: Manufacture des Papiers de l'État, 1913. 8 p.: 28 pl., pl. suppl. A-D.
- Hassan S. The Great limestone stela of Amenhotep II // ASAE, T. 37. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1937. P. 129–134.
- Helck W. *Urkunden der 18. Dynastie*. B., Akademie-Verlag, 1956–1961. Hft. 17–22. (Urkunden des ägyptischen Altertums; 4).
- Lehner M. *Complete Pyramids*. Solving the Ancient Mysteries. New York: Thames and Hudson, 1997. 256 p.
- Lepsius R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien*. B.: Nicolaische Buchhandlung, 1849–1859. Tafelwerke. Abth. I–VI in 12 Bd.
- Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. 2: *New Kingdom*. Berkeley-Los Angeles-London, University of California Press, 1976. 239 p.
- Piankoff A. Two reliefs in the Louvre representing the Giza Sphinx // JEA, Vol. 18. London: the Egypt Exploration Society, 1932. P. 155–158.
- Porter B., Moss R. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. T. II: Theban Temples. Oxford: Clarendon Press, 1929. 585 p, plans.
- Sethe K. *Urkunden der 18. Dynastie*. Leipzig: Hinrichs, 1906–1909. Bd. 1–4, Hft. 1–16.
- Shaw I. *The Oxford History of Ancient Egypt*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 554 p.
- Zivie-Coche Ch. *Sphinx. History of a Monument*. Translated by D. Lorton. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002. 122 p.

**ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО
И ПТОЛЕМЕЕВСКОГО ПЕРИОДОВ
В СКАЛЬНЫХ ГРОБНИЦАХ ВОСТОЧНОЙ ГИЗЫ**

Малых Светлана Евгеньевна
Институт востоковедения РАН, Москва*

**SECONDARY BURIALS OF THE LATE PERIOD
AND THE PTOLEMAIC TIME IN THE ROCK-CUT TOMBS
OF THE EASTERN GIZA**

Svetlana E. Malykh
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

Аннотация: В статье анализируется вещевой материал из раскопок Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (Египет), позволяющий изучить особенности функционирования древнего некрополя в I тыс. до н. э. и феномен вторичного использования гробниц эпохи Древнего царства в погребальных целях.

Ключевые слова: Гизехский некрополь, Поздний период, Персидский период, Птолемеевский период, древнеегипетская керамика, «тайники бальзамировщиков», древнеегипетские амулеты.

Abstract: The material from the excavations of the Russian Archaeological Mission at Giza (Institute of Oriental Studies RAS) is analyzed in the article, which makes it feasible to study the features of the functioning of the ancient Egyptian necropolis in the 1st millennium B.C. and the possibility of secondary use of the Old Kingdom tombs for funeral purposes.

Keywords: Giza Necropolis, Late Period, Persian Period, Ptolemaic Period, Ancient Egyptian pottery, “embalming caches”, Ancient Egyptian amulets.

Объектом исследования Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Восточном некрополе Гизы являются, прежде всего, египетские скальные гробницы знати эпохи Древнего царства. Однако, уже начиная с первых полевых сезонов,

* 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; malyh2002@mail.ru

в процессе работ стали встречаться отдельные предметы, первоначально относившиеся к поздним погребениям, впоследствии разрушенным. Оригинальный археологический контекст таких предметов был полностью уничтожен, они происходили из перемешанных слоёв, перекрывавших сверху зону раскопок. Бóльшая часть этих напластований была образована отвалом американской экспедиции, работавшей в Гизе под началом Дж. Э. Рейснера в первой половине XX в. Здесь были найдены деревянные детали гробов и саркофагов, обрывки бинтов и раскрашенных картонажей, фрагменты фаянсовых ушебти, целые и разбитые амулеты, бусины, а также керамика [Kormysheva, Malukh, Vetokhov, 2012, p. 318–322, pl. XXIX–XXXII].

Однако постепенно стали накапливаться находки, происходившие хотя и из потревоженных древними грабителями слоёв, но изначальное местонахождение которых можно было установить. Так, в 2011 г. изучение погребальных помещений скальной гробницы начальника царских ювелиров Перинеджу (GE 19), вырубленной в эпоху Древнего царства, показало, что камера GE 19–6B в верхней части заполнения содержала кости нескольких индивидов, лежавших не в анатомическом порядке [Лебедев, Малых, 2017, с. 142]. Судя по сохранности костей и разрушению носовых перегородок в черепах, покойные были подвергнуты мумификации по методике, вошедшей в практику для высшей знати в эпоху Нового царства, но широко распространившейся в Поздний период. Ниже был найден фаянсовый амулет 11/19–6B/f1 (*рис. 1*) в форме обнажённого ребёнка-карлика со скарабеем на голове и ножами в руках — Птаха-Патека. Этот божок, появившись в эпоху Нового царства (его более раннее появление в Древнем царстве пока остаётся под вопросом) [Petrie, 1914, p. 38; Andrews, 1994, p. 39], стал особо популярен в Поздний и Птолемеевский периоды и почитался как защитник от злых сил и опасных животных, разделяя функции с другим божком-карликом — Бэсом.

Подобные амулеты нередки в музейных коллекциях (например, в музее Метрополитен (MM 23.6.15, 74.51.4461–74.51.4468), Музее изящных искусств Бостона (MFA 72.1923), Британском музее (EA13531, EA58315, EA63475, EA67227), музее У. М. Ф. Питри в Лондоне (UC52690–52703, UC6941, UC8944–8946, UC8948–8949), но в основном датированы Поздним периодом и Птолемеевским временем, и лишь некоторые из них — Третьим Переходным периодом. По раскопкам У. М. Флиндерса Питри известно, что такие амулеты могли изготавливаться в Мемфисе [Petrie, 1909, p. 14, pl. XLVII]

(что логично, учитывая связь Патека и Птаха): несколько керамических форм было обнаружено здесь и отнесено к Позднему периоду (например, формы из собрания Музея Флиндерса Питри в Лондоне: UC69127, UC69128, UC69246, UC69254, UC69295, UC69336, UC69389, UC69166 (последняя наиболее близка к амулету, найденному в Гизе)). В реальности датировка большинства Патеков в музейных коллекциях расплывчата, многие из предметов происходят из частных собраний, сформированных в XIX в. путём покупки в антикварных лавках Каира и Луксора, и потому не имеют археологического контекста. Даже по особенностям иконографии видно, что некоторые амулеты, датированные Поздним периодом, из-за грубости формы и отсутствию детализации скорее следует отнести к его финальной части, или же к Птолемеевскому периоду. В то же время фаянсовый Птах-Патек из гизехской гробницы Перинеджу более схож с образцами времени XXII, XXV и XXVI династий [Petrie, 1914, p. 38, fig. 176f], и скорее на этом основании может быть датирован не позднее Саисского периода — эпохи возобновления широкой погребальной деятельности в Гизе.

К этому же времени, похоже, следует отнести и вторичные погребения в скальной гробнице Каемнофрета (LG 63 по нумерации К. Р. Лепсиуса [LD I, S. 87]). Гробница располагается в северной части российской концессии в Гизе, рядом с процессионной дорогой Хуфу, на каменном обрыве, образованном древней каменоломней, одной из тех, где, по-видимому, добывался известняк для пирамиды Хуфу. Гробница принадлежала Каемнофрету — царскому *семеру*, управляющему дворца и хранителю царского головного убора, и датируется V–VI династиями [PM III, p. 208]. Наиболее близкая к дороге Хуфу, она имеет двухкомнатную поминальную часовню, оформленную раскрашенными рельефами и скальными статуями, а также сердаб и пять шахт, ведущих в погребальные камеры. В двух из них были выявлены вторичные погребения.

В средней части заполнения ствола шахты 4 гробницы Каемнофрета найдены остатки захоронения, практически уничтоженного древними грабителями. Среди человеческих костей (позвоночника, таза), лежавших не в анатомическом порядке, находился небольшой керамический сосуд 15/63-4/3 конической формы (рис. 2), подвеска-амулет «*джед*» 15/63-4/f1 из бледно-голубого фаянса (рис. 1) и фрагмент небольшой косметической чаши 15/63-4/f2 из голубого фаянса в форме рыбы (рис. 1). Пятисантиметровый амулет-*джед*,

символ воскрешения, ассоциировавшийся в Поздний период с Осирисом, имеет множество аналогий в музейных коллекциях (в частности, в собраниях Британского музея (EA2096, EA2100, EA2132, EA2162, EA2172, EA12196, EA12235, EA48667, EA58105), музея Метрополитен (ММ 34.6.2, 10.130.1814, 17.194.2527, 74.51.4512–74.51.4518, 89.2.509, 89.2.539, 90.6.226), Бостонского музея изящных искусств (MFA 02.618, 72.2355)). Схожие предметы датированы в основном Поздним периодом (чаще всего правлением XXVI династии), а также Птолемеевским и даже римским временем [Andrews, 1994, p. 83]. Однако точной аналогии амулету-*джед* из Гизы обнаружить пока не удалось. В целом даже по предметам, происходящим из одного некрополя, например, по коллекции таких амулетов из погребений времени XXVI династии, раскопанных У. М. Ф. Питри в Хаваре [Petrie, 1914, p. 15, fig. 35c, e; см. также предметы из коллекции Музея Питри в Лондоне: UC28169, UC38591–38601], видно, что, при общности черт, все амулеты отличаются нюансами — высотой и формой ножки, формой навершия, наличием или отсутствием горизонтальных и вертикальных линий. Датирующим же для гизехского комплекса является небольшой конический остродонный керамический кувшин 15/63-4/3 (рис. 2; см. также похожий сосуд 12/40/24, 25 из комплекса GE 40), тип которого был характерен для времени XXVI династии и бытовал именно в Мемфисском регионе и Дельте [Fischer, 1965, p. 145, pl. 59 (no. 429); French, Ghaly, 1991, p. 121–122, fig. 100–104, 106; Gallorini, 2007, p. 792–793, fig. 1b (no. 1101); Dhenin et al., 2014, p. 54, fig. 2d; Malykh, 2015, p. 115, fig. 7].

В погребальной камере 4А этой же шахты 4 было обнаружено два практически безинвентарных погребения, по-видимому, также совершённых в Поздний период. В отличие от верхнего погребения в стволе шахты, они остались непо потревоженными и, по определению антрополога ИА РАН М. В. Добровольской, принадлежали двум женщинам 40–49 лет и старше 50 лет. Тела, занимавшие западную и восточную часть небольшой по размерам погребальной камеры, были подвергнуты низкой по качеству мумификации, обёрнуты бинтами, покрытыми тёмным раствором, но не имели раскрашенных картонажей. На указательном пальце левой руки восточной мумии находилось простое кольцо из проволоки медного сплава. Ингумация была совершена в вытянутой позе на спине, головой на восток с некоторым отклонением к югу. Это разительно отличается от классического погребального обряда эпохи Древнего царства —

головой на север, но в Египте I тыс. до н. э. ориентация тела покойного соблюдалась уже не строго.

В погребальной камере 5А соседней шахты 5 гробницы Каемнофрета были обнаружены остатки ещё одного вторичного погребения. Кроме фрагментированных костных останков, разбросанных по всей камере, были выявлены предметы, видимо, находившиеся на теле одного из погребённых здесь индивидов. Прежде всего, это 8-сантиметровая подвеска-амулет 16/63-5/f4 из зелёного фаянса в виде львиноголовой богини с уреем на голове (*рис. 1*). При всём иконографическом сходстве с Сехмет, надпись на задней стороне амулета удостоверяет, что это богиня Бастет, госпожа Бубастиса. Характерно, что ещё У. М. Ф. Питри отмечал сходство подобных амулетов, объединив их в одну группу [Petrie, 1914, p. 41, fig. 194]. Амулет отличается высоким качеством исполнения, динамичной позой, тщательной моделировкой и детализацией, но и некоторой асимметричностью. По соседству были найдены две сантиметровых бусины-амулета 16/63-5/f5 и 16/63-5/f6 из фаянса голубого и зеленовато-голубого цвета в форме сидящих кошек (*рис. 1*), округлая и биконическая бусины из красного сердолика, три морских раковины-каури со срезанной задней частью. Кроме того, ещё одна бусина-амулет 16/63-5/f1 из светло-голубого фаянса в виде сидящей кошки (*рис. 1*), семь цилиндрических бусин из голубого фаянса, две маленьких округлых бусины медного сплава и три раковины-каури находились в нижней части заполнения шахты 5. Можно предположить, что первоначально все эти предметы составляли ожерелье, надетое на покойного. Однако грабежи, имевшие место в Гизехском некрополе на всём протяжении его существования, практически уничтожили и погребение, и сопроводительный инвентарь из него. Примечательно, что в погребальной камере 2А этой же гробницы была найдена четвёртая фаянсовая бусина 16/63-2/f1 в виде сидящей кошки, явно входившая в тот же ювелирный набор — она имеет те же размеры и форму.

В целом амулеты в виде сидящих кошек достаточно часто можно увидеть в музейных коллекциях, однако обычно они крупнее и функционально являются не бусинами, а подвесками [Petrie, 1914, p. 46, fig. 224]: на спине кошки находится кольцо для нанизывания (например, предметы из коллекции Музея Питри в Лондоне (UC27668, UC79063–79066, UC79074–79076)). В нашем же случае отверстие для нити проделано в теле кошки. Важно отметить и другое. В от-

личие от тщательно сделанной Бастет, все бусины-кошки имеют изъяны: плохо оттиснуты уши, глаза, нос. Что интересно, в 1927 г. американской экспедицией под руководством Дж. Э. Рейснера в проходе между мастабами G 7500 на Восточном плато Гизы, в балластном слое были обнаружены шесть аналогичных по размеру и форме бусин-амулетов в форме кошек, а также фаянсовые ушебти с именами Яхмоса, Псамметиха, Анхпианхи, Анхпераа, Анхнеферибра и Хетепубастет, выступающими за датировку Саисским временем [Giza, Reisner's Archive: OR18_p510, 27-4-1206; OR09_p378, p389; Zivie-Coche, 1991, p. 276–277]. У амулетов-кошек, ныне находящихся в собрании Бостонского музея изящных искусств (MFA 27.2009), так же как и у наших, слабо отжаты уши и другие детали. В целом же можно предположить, что все эти изделия были произведены в одно время и в одной мастерской.

Что касается подвески-амулета в виде богини Бастет, в основном похожие предметы относятся к Позднему периоду, преимущественно ко времени правления XXVI династии [Andrews, 1994, p. 33–34]. Если иероглифическая надпись отсутствует, то в каталогах такие амулеты атрибутируют как изображение львиноголовой богини, хотя чаще всего на них имеется надпись, сообщающая, что это Бастет, реже — Сехмет (в частности, предметы из коллекции Британского музея (EA26311, EA27544), Музея Питри в Лондоне (UC37145, UC52884), Бостонского музея изящных искусств (MFA 02.577, 11.991, 72.2039–72.2045)). Однако найти полный аналог нашему амулету, прежде всего, по экспрессивно-шаговой позе, пока не удалось.

Таким образом, вещевой комплекс с амулетом Бастет и бусинами-кошками, скорее всего, следует датировать XXVI династией, что указывает и на время устройства вторичного погребения в скальной гробнице Древнего царства. Наличие здесь же шести морских раковин-каури может говорить, что погребение было женским, т. к. каури, обычно привозимые с Красного моря, были символом плодородия, что коррелируется и с присутствием здесь изображений кошек и Бастет — богини радости и веселья, но также любви, плодородия и домашнего очага.

Надо сказать, что свидетельства о совершенных вторичных захоронениях в гробницах эпохи Древнего царства присутствуют и в южной части российской концессии в Гизе — в скальной гробнице Персенеба и расположенной рядом с ней безымянной гробнице GE 58. Последняя имеет четыре шахты, в процессе изучения которых были

обнаружены фрагменты человеческих костей, бинтов, раскрашенного картонажа мумии, амулет-*tum*, фаянсовые дисковидные и цилиндрические бусины, многочисленные мелкие двустворчатые раковины, кусочки самородной серы. Всё это неравномерно располагалось в заполнении всех четырёх шахт, вырубленных в данной гробнице, и первоначально, по всей видимости, принадлежало погребению, уничтоженному грабителями, возможно, в IV в. н. э., на что может указывать бронзовая монета-*майорина* императора Констанция II (324–361 гг. н. э.) из заполнения шахты 2 гробницы GE 58.

Амулет-*tum* 14/58-1/st1 (или «узел Исиды»), от которого сохранилась лишь нижняя часть (*рис. 1*), был вырезан из красной яшмы. Он найден в заполнении шахты 1 гробницы GE 58. Аналогичные предметы достаточно хорошо представлены в музейных собраниях (в Бостонском музее изящных искусств (найлены на Восточном плато Гизы в гробнице G 7652 A: MFA 29.1245, 29.1246, 29.1393, 29.1394; на мумии в гробнице G 7112: MFA 27.1040), в Метрополитен музее (MM 17.194.2530), Британском музее (EA54867, EA20624, EA20625), Музее Питри в Лондоне (UC22560–22563, UC52065). Амулеты-*tum*, схожие по форме с найденным в Гизе предметом 14/58-1/st1, относятся к интервалу от Позднего периода до Птолемеевского времени и связаны со 156-й главой «Книги мёртвых», где имеется указание, что такой амулет, помещённый на шею умершего, обеспечивает его защиту со стороны богини Исиды, олицетворяя её кровь [Petrie, 1914, p. 23, fig. 88].

К гробнице GE 58 с запада примыкает скальная гробница начальника имения, *хему-ка* Персенеба, состоящая из трёх помещений (LG 78 / GE 20–22). Археологическое изучение шахты 2 показало, что она ведёт в обширную погребальную камеру 2А, где в западной части была обнаружена мумия ребёнка, видимо, первоначально положенная в природную трещину, а ниже располагалась мумия с остатками раскрашенного картонажа. Ноги мумии пробивала поздняя грабительская яма, однако верхняя часть осталась лежать *in situ*, по оси север-юг, головой на север (с незначительным отклонением).

На теле, покрытом слоем бинтов и клеевого слоя, сохранились следы раскрашенного картонажа, который не был цельным, а, видимо, состоял из отдельных накладных элементов, как это было принято в Поздний и Птолемеевский периоды. По крайней мере, на груди мумии просматривается красочная имитация широкого

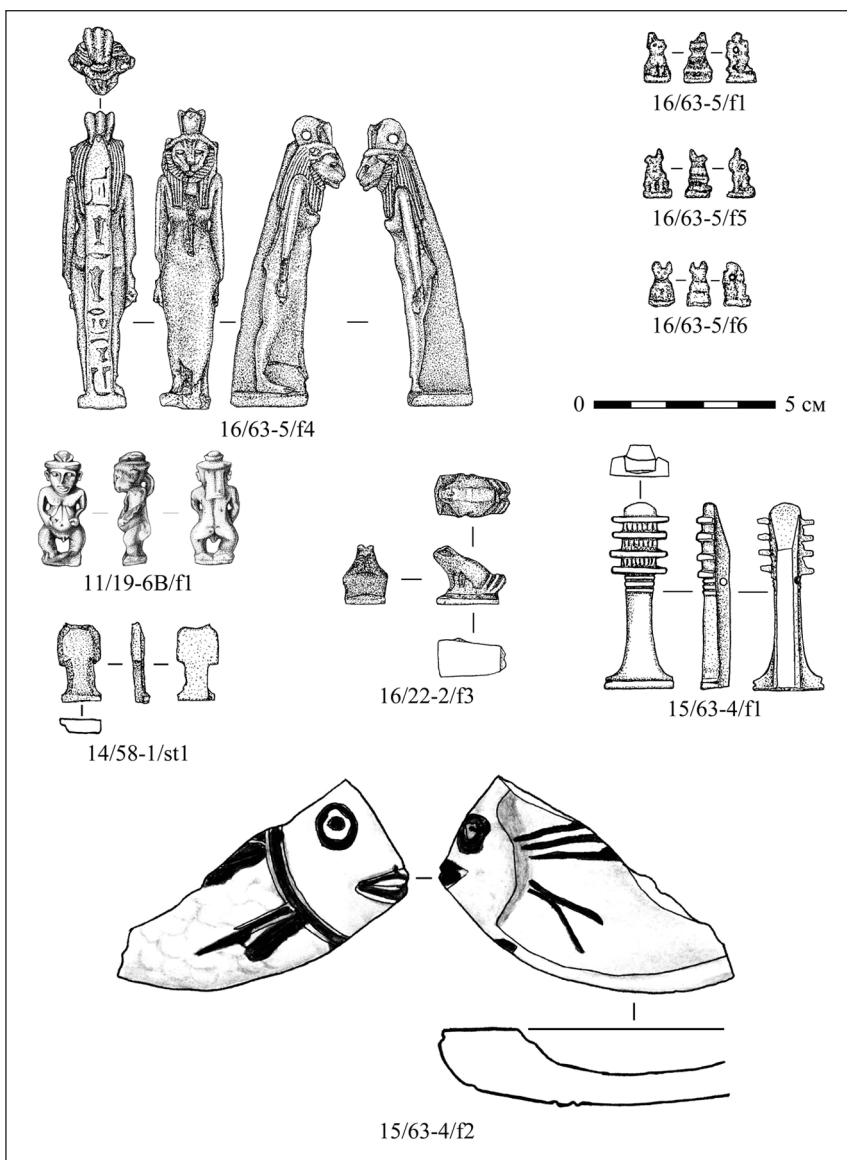

Рис. 1. Фаянсовые и каменные предметы Позднего периода из гробниц Каемнефрета (LG 63), Перинеджу (GE 19), Персенеба (GE 20–22) и безымянной гробницы GE 58 (рис. О. А. Носовой и М. А. Лебедева)

ожерелья-усех, декорированная рядами цветов лотоса и цветочных розеток, а также прямоугольная деталь на левом бедре с изображением богов, чьи тела были окрашены золотистым пигментом. Роспись тонкая и аккуратная; доминирует красный, синий и голубой цвета, тогда как зелёный, замеченный на обрывках картонажа из скальной гробницы GE 58, не выявлен. Зелёный пигмент, наряду с красным, синим и жёлтым, присутствует на саркофагах и картонажах Позднего периода, например, на картонаже мумии, обнаруженной в некрополе у пирамиды Тети в Саккаре, датированной временем XXX династии и сейчас экспонирующейся в музее Имхотепа в Саккаре.

Доминирование красно-синей гаммы в росписи картонажа гизехской мумии характерно также для картонажей, обнаруженных в западной Саккаре; исследователи предлагают датировать их Птолемеевским временем [Schweitzer, 2008, p. 538; Myśliwiec et al., 2008, p. 580–581], хотя, если рассматривать керамический материал, найденный по соседству с погребениями, то здесь доминируют типы, бытовавшие в Поздний период, тогда как керамика Птолемеевского времени представлена хуже [Myśliwiec et al., 2008, p. 420–449].

Рядом с мумией в погребальной камере 2А гробницы Персенеба были обнаружены амулет-лягушка 16/22-2/f3 (*рис. 1*) и керамика. Амулет-лягушка, символ богини плодородия, изобилия и влаги Хекет, не имеет отверстия для подвешивания; он сделан из чёрного фаянса и более всего близок предметам Позднего периода [Petrie, 1914, p. 12, fig. 18m; UC38494], например, каменному амулету из мастабы G 7652 А на Восточном плато Гизы [Giza, Reisner's Archive: OR20_p789, SC136692; MFA 29.1279]. Еще один схожий по стилистике амулет-лягушка из серпентина находится в коллекции Бостонского музея изящных искусств и датируется временем правления XXV–XXX династий (MFA 72.1281). Амулеты в виде лягушки Птолемеевского времени отличаются иной пластикой и манерой исполнения (например, предмет MM 74.51.4448 из музея Метрополитен).

Керамика, найденная вокруг мумии в камере 2А, также в основном относится к Позднему периоду — фрагменты светильников на острой ножке, левантйской амфоры «торпедо», небольших арибаллических лекифов, округлых горшков, тарелок (*рис. 2*: 08/22-2/3, 4, 08/22-2/7, 16/22-2/19, 16/22-2/3). Известные аналоги датируются главным об-

разом т. н. Персидским временем, нередко — царствованием XXX и XXXI династий [French, Ghaly, 1991, p. 108–109, 120, fig. 38, 96; Defernez, 2001, p. 294–295, 336–340, 384–385, pl. LXIV (no. 178), LXXIV (no. 216a–b), LXXV (no. 220a), LXXXV (no. 244f–c); Defernez, 2012, p. 39, fig. D.12; Aston D., Aston B., 2010, p. 222, pl. 16 (no. 116); Grataloup, 2012, p. 184, fig. 4d; Hudson, 2014, p. 31, fig. 2 (I.9); Hudson, 2016, p. 76–78, fig. 7.14, 8.27]. Типы Птолемеевского времени единичны и представлены фрагментами лекифов, ойнохой, чаш и амфор типа *AE 2* [аналоги см.: Harlaut, 2000, p. 156, fig. 8–9; Lecuyot, 2016, p. 226, fig. 6.51–6.52; Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 31, 115, fig. 26, 482; Hudson, 2014, p. 38, fig. 7 (IV.25)]. Соответственно, можно допустить, что мумия Птолемеевского времени была захоронена в камеру гробницы Древнего царства, которая ранее — при XXX–XXXI династиях — уже использовалась под вторичное погребение. Причем ассортимент сосудов и остатки темной субстанции внутри позволяют предположить, что мы столкнулись с потревоженной деятельностью грабителей т. н. «тайником бальзамировщиков» («*embalming cache*»). Такие скопления сосудов, содержавших остатки от мумификации — натрон, обрывки бинтов и т. п., нередко сопровождали тела покойных, погребенных в эпоху Третьего Переходного и Позднего периодов [Ikram, López-Grande, 2011, p. 205–228; Smoláriková, 2016, p. 545–555].

Примечательно, что схожий по ассортименту «тайник бальзамировщиков», также со следами грабительского вмешательства, был найден в соседней с гробницей Персенеба безымянной гробнице GE 23, причем один из сосудов 09/23-1/28 (*рис. 2*) с остатками запечатывающей тканевой пробки, привязанной веревкой, содержал темную смолистую субстанцию. Здесь же присутствовали целые и фрагментированные небольшие конические сосуды, арибаллические лекифы, светильники на острой ножке, датированные Поздним периодом (*рис. 2*: 09/23-1/4, 09/23-1/13), а также целая круглодонная чаша 09/23-1/18 т. н. ахеменидского типа [Marchand, 2011, p. 627, fig. 10a, 10c; Masson, 2016, p. 153], относящаяся к Персидскому времени (XVII–XXXI династиям).

Материалы исследований экспедиции Дж. Э. Рейснера на Восточном плато Гизы также показывают, что в эпоху Позднего периода часть мастаб Древнего царства (например, G 7652 [PM III, p. 201; Giza, Reisner's Archive: A5111P_ann_NS, B6756P_NS, B6742_NS, B6766_NS, B6764A_NS]), а также вновь построенные сооружения

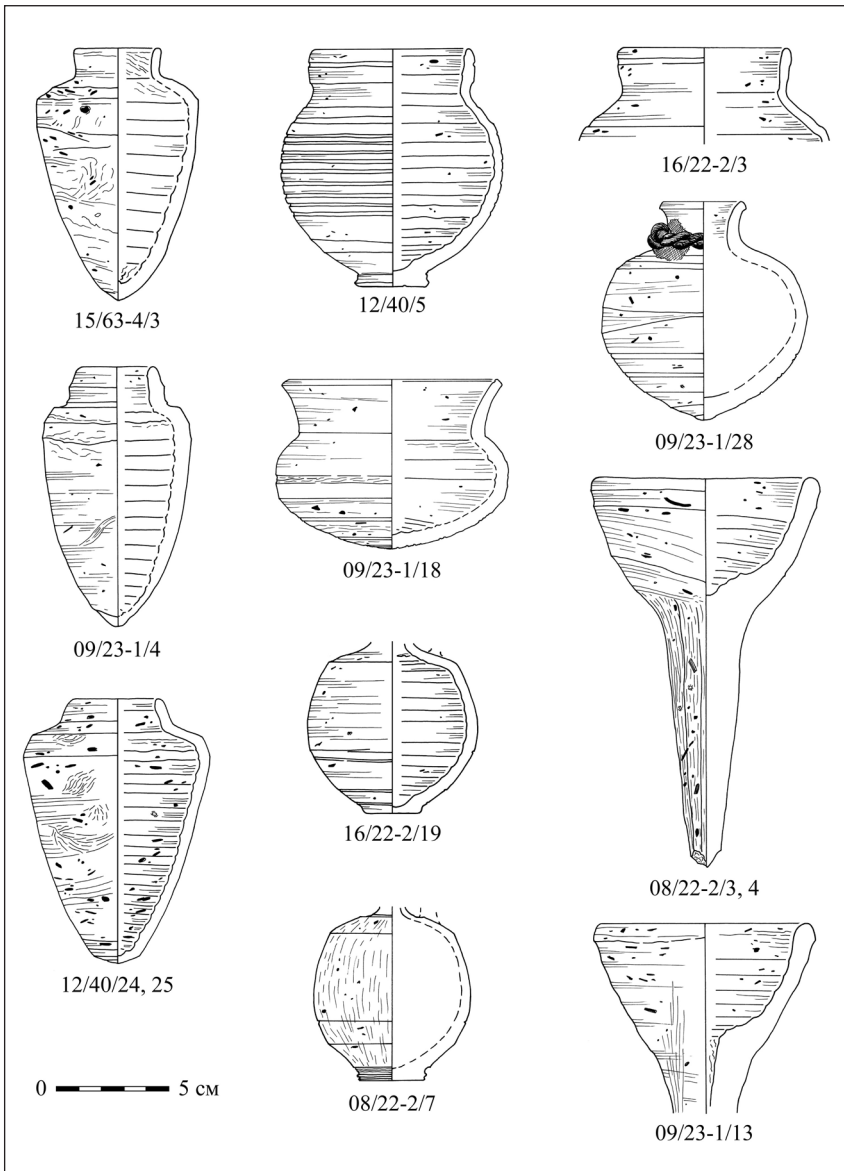

Рис. 2. Керамика Позднего периода из гробниц Каемнефрета, Персенеба, безымянной гробницы GE 23 и комплекса GE 40 (рис. автора)

(например, сырцовая мастаба G 7632 [PM III, p. 200; Giza, Reisner's Archive: B5677_NS, EG017608, B5665_NS, C10959_NS, C10993_NS, B6450_NS, B5697_NS, A3631_NS, B5698_NS]) использовались как места захоронений: здесь обнаружены погребения в деревянных саркофагах, каноны, ушебти, бронзовые статуэтки, амулеты Позднего периода и раннего Птолемеевского времени.

Таким образом, обнаруженный в Гизе материал свидетельствует, что в I тыс. до н. э. восточная часть некрополя активно использовалась для вторичных захоронений (иногда — неоднократно), совершённых, видимо, в интервале от XXVI династии до раннего Птолемеевского времени; но уже со II в. до н. э. эта практика стала постепенно исчезать, и некрополь сперва был заброшен, а затем в некоторых гробницах были устроены жилища.

Библиография

- Лебедев М. А., Малых С. Е.* Погребение древнеегипетского мастера по металлу в Гизе // *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 5. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 141–172.
- Andrews C.* Amulets of Ancient Egypt. London: British Museum Press, 1994. 128 p.
- Aston D. A., Aston B. G.* Late Period Pottery from the New Kingdom Necropolis at Saqqâra. Egypt Exploration Society — National Museum of Antiquities, Leiden, Excavations 1975–1995. Excavation Memoir 92. London; Leiden: Egypt Exploration Society, 2010. 266 p.
- Ballet P., Pohudnikiewicz A., Tebtynis V.* La ceramique des epoques hellenistique et imperiale. Campagnes 1988–1993. Production, consommation et réception dans le Fayoum méridional. (Fouilles de l'Institut français d'archéologie orientale, 68). Le Caire: IFAO, 2012. 410 p.
- Defernez C.* La céramique d'époque perse à Tell el-Herr. Étude chrono-typologique et comparative. (Cahier de recherches de l'Institut de papyrologie et d'égyptologie de Lille: Supplément N 5). T. 1–2. Lille: Université Charles-de Gaulle — Lille III, 2001. 550 p.
- Defernez C.* Remarques à propos du mobilier récent découvert sur le site de Tell el-Herr (saison 2010) // *BCE*. 2012. Vol. 23. P. 19–50.
- Dhennin S., Marchand S., Marchand J., Simony A.* Prospection archéologique de Kôm Abou Billou / Térénouthis (Delta) — 2013 // *BCE*. 2014. Vol. 24. P. 51–68.
- Fischer H. G.* The Pottery // *Anthes R. et al. Mit Rahineh 1956*. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1965. 170 p.
- French P., Ghaly H.* Pottery Chiefly of the Late Dynastic Period, from Excavations by the Egyptian Antiquities Organization at Saqqara, 1987 // *CCE*. 1991. Vol. 2. P. 93–124.

- Gallorini C.* Late Period and Ptolemaic pottery from the work of Saqqara Geophysical Project // Eds. Goyon J.-Cl., Cardin Ch. Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists. Grenoble, 6–12 septembre 2004. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 150). Leuven; Paris; Dudley: Peeters, 2007. P. 789–798.
- Grataloup C.* Ceramiques calcaires d'époque perse et des dernières dynasties indigènes à Thonis-Heracleion // ENIM. 2012. Vol. 5. P. 167–194.
- Harlaut C.* Une nécropole populaire sur le Tell Sâh el-Hagar: Tanis // CCE. 2000. Vol. 6. P. 149–170.
- Hudson N.* Late Persian and Early Hellenistic Pottery at Tell Timai // BCE. 2016. Vol. 26. P. 75–108.
- Hudson N.* Preliminary Report on the Pottery at Tell Timai (Thmuis) // BCE. 2014. Vol. 24. P. 15–49.
- Ikram S., López-Grande M. J.* Three Embalming Caches from Dra Abu el-Naga // BIFAO. 2011. Vol. 111. P. 205–228.
- Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S.* Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948. Moscow: IOS RAS, 2012. 352 p.
- Lecuyot G.* Les avatars du Ramesseum // CCE. 2016. Vol. 10. P. 215–239.
- Lepsius K. R.* Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Bd. I. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849. 234 p.
- Malykh S.* Unusual ceramic complex in the Eastern Giza: problems of dating and interpretation // BCE. 2015. Vol. 25. P. 113–125.
- Marchand S.* La transposition céramique dans l'Égypte Ancienne // Eds. Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 204). Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2011. P. 603–631.
- Masson A.* Ptolemaic ceramics of the Theban Region. Between Tradition, Imitation and Innovation: The Priests' Quarter as a Study Case // CCE. 2016. Vol. 10. P. 149–164.
- Myśliwiec K., Radomska M., Kowalska A., Kaczmarek M., Rzeuska T. I.* Saqqara III.1. The Upper Necropolis. Varsovie: Neriton, 2008. 452 p.
- Petrie W. M. F.* Amulets. London: Constable & Company Ltd., 1914. 58 p.
- Petrie W. M. F.* Memphis I. London: University College and Bernard Quaritch, 1909. 26 p.
- Porter B., Moss R. L. B.* Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. III. Memphis. Oxford: Clarendon Press, 1974. 392 p.
- Schweitzer A.* Étude des parures de cartonnage de momies de la nécropole ouest de Saqqara // Myśliwiec K. et al. Saqqara III.2. The Upper Necropolis. Varsovie: Neriton, 2008. P. 521–543.
- Smoláriková K.* Late Saite — Early Persian Assemblages of Pottery from Abusir // Eds. Bader B., Knoblauch K. M., Köhler E. C. Vienna 2 — Ancient Egyptian

Ceramics in the 21st Century. Proceedings of the International Conference held in the University of Vienna, 14th — 18th of May, 2012. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 245). Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 2016. P. 545–555.

Интернет-ресурсы

Giza, Reisner's Archive. URL: www.gizapyramids.org

British Museum. Collection on-line. URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/search.aspx (дата обращения 03.02.2018)

The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection?tabname=department> (дата обращения 03.02.2018)

Museum of Fine Arts, Boston. Collections. URL: http://www.mfa.org/search?search_api_views_fulltext (дата обращения 3.02.2018)

The Petrie Museum in University College London, Catalogue. URL: <http://petriecat.museums.ucl.ac.uk/search.aspx?formtype=advanced> (дата обращения 03.02.2018)

**ОСОБЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ САНКЦИЙ
В ПРАВЕ АШШУРА И ВАВИЛОНИИ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.:
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОПЫТКА ОФОРМЛЕНИЯ
ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ**

Никитина Анна Дмитриевна
Российский государственный социальный университет,
Москва*

**THE IMPOSITION OF SANCTIONS IN THE LAW
OF THE STATE OF ASHUR AND BABYLONIA
IN II MILLENIUM B.C.: AN ATTEMPT
TO FORMALIZE LEGALLY PERSONAL FREEDOM**

Nikitina Anna Dmitrievna
Russian State Social University, Moscow

Аннотация: В статье были рассмотрены черты сходства и различия в санкциях, налагавшихся за аналогичные преступления средней тяжести в двух правовых культурах Месопотамии II тыс. до н. э. — вавилонской и ашшурской.

Ключевые слова: юридические санкции на древнем Востоке, вавилонская правовая культура, ашшурская правовая культура, пенитенциарная система на древнем Востоке.

Abstract: The article examines the similarities and differences in the sanctions imposed for crimes of medium gravity in the two legal cultures of Mesopotamia in the Second Millennium B.C., i.e. Babylonian legal culture and legal culture of the state of Aššur.

Key words: Legal sanctions in the ancient East, the Babylonian legal culture, the legal culture of Aššur, the penitentiary system in the ancient East.

Изучению многочисленных типов преступлений, которые зафиксированы в нормативных источниках древней Месопотамии, за последние десятилетия было посвящено достаточно работ зарубежных историков права, таких как Г. Нейманн из Германии и французские специалисты во главе с Д. Шарпенем [Neumann, 2003, S. 55–122;

* 107076, Москва, ул. Стромынка, д. 18, юридический факультет РГСУ; fjur@rgsu.net

Charpin, 2017, P. 61–85]. Менее исследованным, по нашему мнению, является вопрос о наложении судебными органами, представляющими властные структуры, различного рода санкций за подобные преступления. До настоящего времени далеко не все аспекты указанной темы изучены полностью. В большей степени это касается особенностей наложения санкций средней тяжести при возможном использовании в качестве одного из видов последних заключения под стражу в пенитенциарных учреждениях. Правоприменительная практика в данном случае обычно включает в себя т. н. «очищение» осужденного и возвращение к жизни в общине.

Прежде чем приступить к рассмотрению интересующего нас аспекта, необходимо сказать несколько слов о самом предмете исследования — о видах санкций.

В рамках данной статьи мы не ставим задачу продемонстрировать все виды санкций, поскольку их число слишком велико. При этом у нас есть возможность изучить многие из них, сгруппировав интересующие нас нормативные акты по тяжести преступлений, которые последние регулируют или предупреждают. В дальнейшем мы постараемся выявить те из деяний, которые в современном праве принято квалифицировать как преступления средней тяжести. Именно они и станут предметом нашего анализа, поскольку входят в большинство из известных нам правовых норм.

Правонарушения и санкции за их совершение, как сообщают частноправовые документы, относились к юрисдикции судебных инстанций отдельных общин, применявших обычное право, изучение которого выходит за рамки нашего исследования (см., к примеру, таблички 2–7, 38 и 287 из переписки городской общины Ашшура и торговой общины ашшурских колоний в Малой Азии) [Michel, 2001, p. 64–69, 94, 400–401].

В качестве нормативной базы по исследованию интересующего вопроса мы использовали имеющие хорошую сохранность и общедоступные Законы Хаммурапи (ЗХ; вторая четверть XVIII в. до н. э.; СН, V–XXIII) и сохранившиеся фрагментарно среднеассирийские законы (САЗ; МАЛ, таблички с А по О), частично зафиксированные в последней четверти II тыс. до н. э., но содержащие примеры судебных вердиктов ашшурского городского суда по прецедентам XIX–XIII вв. до н. э.

Другие нормативные источники, санкционированные публичной властью, интересующего нас периода, к примеру, законы Липит-

Иштара, правителя царства Иссин-Ларса (первая половина XX в. до н. э.) или Дадуши, царя государства Эшнунна (первая четверть XVIII в. до н. э.), к сожалению, не представляют для нас интереса в данном контексте, поскольку либо мало информативны при анализе интересующего нас вопроса, либо дублируют статьи указанных выше текстов [Law Collections... 1997, p. 23–37, 58–70].

Обратимся к исследованию преступлений средней тяжести и санкций за их совершение, закрепленных в ЗХ. К ним относятся статьи 27–32 и 34–41 (по поводу службы и собственности воинов и других царских людей), статьи 42–65, (по поводу пользования, аренды и владения полем и садом); статьи А — 108 (по поводу деятельности торговых агентов, ростовщиков и содержателей трактиров), статьи 111–121 (о кредитных операциях с различным имуществом), статьи 122–126 (о хранении имущества). В статьях 134–191 рассматриваются семейные взаимоотношения, обязанности и права членов семьи по отношению к имуществу её главы, а также вопросы усыновления, в статьях 200–206 — случаи нанесения небольших увечий (удары по щеке, последствия драк и др.). В статьях 232–277 содержатся нормы найма различных работников (строителей, корабельщиков, погонщиков и др.); а последние статьи посвящены казусам, связанным с покупкой рабов (СН. X.15–XXIII. 100).

В санкциях часто использовался принцип талиона (к примеру, статьи 200, 232 и 235), который юристы называют «прямым» талионом. В некоторых случаях встречается и т. н. «непрямой» талион, как в статьях 100 и 101, согласно которым помощник торгового агента (*шамаллум*) в любом случае должен вернуть своему нанимателю купцу (*тамкару*) серебро в двойном размере от полученного, даже если он не получил при его использовании существенной прибыли (подобная торговая операция в вавилонском праве указанного периода квалифицируется, что любопытно, и как ростовщическая: СН, XVII. 65–XX. 30, R.I. 1–20).

Американский ученый Р. Вестбрук также справедливо выделяет в обособленный вид санкций т. н. «субсидиарный» талион [Westbrook, 2003, p. 394]. К примеру, согласно статье 28 сын воина — *редум* — несет за своего отца службу ввиду отсутствия последнего и пользуется выделенными царем землей и домом (СН, X. 30–45).

Кроме того, санкциями для преступлений средней тяжести бываюют денежные или натуральные штрафы, а также физические увечья (для рабов, приемных детей, женщин и всех лиц, находящихся ниже

главы семьи по социальному статусу), что демонстрирует присутствие в вавилонском обществе изучаемого периода жесткой иерархии. При этом наказания за такие преступления не носят альтернативного характера и редко требуют публичности. Также в подобных случаях мы практически не встречаем наложения сложных кумулятивных видов наказаний.

При этом есть одна любопытная статья 202, в которой мы обнаруживаем, что ударам плетью на собрании общины должен быть подвергнут человек, ударивший по щеке другого, стоящего выше него по статусу (СН, XVII. 77–82). В данном случае мы обнаруживаем усложнение социальной стратификации вавилонского общества, делающее правовой статус отдельного должностного лица ещё более важным. Именно такое наказание, где виновный не равен по статусу жертве, должно было приводиться в исполнение публично. А, к примеру, согласно следующей статье сын свободного общинника, ударивший равного ему, получает в качестве санкции обычный штраф в 1 мину серебра.

И наиболее интересным нам представляется тот факт, что ЗХ не зафиксировали в старовавилонском праве санкций с использованием пенитенциарной системы. Сам термин «тюрьма» (*ṣibittum*) встречается в староаккадском языке уже с III тыс. до н. э. [CAD, 1992, v. 16, p. 155–156]. В XVIII в. до н. э., к примеру, в городе Сиппар (квартал Амнанум) в храме бога Шамаша, где располагалась одна из наиболее важных судебных инстанций в Вавилонии, появляется соответствующая пристройка, посвященная богине Нунгал¹. Руководители городского совета (*рабиану*) могли поместить в эту пристройку подозреваемых, чья вина по какой-либо причине не была полностью доказана, или, возможно, осуждённых лиц. Французский ученый Д. Шарпен приводит текст плача, посвященного богине Нунгал, и составленного, вероятно, жрецом и бывшим узником подобного учреждения, который был оправдан [Charpin, 2017, p. 78].

В указанном документе мы можем обнаружить явные попытки психологического принуждения к обязательному раскаянию, т. н. возрождению к новой жизни. Тюрьма здесь позиционируется как

¹ Об указанной пристройке сообщается, к примеру, в табличке 56, где некий слуга Тарибум должен в ближайшее время быть отправлен из тюрьмы своему господину, не подвергаясь физическому воздействию в последней: Rendre... 2000, p. 99–100.

шанс на спасение человека, его дальнейшей судьбы и доброго имени. Подозреваемые и осуждённые постоянно слушали тексты плачей и гимнов, посвященных Нунгаль, оплакивали свою судьбу и, по мнению судебных органов, раскаивались в содеянном. Но что же на самом деле происходит в такой тюрьме?

Небольшой размер пристройки наводит исследователя на мысль, что эта часть здания использовалась для реализации практических правоприменительных функций, являясь фактически камерой предварительного заключения перед приведением приговоров суда в исполнение, но не постоянно функционировавшим пенитенциарным учреждением. Возможно, она могла также применяться в качестве места временной изоляции в случае пересмотра судебного решения. Судьи надеялись на раскаяние и чистосердечное признание заключенных под стражу или на добровольную выплату штрафа за содеянное. Они (судьи) создавали для узников невыносимые условия содержания (к примеру, узников, кроме психологического давления, не кормили и не лечили от болезней) [Charpin, 2017, p. 82–83].

Кроме того, указанная часть здания могла выполнять дополнительную функцию камеры передержки, где обвиняемый содержался для последующей пересылки. Обвиняемого задерживали, рассматривали дело в суде и выносили приговор, а затем отправляли в городской или сельский совет той общины, откуда он был родом, где правонарушитель и отработывал назначенное наказание. Однако, поскольку в нормативных источниках нет упоминаний подобных санкций, нельзя с уверенностью утверждать, что их применяли в рамках судебной системы Старовавилонского царства.

Более вероятно, что подобное учреждение было задействовано при пересмотре судебного решения местного общинного суда. В строках 55–57 плача указано, что «дверь (тюрьмы богини) Нунгаль» — место произнесения клятв. Этот факт подтверждает необходимость дополнительного произнесения клятвы, что обычно происходило с несправедливо осужденными. Так они подтверждали, что не совершали противоправных деяний [Charpin, 2017, p. 78, 82].

В единичных случаях, если приговор выносился по тяжким преступлениям, такая тюрьма могла использоваться и по своему прямому назначению, как место отбытия наказания за совершенные деяния. Однако с современными тюрьмами подобное пенитенциарное учреждение имело мало общего. Перед нами не особый вид альтернативного наказания, а своеобразное медленное приведение

в исполнение смертного приговора. Такое исполнение наказания для заключенного существенно отягчалось, как уже указывалось, невыносимыми условиями содержания.

На севере Месопотамии в государстве с центром в Ашшуре пользовались более гуманными и экономически выгодными формами санкций. Осужденных селили также в хозяйственных пристройках к храмам или храмовым комплексам. При этом они часто проживали на территории храмовой общины вместе с царскими людьми или жрецами. Узниками они были только формально, поскольку, под присмотром царских служащих или жрецов, были обязаны выполнять общественные работы.

Теперь обратимся к системе санкций, содержащейся в юридических прецедентах государства Ашшура, которые принято в науке называть среднеассирийскими законами (САЗ; MAL, с А:1 по R: С.П. 10).

Так же, как и в ЗХ, в САЗ преобладают санкции по преступлениям средней тяжести.

Наказания налагаются по тому же составу преступления, который зафиксирован в нормах ЗХ (кроме лжесвидетельства, которое в ЗХ относится к тяжким преступлениям). Они часто дублируют те, которые содержатся в ЗХ (при этом принцип талиона применяется значительно реже).

Так же часто встречается непосредственная альтернативность санкций (статья 2 таблички В и О; 5, 25 и 26 таблички А; 3 таблички М). К примеру, в статьях 25 и 26 таблички А зафиксировано, что женщина, выданная замуж, но проживающая в доме своего отца, может получить после смерти мужа часть его имущества, относящаяся к её брачному дару. Но в случае, если сыновья от предыдущих жен или т. н. «неразделенные» братья умершего обратятся в суд, то, судья может лишить её большей части брачного дара (а может и не лишать: MAL, В: С.П. 15–22; С.І. 57–69; С.ІІІ. 82–102; М: R. 4–14).

Как мы можем отметить, санкции в САЗ значительно жестче по сравнению с ЗХ. Однако интересно другое: практически все санкции, налагаемые за преступления, которые в современном законодательстве рассматриваются в рамках гражданского и семейного права, представляют собой не простые, а сложные кумулятивные санкции.

Рассмотрим для примера более подробно самый простой прецедент — статью 18 табличек В и О. В случае, если хозяин поля был

небрежен при использовании дождевой воды для орошения участка, и кто-то из его соседей остался недоволен излишками воды на поле, то он, во-первых, должен обратиться в суд за решением по поводу правильности его действий (к главе городского совета и пяти судьям), получив от них судебное решение по указанному вопросу. Во-вторых, в случае признания его виновным такой хозяин должен компенсировать пострадавшим размер урожая, а также публично подвергнуться палочным ударам и исполнять несколько дней царскую службу (MAL, B: C.VI 21–C.VII 4). Для сравнения в ЗХ за похожее преступление налагался штраф в виде компенсации зерном, после сбора урожая с указанного участка в соответствии со среднегодовыми показателями. И только в том случае, если общинник не мог возместить зерно, его имущество подлежало продаже (статьи 53 и 54 ЗХ, СН, XV. 10–32).

Проанализируем другой пример. Статья 18 таблички А САЗ идентична статье 127 ЗХ, но в САЗ за клевету и оскорбление, нанесенное честной женщине или жрице, кроме публичной порки и наложения т. н. «крабского знака» (сбривание волос на половине головы), ещё зафиксирован штраф, а также месяц царской службы (MAL, A: C.II 72–81; СН, RV. 28–39).

Таким образом, с одной стороны, мы можем отметить большую жесткость, публичность и, соответственно, более тесные социальные контакты внутри общины, что может быть связано, как полагали отечественные специалисты, и с архаичностью некоторых из исследуемых норм [Дьяконов, 1952, с. 223–289]. В ашшурском праве мы, действительно, не обнаружим такие категории вавилонской правовой культуры, как «вина», «раскаяние», «прощение», носящие сугубо личный характер и существенно повышающие уровень ее развития.

С другой стороны, с точки зрения современного права система санкций была здесь разработана значительно более детально, чем в ЗХ: имелось значительное число альтернативных санкций, что демонстрирует иную структуру формирования САЗ, где судебные прецеденты, относящиеся к различным периодам, могли быть зафиксированы в рамках одного документа.

В САЗ мы также можем обнаружить множество прецедентов (статьи 10–15, 19 табличек В и О), защищающих собственность общинника на поле и сад, что, с одной стороны, демонстрирует частое и многомесячное отсутствие торговцев-общинников в пределах

территорий своих поселений, с другой — уважение к правомочиям владения и пользования в рамках общинной собственности, нормативно закрепленные за общинниками. Только принеся клятву во имя царя в том, что он состоит с хозяином указанного поля или сада в совместном торговом сообществе, общинник-сосед имел право получить часть дохода от использования последнего (MAL, В: С.IV. 29—С. V. 38, С.VII. 4—17).

Но самым любопытным является тот факт, что одним из элементов сложных кумулятивных санкций была т. н. «царская служба» (*šīpar šarri*), т. е. фактическое лишение свободы сроком от 20 до 40 дней. Чаще всего мы встречаем срок в месяц. Свободный человек, отбывающий наказание, должен был исполнять, говоря современным языком, различные общественные работы вместе с царскими рабами или служащими в хозяйстве правителя, и содержаться под их присмотром. На срок отбывания наказания свободный общинник временно лишался свободы, приобретая правовой статус заложника.

Похожим правовым статусом, к примеру, обладала дочь свободного общинника, отданная в залог отцом за долги. Как сообщает нам статья 48 таблички А, если отец такой дочери умрет, а кредитор покойного захочет взять её в жены, то он сможет сделать это только по прошествии месяца после дня смерти отца девушки, если её брат не сможет её выкупить (MAL, А: С.VII. 32—52). Правовой статус дочери, таким образом, такой же, как и у свободного общинника, отбывающего наказание, только последний после его завершения станет формально свободным, тогда как девушка может получить свободу, если её брат или другой наследник её отца заплатит его долг. В ином случае, она может, наоборот, стать рабыней, т. е. собственностью кредитора её отца.

В итоге, в САЗ мы отмечаем использование полного набора разного вида санкций в рамках единичного применения права: регулятивная часть кумулятивной санкции — штраф или возвращение имущества в увеличенном размере, обязывающая часть — отработка месяца царской службы, публично-охранительная — от 20 до 100 палочных ударов.

Однако, если мы обратимся к частнопрововым документам XIX в. до н. э., то обнаружим, что палочные удары зафиксированы в качестве реальных судебных санкций в единичных случаях [Michel, 2001, p. 419—512]. Этот факт не должен вызывать удивления, поскольку,

если после двадцати палочных ударов отрабатывать царскую службу в течение месяца было бы затруднительно, то после ста осужденный попросту мог не дожить до исполнения наказания.

Таким образом, фактически самым серьезным наказанием, которое мог понести свободный общинник за преступления средней тяжести, была именно царская служба.

В заключение мы хотели бы отметить, что для свободных общинников из Ашшура и его торговых колоний в период их процветания, преимущественно купцов и ремесленников, месяц царских работ был не просто отбыванием физически тяжелого наказания: он реально мог привести их к банкротству и, соответственно, к возможному рабству. Личная свобода таких людей была непосредственно связана с их правовой культурой, с их действиями в рамках правового поля, а свобода для них имела максимально возможную ценность.

Иное значение в социальном и правовом статусе общинника имела свобода для жителей Вавилонии в исследуемый период. Для этой социальной категории наиболее важен был социальный и правовой статус, поскольку для общинников грань между свободой и рабством была значительно тоньше. В частноправовых документах отмечены случаи, когда общинники на протяжении жизни теряли свободу по несколько раз, постоянно меняя свой статус [Rendge... 2000, p. 78–80, 109–110].

Рассмотрев различные виды санкций, содержащихся в ЗХ и САЗ, мы можем отметить, что, их формальная схожесть демонстрирует первоначальную близость правовых культур Вавилонии и государства с центром в Ашшуре. Однако специфика наложения и применения санкций не оставляет у исследователя сомнений в том, что они использовались в рамках совершенствования различных правовых культур. Для первой из них, вавилонской, был наиболее важен социальный статус субъекта права, определяющий его правовой статус; для второй, ашшурской, — осознание социально-экономической ценности свободы, непосредственно влияющее на правоспособность и правосубъектность со стороны непосредственного участника правоотношений.

Первая из выявленных особенностей наложения санкций станет вкладом в дальнейшее формирование правового статуса подданного, целиком зависящего от близости к власти; вторая — правового статуса гражданина Ашшура, члена общины, который, согласно нормам права, сам мог представлять интересы власти.

Библиография

- Дьяконов И. М., Дунаевская И. М., Магазинер Я. М.* Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 3. С. 223–289.
- Cardascia G.* Les lois assyriennes. P.: Les éditions du CERF, 1969. 359 p.
- Chicago Assyrian Dictionary (CAD), The Assyrian dictionary (of the Oriental institute of the University of Chicago)/ M. Civil, J. A. Brinkman. Chicago. UCP, 1956–2011, Vols. 1–21, 1992, V. 16. 443 p.
- Charpin D.* La vie méconnue des temples mésopotamiens. P.: Les édition du CDF, 2017. 252 p.
- Finet A.* La code de Hammurabi: P. Les édition du CERF, 2004. 173 p.
- Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor / M. T. Roth, with a contribution by H. A. Hoffner, Jr.; volume ed. P. Michalowski. Atlanta. Georgia scholars press, 1997. 284 p.
- Michel C.* Correspondance des marchands de Kaniš. P. Les édition du CERF, 2001. 601 p.
- Neumann H.* Recht im antiken Mesopotamien // Manthe U. Die Rechtskulturen der Antike (vom Alten Orient bis zum Römischen Reich). München: C. H. Beck, 2003. 347 S.
- Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III–I millenaires avant J.-C.)). Saint-Denis: PUV, 2000. 263 p.
- Westbrook R.* A History of Ancient Near Eastern Law. Leiden; Boston: Brill, 2003 Vol. 1. P. 2. 776 p.

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ В УАРИ И ТИУАНАКО

Новосёлова Елена Владимировна
МИРЭА – Российский технологический университет,
Москва*

SUPREME POWER AT HUARI AND TIWANAKU

Novoselova Elena Vladimirovna
MIREA – Russian Technological University, Moscow

Аннотация: в статье на основе анализа архитектуры, ритуалов и иконографии рассматриваются особенности верховной власти в доинкских государствах Андской цивилизации Уари и Тиуанако. Автор приходит к выводу о том, что традиции верховной власти в этих государствах можно рассматривать как стадияльно сопоставимые, хотя и с некоторыми отличиями. Много внимания также уделяется их параллелям в других андских культурах.

Ключевые слова: Андская цивилизация, Уари, Тиуанако, верховная власть, идеология.

Abstract: in this article the of analysis of architecture, rituals and iconography allows investigating features of supreme power in the pre-Inca states Huari and Tiwanaku. The author comes to the conclusion that the traditions of supreme power in these states can be regarded comparable as to the stages of evolution they represent, though with some differences. Much attention is also paid to their parallels with other Andean cultures.

Keywords: Andean civilization, Huari, Tiwanaku, supreme power, ideology.

Изучение доинкского периода Андской цивилизации является динамично развивающейся отраслью индеанистики. В первую очередь это обусловлено постоянно растущим числом археологических данных: археологическое изучение Андского региона еще очень далеко от своего завершения. Однако проблема источников стоит по-прежнему остро. Письменные источники по доинкским культурам отсутствуют (за исключением весьма кратких упоминаний в колониальных

* 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 78; Helena-Novoselova@yandex.ru

нарративах), в то время как возможности археологии для воссоздания ментальных категорий общества естественным образом ограничены. Поэтому приходится с сожалением констатировать, что некоторые аспекты доинкских государственных образований так и не будут должным образом проанализированы.

Но это не относится к такому важнейшему аспекту общественных и политических отношений, как феномен верховной власти. Отдельные его составляющие не поддаются реконструкции в условиях отсутствия письменных источников (имена правителей, события династической истории и пр.). Однако верховная власть имеет множество материальных воплощений (архитектура, искусство, погребения и т. д.), которые можно эффективно использовать для воссоздания ее более или менее полной картины.

Актуальность изучения верховной власти именно Уари и Тиуанако определяется местом, которое эти государства занимали на эволюционной шкале Андской цивилизации. Во-первых, они развивались почти параллельно, что позволяет анализировать единовременные источники. Во-вторых, Уари и Тиуанако в своем развитии предшествовали инкскому государству, и сегодня уже можно считать доказанным, что многие методы и приемы управления, характерные для этих государств, впоследствии были унаследованы инками. Другими словами, данные о государствах Уари и Тиуанако ценны как сравнительный материал для изучения инкской империи.

Географически Уари и Тиуанако располагались в горном массиве Анд, одной из двух историко-культурных областей Андской цивилизации (второй такой областью было Тихоокеанское побережье). Несмотря на то что впоследствии они распространили свое влияние и на побережье, в своей основе это были именно высокогорные государства: их экономической основой было террасное земледелие, и, кроме того, именно в горах располагались их столицы. Хронологически развитие культуры Тиуанако относится к периоду III в. до н. э. — XII в. н. э. Культура Уари появилась на историческом горизонте позднее — в VII в. н. э. — и просуществовала до XIII в. Вследствие того, что Тиуанако возникло позже, неудивительно, что оно оказало определенное влияние на развитие государства Уари, особенно на этапе его становления.

Для начала обратимся к архитектуре как источнику по изучению верховной власти в этих государствах. Для бесписьменных культур, какими были Уари и Тиуанако, архитектура имеет особую важность.

Она позволяет транслировать в массы те идеи и концепции, которые невозможно донести в письменном виде. Неудивительно, что верховная власть во многих государствах активно пользовалась этим в целях пропаганды. Конечно, степень интенсивности этой пропаганды была разной в каждом конкретном случае и зависела от многих факторов.

Что можно сказать по этому поводу об Уари и Тиуанако? Для этого нужно рассмотреть с этой точки зрения архитектуры столицы данных государств. На данный момент раскопано уже немало провинциальных центров, однако именно столицы с точки зрения репрезентации верховной власти могут считаться наиболее показательными.

Городище Уари — столица одноименного государства, располагается примерно в 20 км от современного перуанского города Аякучо. К сожалению, мы до сих пор немного знаем об архитектурных комплексах, связанных с верховной властью. Городище Уари не имело регулярной застройки, из-за чего его планировка, состоящая из ряда изолированных кварталов [Templo mayor, 1999, p. 10], кажется хаотичной. Вследствие этого городище лишено четко выделенной архитектурной доминанты. При этом функцию центра мог играть Главный храм и церемониальная площадка перед ним. Исходя из ее внешнего облика, можно сделать несколько предположений.

Планировка площадки обращает на себя внимание тем, что она едва ли предназначалась для большого скопления людей. Площадка обнесена стенами с двух сторон, вследствие чего имеется лишь две точки обзора: спереди и сзади. Пространство спереди весьма ограничено и не могло вместить много зрителей; остается лишь вид сзади, самый удобный, так как он открывается с возвышения Главного храма. Но и там места не очень много. Из этого можно сделать вывод, что Уари не являлся крупным религиозным центром и мог обслуживать религиозные нужды лишь собственных жителей и, возможно, обитателей близлежащих окрестностей. Исходя из данных по другим Андским культурам, можно сделать вывод, что в Уари правитель принимал активное участие в религиозных церемониях, однако сказать что-то более конкретное, к сожалению, пока не представляется возможным.

Одними из наиболее показательных для анализа верховной власти архитектурных элементов являются резиденции правителей.

К сожалению, в случае с Уари наши знания по этому вопросу близки к нулю: на данный момент ни один из комплексов городища не может быть однозначно идентифицирован как дворцовый. Американский исследователь У. Исбелл высказывал гипотезу, что Главный храм был на самом деле не храмом, а дворцом [Isbell, 2004, p. 225], но это утверждение еще нуждается в дальнейших уточнениях.

Городище Тиуанако, бывшее столицей одноименного государства, располагается недалеко от озера Титикака в современной Боливии. Функции этого города отличались от того, что мы видим на примере Уари. Тиуанако был крупным религиозным центром, и он продолжал им оставаться даже после того, как само государство прекратило свое существование¹. Несмотря на это, соотнесение функций отдельных частей города (в его центре располагаются несколько крупных платформ и церемониальных построек) вызывает определенные трудности [Protzen-Nair, 2016, 59], в том числе в связи с плохой сохранностью памятников.

Относительно резиденций правителя Тиуанако существует две наиболее вероятные версии. Согласно первой, она располагалась в комплексе Путуни [Moseley, 2008, p. 217], согласно второй — в комплексе Акапана [Isbell, 2004, p. 225]. Обе эти локации расположены в центре городища. К сожалению, памятники сохранились не очень хорошо, поэтому на данном этапе судить об их функциях проблематично.

В связи со сложностью разграничений функций крупных археологических комплексов Тиуанако и Уари можно сделать следующее предположение. По данным тех андских культур, архитектура и религиозные практики которых изучены лучше (в первую очередь это цивилизация инков, а также культура Чиму), нам известно, что далеко не всегда оправдана четкая градация комплексов по их функциям (дворец, храм, некрополь и пр.). Нередка ситуация, когда налицо сочетание множества предназначений. Наиболее яркий пример — это резиденции инкских панак, известные по колониальным источникам, а также т. н. «цитадели» (*ciudadelas*) в столице Чиму Чан-Чане, которые, как считается, служили для тех же целей. Вероятно, именно это (а также плохая сохранность и недостаточная изученность этих сооружений) является причиной затруднений при определении функций крупных комплексов Уари и Тиуанако.

¹ В колониальных источниках есть сведения о том, что руины Тиуанако продолжали быть местом поклонения даже в инкское время.

Какие выводы можно сделать на основе анализа архитектурных данных? С одной стороны, на данный момент сведения о верховной власти Уари и Тиуанако в контексте архитектуры фрагментарны и отрывочны. С другой — уже сейчас можно сказать, что в этих государствах верховная власть не достигла столь же высокого уровня централизации, как в Тавантинсуйу. На это указывает отсутствие четкого выделения правительственных резиденций среди остального массива зданий, в противном случае с их определением не возникло бы существенных сложностей. Можно надеяться, что дальнейшие археологические изыскания помогут прояснить этот вопрос.

Еще один ценный источник по верховной власти — это погребальные практики. Переход от состояния жизни к состоянию смерти является одним из важнейших этапов в судьбе каждого индивида. В свою очередь похороны как социальное и религиозное действие ярко отражают отношение общества к индивиду. Поэтому неудивительно, что погребению правителей во всех обществах уделяется особое внимание.

Перед тем как переходить непосредственно к материалу Уари и Тиуанако, вкратце обозначим особенности погребальных практик Андской цивилизации в целом. Одна из фундаментальных черт сходства всех культур данной цивилизации — это практика погребения в позе эмбриона. Она характерна для культур обеих историко-культурных областей Андского региона и для государств разных стадий развития. Подобная практика известна и на обширном материале из Старого Света. Ее религиозный символизм довольно прозрачен: посредством позы эмбриона покойный возвращается к исходному состоянию, в котором он пребывал накануне рождения, благодаря чему символически замыкается его жизненный цикл.

Еще одна общая особенность — наличие сопроводительных жертвоприношений. Этот аспект более вариативен и зависит от многих факторов: от традиций той или иной культуры, социального статуса погребенного и т. д. Он может и вовсе отсутствовать, однако на данном этапе изучения можно утверждать, что при погребении правителей соответствующие ритуалы были обязательны. В роли сопроводительных жертв могли выступать как животные (ламы, морские свинки и пр.), так и люди. Количество этих жертв специфично для каждого погребения, и проследить в этом какую-либо закономерность сложно.

Проблема, с которой сталкиваются все исследователи древних обществ, — это почти повсеместное разграбление захоронений правителей. Не миновала она и культуры Андского региона, причем это расхищение началось, судя по всему, еще в древности. В этих условиях находка нетронутого погребения лица высокого социального статуса — большая удача. К счастью для культуры Уари, недавно польской экспедицией было обнаружено такое захоронение: это событие было признано одной из важнейших археологических находок 2013 года [Patel, Zorich, Urbanus, Lobell, Powell, Swaminathan, Lorenzi, 2014, p. 27]. Благодаря этой находке наши знания о похоронных обрядах этого государства значительно возросли.

Этот памятник, получивший название Кастильо де Уармей, является преимущественно женским некрополем: большинство найденных костяков принадлежат женщинам. При этом богатство погребального инвентаря указывает на высокий, вероятно царский, статус погребенных. Некрополь интересен не только сам по себе, но и тем фактом, что он расположен на севере побережья Перу, то есть на значительном расстоянии от центра государства. Это наглядно подтверждает, что Уари распространяло свое влияние в том числе и на этот регион.

Некрополь Кастильо де Уармей в полной мере соответствует тем особенностям андских погребальных обрядов, о которых говорилось выше. Погребенным была придана поза эмбриона или его вариаций [Castillo de Huarmey, 2014, p. 214–215], в то время как принесенные в жертву люди покоились лицом вниз. Вероятно, это символизировало их приниженное положение.

Важным нюансом относительно погребальных обрядов Уари является обнаруженное святилище при некрополе. Оно подтверждает существование развитого культа предков, что перекликается с данными по другим андским культурам, в особенности инкской и Чиму [Пома де Айяла, 2011, с. 167]. По колониальным источникам известно, что особым почитанием пользовались мумии умерших инкских правителей, с которыми обращались так, словно они были живыми людьми. За ними сохранялась вся их собственность, а многочисленные жены, прочие родственники и слуги повседневными ритуалами должны были поддерживать иллюзию того, что правитель по-прежнему находится среди живых [Cobo, 1892, p. 135]. Существование подобных обычаев подтверждает и археология.

Картину дополняют погребения, обнаруженные в центре государства Уари, а именно в области Сьерры. К сожалению, они куда менее информативны в силу того, что были найдены уже разграбленными. Крупнейший некрополь городища Уари расположен рядом с Главным храмом и церемониальной площадкой, обступая ее с двух сторон. Кто там покоился — в точности неизвестно, однако можно предположить, что в столь привилегированной части городища нашли свое последнее пристанище представители верхушки уарийского общества. При этом близость главного церемониального центра могла обеспечить должное поклонение останкам умерших предков.

Особняком стоит масштабная гробница, обнаруженная в секторе Монхачайук. Она представляет собой множество небольших погребальных камер, устроенных поверх основной. Очевидно, камеры поменьше служили в качестве сопроводительных жертвоприношений. Среди исследователей нет единогласия относительно того, кому принадлежала эта гробница [Valdez, Betcher, Ochatoma, Ernesto Valdez, 2014, p. 683–684; Isbell, 2004, p. 77–148; Isbell, Korpisaari, 2014, p. 77–148], но ее исключительность наводит на мысль, что эта персона пользовалась большим почитанием и уважением. Не исключено, что такой чести удостоился именно правитель. Однако поскольку эта гробница является единственной в своем роде (по крайней мере, из обнаруженных на данный момент), такие монументальные захоронения не являлись нормой для Уари.

Определенной параллелью уарийским погребальным ритуалам являются обряды Тиуанако. К сожалению, наши данные по ним еще менее многочисленны, так как на данный момент не найдено ни одного неразграбленного захоронения. Как и в случае с Уари, крупнейший некрополь расположен в центре городища, вокруг внутреннего патио храма Каласасайя, а также около платформы Путуни [Isbell, Korpisaari, 2014, p. 114]. Судя по всему, эти погребения принадлежали правителям или, по крайней мере, представителям знати. Как и в случае с Уари, близость погребений к наиболее почитаемым религиозным объектам свидетельствует о большом значении культа умерших предков в системе мировоззрения носителей культуры Тиуанако. Расположение некрополя также позволяет предположить, что мумии могли периодически извлекаться для совершения церемоний [Albarracin-Jordan, 2007, p. 138]. Относительно погребально-инвентаря мало что можно сказать, однако нет оснований думать,

что он существенно отличался от уарийского и состоял из керамики, подношений продуктов питания, украшений и пр.

Несмотря на очевидное сходство между погребальными обрядами этих двух культур, несомненны и некоторые отличия. В первую очередь это касается масштабы некрополей: исходя из имеющихся на данный момент сведений, можно сделать вывод, что тиуанакские погребения заметно уступают уарийским в размерах, богатстве и пр. Этот факт может рассматриваться как отражение статуса правителя в данных государствах. Другими словами, правители Уари, вероятно, почитались больше, чем владыки Тиуанако, что свидетельствует и о степени централизации этих государств. Конечно, «измерить» ее сколь-нибудь точно не представляется возможным, но в чисто сравнительном аспекте вполне очевидно, что чем большим богатством окружен правитель, тем больше у него возможностей (материальных, идеологических и пр.) для централизации и унификации своего государства. Кульминацией этих процессов в рамках Андской цивилизации стало государство инков Тавантинсуйу, что прослеживается как по археологическим, так и по письменным источникам.

Искусство в целом и иконография в частности также являются прекрасными источниками по властным структурам. Однако приходится констатировать, что эта отрасль андологии еще находится в стадии становления. Разумеется, в свет не раз выходили работы, посвященные искусству отдельных культур² (в том числе по Уари и Тиуанако), но общая картина нуждается в доработке. Этому будут способствовать как новые археологические находки, так и более тщательный анализ уже найденного материала.

Относительно искусства Уари и Тиуанако можно констатировать, что изобразительные традиции этих культур очень схожи. Это касается как отдельных иконографических элементов, так и общего стиля изображения³. Схожей является и цветовая гамма: в искусстве обеих культур преобладают красно-коричневые и темно-синие тона.

² Наиболее изученным следует считать искусство культуры Моче, которая известна своей богатой и разработанной иконографией.

³ Несомненное сходство можно отметить между иконографией Уари и Тиуанако и иконографией культуры Наска, развивавшейся на южном побережье Перу. Учитывая близкое географическое положение этих культур, легко допустить возможность непосредственных контактов между ними. Более того, впоследствии часть территорий, входивших в ареал Наска, вошла в состав государства Уари [Edwards, 2017, p. 154–156].

Сказанное относится прежде всего к керамике, которая является наиболее массовым источником по искусству и иконографии. К сожалению, антропоморфные изображения в ней представлены весьма скудно; это относится и к Уари, и к Тиуанако. К тому же большую часть подобных изображений можно однозначно интерпретировать как иконографию религиозного, а не светского содержания. В частности, достаточно распространенным образом является солярное божество, наиболее известным изображением которого являются «Ворота Солнца» в Тиуанако⁴. В искусстве Уари этот персонаж встречается на керамике, в частности на массивном сосуде из собрания Национального археологического музея Перу. В обоих случаях иконография хорошо проработана и изобилует деталями. Мы принимаем с некоторыми оговорками то исходное положение, что иконография божества может рассказать о представлении носителей культуры о высоком статусе вообще. Исходя из этого, выскажем некоторые соображения по поводу вероятного внешнего облика представителей социальной верхушки уарийского и тиуанакского обществ, к которой, несомненно, относятся и правители.

Сам наряд довольно прост и состоит из юбки выше колен и рубашки наподобие туники. Роскоши придают декоративные элементы: орнамент на ткани, узорчатый пояс с бляшками, массивные жезлы в обеих руках персонажа. Этот образ перекликается и с другими изображениями на керамике, атрибуция которых вызывает трудности (неясно, изображают ли они божеств или кого-то еще). Большой интерес представляет недавно обнаруженный сосуд культуры Уари, который выставлялся в Музее искусств Лимы [Castillo de Huarmey, 2014, p. 138–139]. Верхняя часть сосуда представляет собой человека в богатом одеянии, сидящего на плоту. Какие либо зооморфные или фантастические элементы в иконографии отсутствуют, из чего можно сделать вывод, что перед нами изображение не божества, а человека высокого социального статуса, возможно правителя.

Наряду с керамикой источником по внешнему облику правителей является мелкая пластика. Американская исследовательница А. Кук,

⁴ «Ворота Солнца» являются самым известным, но далеко не единственным монументальным антропоморфным изображением, принадлежащим культуре Тиуанако. Однако если «Ворота Солнца» считаются изображением божества практически единогласно, то относительно других монументальных скульптур Тиуанако мнения исследователей расходятся [Albarracin-Jordan, 2007, p. 135].

изучавшая этот вопрос на примере двух коллекций фигурок Уари, пришла к выводу, что они изображают лиц высокого социального статуса, возможно почитаемых предков [Cook, 1992, p. 431–364]. Детали одежды на фигурках перекликаются с теми, что можно увидеть на керамике, в частности узоры на туниках. Это свидетельствует о существовании устойчивых канонов, бытовавших в уарийском искусстве.

Важным атрибутом внешнего облика правителя были также золотые и серебряные украшения. Исходя из той роли, которую драгоценные металлы играли для носителей андских культур, можно с уверенностью утверждать, что ношение таких украшений было не просто демонстрацией богатства и статуса. Они символизировали близость к божествам и их покровительство. Известно, что золото и серебро считались посвященными богу солнца и богине луны соответственно. Наши сведения о религии Уари и Тиуанако чрезвычайно ограничены, однако из данных иконографии очевидно, что в своих базовых основаниях она была схожа с религией более изученных культур Андской цивилизации⁵. Более того, есть основания говорить о существовании единого андского мировоззрения [Aliaga, 1987, p. 102; Tatsuhiko, 1993, p. 273], разумеется, с учетом специфики отдельных культур.

Археологический материал подтверждает активное использование золотых и серебряных украшений в обеих культурах. Чаще всего подобные изделия обнаруживаются в ходе раскопок погребений. Среди таких находок встречаются как предметы сугубо ритуального назначения (погребальные маски), так и изделия, которыми погребенные наверняка пользовались при жизни (серьги, бусы). Среди украшений, наиболее типичных для всех культур Андской цивилизации, можно отметить следующие: серьги, вставки для носа, пекторали, диадемы.

К сожалению, немалая часть материала, хранящегося в музеях, получена в ходе нелегальных раскопок, что затрудняет атрибуцию предметов. Из последних находок следует отметить уже упоминавшийся выше некрополь Кастильо де Уармей на перуанском побережье. Поскольку погребение женское, то и набор украшений соответствующий, при этом особо выделяются великолепные наборы

⁵ Одной из наиболее фундаментальных работ по религии Андской цивилизации является работа американского исследователя Артура Демареста [Demarest 1981].

серег округлой формы с богатым орнаментом [Castillo de Huarney, 2014, p. 224–226]. Одна из наиболее впечатляющих коллекций древнеперуанского золота и серебра (в том числе относящегося к культуре Уари) хранится в Национальном археологическом музее Перу в г. Лиме.

Приходится с сожалением констатировать, что в искусстве культур Уари и Тиуанако отсутствовала традиция изображения сцен дворцовой жизни⁶, столь распространенная во многих других древних обществах и позволяющая прояснить некоторые аспекты верховной власти.

В заключение выскажем некоторые общие соображения. Несмотря на известные ограничения возможностей археологии для анализа нематериальных аспектов общественного развития, ее возможности для реконструкции идеологии верховной власти доинкских культур кажутся вполне перспективными. Пример Уари и Тиуанако показывает, что изучение их властных структур на основе археологических данных дает зеркальный эффект: исследователь может не только находить параллели уарийским и тиуанакским традициям в более поздних культурах, известных по письменным источникам, но и проверять и уточнять данные последних, обогащая, таким образом, знания по этим культурам.

Библиография

- Гуаман Пойма де Айяла Ф.* Первая новая хроника и доброе правление. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 292 с.
- Albaracin-Jordad J. V.* La formación del estado prehispánico en los Andes. Origen y desarrollo de la sociedad segmentaria indígena. La Paz, Fundación Bartolomé de las Casas, 2007. 236 p.
- Aliaga F.* Los dioses en la mitología andina // *Diálogo andino*. 1987. № 6. P. 93–104.
- Castillo de Huarney.* El Mausoleo imperial de Wari. Lima: MALI, 2014. 348 p.
- Cobo B.* Historia del Nuevo Mundo. T. III. Sevilla: Impresión de E. Rasco, 1892. 351 p.
- Cook A.* The Stone Ancestors: Idioms of Imperial Attire and Rank among Huari Figurines // *Latin American Antiquity*. Vol. 3, No. 4 (December 1992). P. 341–364.

⁶ Это относится к искусству большинства культур Андской цивилизации. Определенным исключением можно назвать искусство культур северного побережья Перу, в особенности Моче, где сформировалась устойчивая традиция антропоморфных изображений.

- Demarest A.* Viracocha: The Nature and Antiquity of Andean High God. Peabody: Peabody Museum Press, 1987. 104 p.
- Edwards M. J.* Ritual Practice at the End of Empire: Evidence of an Abandonment Ceremony from Pataraya, a Wari Outpost on the South Coast of Peru // Prehispanic and Colonial Case Studies in Andean Archaeology University Press of Colorado, 2017. P. 151–168.
- Isbell W. H.* Y Antti Korpisaari. Entierros en las zonas nucleares de Wari y Tiwanaku: similitudes, diferencias y significado // Conchopata: revista de arqueología. No. 4. Ayacucho, 2014. P. 77–148.
- Isbell W. H.* Mortuary Preferences: A Wari Culture Case Study from Middle Horizon Peru // Latin American Antiquity. 2004. No 15 (1). P. 3–32.
- Isbell W. H.* Palaces and Politics in the Andean Middle Horizont // Palaces of the Ancient New World. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection Washington, 2004. P. 191–246.
- Moseley M. E.* The Incas and Their Ancestors. New York: Thames & Hudson, 2008. 288 p.
- Patel S. S., Zorich Z., Urbanus J., Lobell J. A., Powell E. A., Swaminathan N., and Lorenzi R.* Top 10 Discoveries of 2013 // Archaeology. Vol. 67, No. 1 (January/February 2014). P. 24–30.
- Protzen J.-P., Nair S.* Las Piedras de Tiahuanaco. Arquitectura y construcción de un centro megalítico andino. Lima, Pontifica Universidad católica del Perú, 2016. 381 p.
- Tatsuhiko F.* El felino, el mundo subterráneo y el rito de fertilidad: tres elementos principales de la ideología andina // Senri Enthological Studies. 1937. P. 259–274.
- El Templo Mayor en la ciudad de Wari: estudios arqueológicos en Vegochayoq Moqo-Ayacucho. Ayacucho: Universidad Nacional de San Cristobal de Huamanga, 1999. 135 p.
- Valdez L. M., Betcher K. J., Ochatoma J. A., and J. Ernesto Valdez.* Mortuary Preferences and Selected References: A Comment on Middle Horizon Wari Burials // World Archaeology. 2006. Vol. 38. No. 4. P. 683–684.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И ЭЛЛИНИЗМ

УДК 930.2, 94.38 ГРНТИ 03.09.23, 03.81.51

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ИЗ КОЛОФОНА IV-III ВВ. ДО Н. Э.

Антонов Александр Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

TOWN PLANNING INSCRIPTION OF THE 4th - 3rd CENTURY B.C. FROM COLOPHON

Antonov Alexander Alexandrovich
St. Petersburg State University, St. Petersburg

Аннотация: В статье анализируется содержание надписи эпохи раннего эллинизма из Колофона с точки зрения организации градостроительства, даётся обзор дискуссии касательно датировки надписи.

Ключевые слова: эллинизм, Малая Азия, Колофон, эпиграфика, декрет, градостроительная надпись, Александр Великий, Антигон, Деметрий.

Abstract: The paper studies the early Hellenistic inscription from Colophon from town planning standpoint.

Keywords: Hellenism, Asia Minor, Colophon, epigraphy, decree, town planning inscription, Alexander the Great, Antigonus, Demetrius.

История эллинистической Ионии отмечена активной градостроительной деятельностью, которую сначала проявили диадохи, а затем и цари — в эту эпоху здесь мы находим множество примеров синойкизма, реорганизации полисов, постройки городов на новом месте. Как и прочие города западного побережья Малой Азии, в этот процесс был вовлечён Колофон. Но при этом случай с Колофоном стоит особняком среди остальных примеров градостроительной политики эпохи эллинизма.

* 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, Институт истории СПбГУ; antonov.history@yandex.ru

Основным источником по истории раннеэллинистического Колофона является надпись — постановление народного собрания колофонцев, высеченное на каменной стеле, которая была найдена в ходе раскопок Американской школы классических наук в Афинах, проводившихся на месте Колофона с весны 1922 по конец 1925 г. Стела в целом виде была огромной — она состояла из трёх каменных блоков, её высота составляла 1,92 метра, а ширина — 2,22 метра. Столь значительный размер обусловлен тем, что документ содержит список жертвователей денежных средств. К сожалению, от всей стелы дошло меньше половины — каменные блоки были расколоты на части. Но, к счастью, почти полностью дошёл верхний блок, где высечено постановление народного собрания — наиболее информативная часть документа. Стела с постановлением была найдена в ходе раскопок в храме Матери (Кибелы). Надпись была впервые описана Гетти Голдман в одном из первых номеров «*American Journal of Archaeology*», затем её опубликовал Бенджамин Меритт в 1935 г. в «*The American Journal of Philology*», в статье «*Inscriptions of Colophon*» (no. I). Б. Меритт, будучи студентом, участвовал в раскопках Колофона.

Хотя документ очень подробный и информативный, тем не менее возникают большие трудности при попытке датировать надпись и вникнуть в контекст событий, связанных с принятием этого постановления. Надпись посвящена возведению городских стен, для чего граждане Колофона пожертвовали деньги (все жертвователи были указаны в длинном списке, высеченном ниже декрета), но при этом в надписи говорится и о разметке городских улиц и участков домов — фактически речь идёт о восстановлении самого города, а не только его стен.

Спустя десять лет после публикации надписи археолог Лестер Холланд, участник раскопок, написал подробную статью, где он, опираясь на данные нарративных и археологических источников, попытался дать очерк истории Колофона. По его мнению, Колофон, один из самых могущественных городов Ионии в архаическую эпоху, был разрушен лидийцами — Геродот в «*Истории*» говорит о завоевании Колофона лидийским царём Гигесом (Herod. I.14), а в тексте надписи говорится о восстановлении древнего полиса (πόλις παλαιός) или восстановлении его стены. Исходя из этого исследователь сделал вывод, что Колофон был разрушен именно этим царём. Затем, по мнению Холланда, город восстановился, но сложно сказать где — либо на месте «древнего полиса», но уже без стен, либо у подножия холма, на котором высился акрополь

IV века. Судя по монетам Колофона, процветание вернулось в город в начале V в. до н. э., но с началом греко-персидских войн процветанию снова пришёл конец, пока пришедший с началом IV века мир снова не вернул его [Holland, 1944, p. 171].

Многим позднее, уже в конце XX в., история Колофона была затронута исследовательницей Нэнси Деманд. По её мнению, город был оставлен населением во время персидского нашествия (однако не уточняется, произошло ли это в правление Кира или же во время Ионийского восстания) [Demand, 1990, p. 161–162].

Таким образом, история Колофона предстаёт перед нами в довольно туманных очертаниях, чему виной нехватка источников.

В 334 г. до н. э., когда вместе с приходом Александра Великого начался новый этап в истории Ионии, кардинальные перемены произошли и для Колофона. В преамбуле постановления народного собрания говорится о том, что царь Александр (а также Антигон, но об этом далее) передал народу Колофона свободу. По всей видимости, во время персидского владычества имелись какие-то нарушения полисной автономии. И это восстановление полисных прав послужило толчком к восстановлению города (или его стен, если быть точным) — в надписи говорится, что решение снова укрепить полис было принято после дарования народу колофонцев свободы: «ἐπειδὴ παρέδωκεν αὐτῶι Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς τὴν ἐλευθερίαν καὶ Ἀντίγονος — после того как передал нам царь Александр и Антигон свободу». Или, учитывая другое значение союза ἐπειδὴ, можно также понимать эти строки и так — «поскольку передал свободу». Дарование свободы Колофону стало частью проводимой в Малой Азии Александром политики — перешедшие под власть македонского царя полисы объявлялись свободными и освобождёнными от форося. В числе этих полисов — Илион, Эрифры, Приена, Милет [Холод, 2008, с. 127–129].

Так или иначе, это дарование Александра можно считать отправной точкой, после которой гражданский коллектив Колофона принял восстановление города. Другой предпосылкой, не менее важной, определённо было вернувшееся к Колофону экономическое процветание — Д. Мейджи не без оснований замечает, что к этому времени граждане были уже достаточно богаты, чтобы возвести стены вокруг города [Magie, 1950, p. 80].

Дарование Колофону свободы кажется логичным отнести к 334–333 гг. до н. э., непосредственно после освобождения Малой Азии

от персидского владычества, хотя возможно, что это произошло в более поздние годы. Так или иначе, это не особо дискуссионный вопрос, в то время как датировка принятия декрета стала предметом серьёзной дискуссии. В надписи упоминаются царь Александр и — без царского титула — Антигон. Следовательно, декрет был принят до 306 г. до н. э., «года царей». Б. Меритт посчитал, что декрет был принят поздним летом или осенью 334 г., сразу после освобождения города от персидского владычества. Антигон, по мнению Б. Меритта, упоминается в надписи в связи с тем, что он был назначен Александром в качестве сатрапа Фригии [Meritt, 1935, p. 371]. Однако Г. Коэн возражает — в тексте надписи сказано, что Антигон подтвердил свободу, дарованную Александром колофонцам. И таким образом можно сделать вывод, что декрет был принят уже в те годы, когда Антигон был полновластным правителем [Cohen, 1995, p. 184]. Кроме того, кажется странным, чтобы Антигон, будучи ещё обычным сатрапом, недавно назначенным, был упомянут в этом постановлении. Это вполне ожидаемо для периода диадохов, или по крайней мере когда Александр был уже далеко в глубинах Азии, а Антигон уже приобрёл авторитет среди греческих полисов Малой Азии. Так что наиболее верной представляется датировка надписи в промежутке от смерти Александра до «года царей», между 323 и 306 гг. до н. э., когда Антигон ещё не был царём, но уже был правителем Малой Азии — этого взгляда придерживается Г. Коэн, датирующий надпись 311–306 гг. до н. э. Эта датировка сходится с датировкой Л. Холланда: он писал, что стены, о которых говорится в декрете, по технике кладки относятся к концу IV в. до н. э., и они отличаются от кладки стен акрополя на южном холме, который был возведён раньше [Holland, 1944, p. 171].

В целом среди исследователей XX века установился консенсус — надпись датируется концом IV в. до н. э., в это же время начались работы по восстановлению города. Однако развитию города помешал диадох Лисимах, который с целью расширить Эфес переселил в него жителей Лебеда и Колофона. Причём колофонцы активно сопротивлялись этому намерению — Павсаний рассказывает о расположенных вдоль дороги на Кларос могилах колофонских воинов, павших в борьбе с Лисимахом (Paus. I.7.3). Сопротивление было подавлено, а город разрушен. Этой позиции придерживается Г. Коэн. Однако он отмечает, что среди надписей, опубликованных Б. Мериттом, есть упоминание филы, названной в честь Селевка (φυλήν Σελευκ...) [Cohen, 1995,

р. 184]. Б. Меритт датирует эту надпись временем после 281 г. до н. э., когда в Малой Азии утвердилась власть этого царя [Meritt, 1935, р. 380–381]. Следовательно, колофонцы вернулись в родной город. О том, что колофонцы и лебедосцы вернулись после смерти Лисимаха из Эфеса в свои родные города, пишет А. Х. М. Джонс [Jones, 1998, р. 42]. Однако о возрождении Колофона как процветающего города речи уже не было — Л. Холланд констатирует запустение города в конце IV в. до н. э. [Holland, 1944, р. 169]. Таково традиционное видение колофонской истории периода диадохов.

Однако проведённые в 2010 г. совместные раскопки Института археологии Венского университета и стамбульского Университета искусств имени Мимара Синана, а затем статья Сальватора Ваканте, опубликованная в журнале «Klio» в 2015 г., в которой были использованы результаты новых раскопок, перевернули традиционный взгляд о датировке надписи, которая была отнесена уже к 290-м гг. до н. э.

Детальное изучение кладки стен (так называемой «псевдоисодомической») привело археологов австрийско-турецкой экспедиции к мысли, что её следует датировать не концом IV в. до н. э., а периодом более поздним — первой половиной III в. до н. э. Эта техника появляется в Эфесе и окружающих городах, к которым относится и Колофон, именно в это время [Vacante, 2015, р. 574]. И здесь уже начинается противоречие археологического источника письменному. С. Ваканте выстраивает свою гипотезу, согласно которой упоминание в надписи Антигона связано с тем, что город находился и после битвы при Ипсе в 301 г. до н. э. под властью его сына, Деметрия Полиоркета. И около 295 г. до н. э. либо при содействии, либо с ведома Деметрия в Колофоне был принят документ о восстановлении города и стен. В качестве доказательства исследователь приводит то, что упомянутые в тексте «союзнические» золото и серебро (χρυσούς и ἀργυρίου συμμαχικῶν), которые пожертвовал Кроний, сын Менона, милетянин в количестве трёхсот драхм золота и трёх тысяч драхм серебра (что указано в надписи), связаны с чеканкой в 301–295 гг. до н. э. в Эфесе и Милете серебряных драхм и тетрадрахм царя Деметрия. «Союзническими» они названы, поскольку после битвы при Ипсе был заключён союз между Деметрием и Селевком. А разрушение Колофона Лисимахом С. Ваканте ставит под сомнение, приводя в доказательство сообщение Диодора Сицилийского, который писал, что колофонцы подчинились военачальнику Лисимаха Препелаю

(Diod. XX.107). Войны у Лисимаха с колофонцами не было — они просто приняли власть царя, а стены не разрушали, поскольку их ещё и не было, как и самого Колофона. Колофонцы к моменту завоеваний Александра жили в приморском городе Нотии, который ещё назывался «Колофон у моря», и в крепостях на хоре. Более того, исследователь считает, что Препелай, командовавший войсками Лисимаха в Эолии и Ионии, даже положил начало восстановлению Колофона — строя и храм Матери, метроон, археологически датируются раньше стен. А после того как Деметрий Полиоркет вернул власть над городом, в 296 или 295 г. до н. э. был принят декрет о восстановлении города.

Но при всей привлекательности такая поздняя датировка декрета кажется сомнительной по той же причине, которая уже упоминалась — Антигон в декрете не назван царём, а Деметрий не назван и вовсе. Сомнительно, чтобы Деметрий не обратил внимание на такую непочтительность к отцу и себе, и едва ли бы колофонцы решились на такое. Исходя из этого, не представляется возможным, чтобы декрет был принят позже 306 г. Но с другой стороны, этому противоречат данные археологических раскопок — и это проблема, которую сложно решить. Остаётся только предположить, что декрет был принят между 334 и 306 гг. до н. э., после чего были возведены постройки на акрополе (южный холм), а строительство стен началось десятилетием позже.

Таков краткий очерк проблемы датировки надписи. Теперь непосредственно о её содержании. Этот декрет является ценнейшим источником по градостроительству эллинистической эпохи. В надписи подробно расписано, как гражданский коллектив колофонцев организовал восстановление города. По аналогии с Колофоном можно судить и о градостроительстве в других полисах Малой Азии того времени.

Поскольку никто из царей или диадохов не выделил городу денег на восстановление (возможно, по той причине, что инициатива исходила не от правителей, а от горожан), гражданскому коллективу пришлось взять расходы на себя, что и было отражено в декрете. В конце постановления говорится о том, что каждый желающий из граждан, в том числе и живущих на чужбине, может внести деньги на строительство (стк. 28–30). В соответствии с традициями большинства греческих полисов той эпохи, граждане, пожертвовавшие деньги на общественное благо, должны были быть почтены —

в декрете указывается, что каждый сделавший взнос должен быть записан на стеле вместе с суммой своего взноса. Стела должна быть установлена в храме Матери (стк. 32–35). Этим и объясняется столь огромный размер стелы, о котором уже говорилось выше, ведь в значительной части этот документ представляет собой список граждан, внесших деньги на строительство стены. Кроме того, в стороне не остались и метеки — некоторые из них внесли свой денежный вклад в строительство стены, а кроме них и гости из других полисов. Документ не дошёл до нас в целости, но исходя из того, что известно число каменных плит, составлявших документ, а следовательно — и число строк, делаются выводы о том, что список содержал по меньшей мере 850 имён людей, внесших деньги на строительство стены.

Из надписи мы узнаём про функционирование демократических органов власти в процессе градостроительства. На народном собрании коллегия десяти, или просто δέκα, выдвинула предложение (γνώμη), которое было принято в ходе голосования и задокументировано. Судя по тому, что в списке лиц, внесших средства, члены коллегии десяти внесли достаточной большой вклад, надо полагать, что это была главная коллегия в Колофоне, наподобие коллегии архонтов в Афинах начала V в. до н. э., если в неё входили богатейшие граждане городской общины.

Через месяц после голосования в народном собрании коллегия десяти, притан и жрецы должны вознести молитвы богам и героям.

Кроме того, согласно решению народного собрания, должны быть избраны «десять мужей» (ἄνδρας δέκα), и это, судя по всему, совсем другая коллегия десяти (так как на момент принятия решения они ещё не избраны, в то время как сам декрет был предложен десятью, или δέκα). Вместе с ними избирается и архитектор — неизвестно, на народном собрании или же его выбирали магистраты Колофона, но в 23-й строке сказано, что архитектор должен быть назначен вместе с «десятью мужами».

Коллегия десяти (или «десять мужей») кажется по своим функциям очень похожей на афинских эпимелетов — магистратуры, созданные для решения определённых задач. В их числе были забота о водоснабжении, надзор в Пирее за торговлей хлебом, организация и финансирование дионисийской процессии, организация Элевсинских мистерий (Aristot. Ath. Polit. 43.1; 51.4; 56.4; 57.1). Колфонские «десять мужей», в свою очередь, также избираются ради определённых

ной задачи — для строительства стены. Но в этом заключается и разница с афинскими эпимелетами, так как «десять мужей» являются экстраординарной магистратурой, избираемой не на регулярной основе, а однократно, ради временной задачи — строительства стен и города.

В обязанности ἀνδρῶν δέκα, совместно с архитектором, входит надзор за строительством стен, причём особо отмечается то, что они должны следить за тем, чтобы стены были самые укреплённые (стк. 21–23). Кроме стен, «десять мужей» должны следить за застройкой в черте города — они должны следить за правильной разметкой улиц и фундаментов домов (стк. 26). Также в их обязанность (как «десяти мужей», так и архитектора), входил надзор за строительством общественных построек — агоры, мастерской (ἐργαστήρια) и прочих «для народа» (стк. 26–27). Затем в обязанность коллегии десяти входил сбор средств с ксенов, надзор за своевременной оплатой работы архитектора (стк. 24–25). Таким образом, в обязанности коллегии десяти входил надзор за всеми строительными работами и отчасти за их финансированием — в той части, которая касалась сбора средств с ксенов.

На плечи архитектора ложилась колоссальная работа — как проектирование стен, так и разметка улиц и других построек, зданий общественного назначения (а может, и частных домов).

Однако такая важная часть градостроительного проекта, как финансы, то есть сбор средств и их распределение, в обязанности коллегии десяти не входил. В конце дошедшего до нас текста декрета упоминается некий карполог (καρπολόγος). Ему должна быть передана третья часть от собранных средств, которые должны быть переданы подрядчикам (примечательно использование слова ἐργῶνης, «подрядчик», встречающегося только в эпиграфике: стк. 37–38). По мнению Б. Меритта, карполог был должностным лицом казначейства [Meritt, 1935, p. 371]. Однако он только распределяет средства, собирают же их, по всей видимости, другие магистраты, поскольку собранные средства карпологу передаются, т. е. не он их собирает.

В другой колофонской надписи, опубликованной всё в той же статье, упоминаются и коллегия δέκα, и карполог (no. VI). Б. Меритт датирует её концом IV в. до н. э., что хронологически близко ко времени принятия декрета о строительстве стен. Надпись no. VIII также является строительной — текст плохо сохранился, но речь в ней идёт о строительстве. В строках 9–10 говорится о том, чтобы

коллегия δέκα передала серебро из храма Матери Антейской тому, кто будет назначен Советом на должность карполога. По крайней мере, если принять корректуру Б. Меритта — десятая строка обрывается на середине, так что до нас дошли две буквы «δε», и ещё возможно прочесть третью букву слова как «κ». Восстановлений текста много и помимо этого, так что сложно с уверенностью опираться на эту надпись. Но всё же сохранившееся «τοὺς δέκ...» наводит на мысли о том, что речь идёт о коллегии десяти, но не понятно, о какой из двух упомянутых в надписи по. I идёт речь. Зато определённо можно сказать о том, что выплата жалованья рабочим находилась в руках карполога — выше (стк. 8) упоминаются техниты (τεχνίται), если принимать восстановление Б. Меритта. По всей видимости, речь идёт о профессиональных строителях.

Колофонская надпись также ценна тем, что показывает главные принципы строительства города — процессом руководит архитектор, он отвечает как за строительство стены, так и за внутригородскую застройку, т. е. даже на уровне частных домов строительство происходит не спонтанно и под руководством. Улицы размечаются (в надписи использован глагол κατὰτέμνω — «рассекать»), размечаются также и фундаменты частной застройки. Более чем вероятно, что застройка города проводилась по Гипподамовой системе, ставшей к тому времени общепринятой для греческих городов, которые по разным причинам перестраивались или расширялись — примером тому могут стать Приена, Милет или Олинф [Эллинистическая техника, 1948, с. 161; Kleiner, 1968, S. 25–27; Schede, 1964, S. 11–21]. Прекрасное свидетельство оставил нам Страбон, который описывает, как Антигон и Лисимах восстановили Смирну, четыре столетия существовавшую в виде простого селения: «Планировка города по кварталам превосходна; городские кварталы, насколько возможно, вытянуты по прямым линиям; улицы вымощены камнем...» (Strab. XIV.1.37). Такова была тенденция того времени.

Подводя итог, можно констатировать, что неясности датировки не делают главную содержательную часть надписи менее ясной. Определённо можно сказать, что это постановление было принято в раннеэллинистический период, и восстановление Колофона стало частью общего для Ионии процесса переустройства полисов, который был вызван деятельностью диадохов и царей. Даже если цари и не были инициаторами восстановления города, тем не менее гражданской общине Колофона приходилось соотносить свои действия

с волей царей, отмечать их благоволение к городу в декрете. Восстановление города проходило организованно — в соответствии с полисной «конституцией» на народном собрании принимался декрет, в котором определялись функции и полномочия институтов власти и должностных лиц, устанавливались источники финансирования.

Колофонская надпись позволяет представить, как в это время проходило градостроительство в Ионии, Эолиде, Троаде и прочих областях Малой Азии, где существовали греческие полисы. Довольно близко по смыслу письмо Антигона Теосу и Лебедосу (которые к тому же близки к Колофону территориально), в котором устанавливается порядок синойкизма двух полисов (RC № 3–4). Но всё-таки в этих надписях разбираются вопросы переселения, организации единых для прежде разных общин институтов власти и установления единого законодательства, а тема градостроительства не затрагивается.

Следует заметить, что кроме градостроительства надпись даёт и другие интересные сюжеты, касающиеся социального состава жителей Колофона, списка жертвователей денег, происхождения $\chi\rho\upsilon\sigma\omicron\upsilon\varsigma$ и $\alpha\rho\chi\upsilon\rho\omicron\iota\omicron\upsilon$ $\sigma\upsilon\mu\mu\alpha\chi\iota\kappa\omicron\upsilon$, однако они требуют отдельного рассмотрения.

Библиография

- Холод М. М.* Македонская монархия и греческие полисы Малой Азии: 336–323 гг. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 255 с.
- Эллинистическая техника / Под ред. И. И. Толстого. М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 365 с.
- Cohen G. M.* The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor: Hellenistic Culture and Society. Los Angeles; Berkeley; Oxford: University of California Press, 1995. 496 p.
- Demand N. H.* Urban Relocation in Archaic and Classical Greece. Norman: University of Oklahoma Press, 1990. 257 p.
- Holland L. B.* Colophon // *Hesperia*. 1944. 13. P. 91–172.
- Jones A. H. M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford: Oxford University Press, 1998. 578 p.
- Kleiner G.* Die Ruinen von Milet. B.: De Gruyter, 1968. 164 S.
- Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Princeton: Princeton University Press, 1950. Vols. 1–2. 1689 p.
- Meritt B. D.* Inscriptions of Colophon // *The American Journal of Philology*. 1935. Vol. 56, No. 4. P. 358–391.
- Schede M.* Die Ruinen von Priene. B.: De Gruyter, 1964. 113 S.
- Vacante S.* Colophon in the Early Hellenistic Age // *Klio*. 2015. Vol. 97. P. 539–602.

УДК 930.2, 94(3)
ББК 63.2, 63.3(0)3

**ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ
«ПЕРИПЛА ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ»**

Бухарин Михаил Дмитриевич
Институт всеобщей истории РАН, Москва*

**EDITIONS AND TRANSLATIONS
OF "THE PERIPLUS OF THE ERYTHRAEAN SEA"**

Bukharin Mikhail Dmitrievich
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация: В статье представлена история изданий и переводов анонимного «Перипла Эритрейского моря» (40–70 гг. н. э.), восходящая к середине XVI в. За 400 лет внятное издание этого уникального текста так и не подготовлено, более новые издания, как правило, основаны не на рукописной традиции, а на стремлении исправить недочеты предыдущих изданий за счет редакторской интуиции.

Ключевые слова: «Перипл Эритрейского моря», критические издания, рукописи, палеография.

Abstract: The history of editions and translations of “The Periplus of the Erythraean Sea” (40–40 A.D.) is presented in the article. This history goes back to the middle of the 16th century. Since then a reliable edition of this text has not been prepared. Newer editions are as a rule based not on the manuscript tradition but on the attempts to fix the mistakes of earlier publications by the editor’s intuition.

Keywords: “The Periplus of the Erythraean Sea”, critical editions, manuscripts, palaeography.

«Перипл Эритрейского моря» (40–70 гг. н. э.) — уникальный в своем роде источник. Дело даже не столько в том, что данный перипл — единственный текст, содержащий важнейшую информацию по политической и экономической истории, различным аспектам исторической географии целого ряда регионов от Египта до совре-

* 119991, Москва, Ленинский просп., 32а, Институт всеобщей истории РАН; vdi@igh.ras.ru

менной Танзании и от Мероэ до Китая. Уникальность его состоит и в том, что, несмотря на многочисленные переиздания, более чем 200-летнюю традицию изучения, значительный объем информации в нем остается непонятым. «Перипл Эритрейского моря», с одной стороны, для издания очень привлекателен: текст сохранился всего в двух рукописях, объем его относительно небольшой, накоплен достаточно солидный опыт интерпретации. С другой стороны, слишком широкий географический разброс информации, необходимость оперировать данными совершенно неродственных традиций, «корявый» язык автора, скудость рукописной традиции и отсутствие аналогичных источников делают работу с «Периплом Эритрейского моря» в высшей степени затруднительной. Некоторые вопросы, касающиеся исследования «Перипла», в частности, датировка текста, уже подробно рассматривались ранее [Бухарин, 2007, с. 201–247]. Другие, базовые, и, казалось бы, элементарные вопросы длительное время не могут найти своего разрешения.

В предыдущем издании «Перипла Эритрейского моря» [Бухарин, 2007, с. 19–28] проводился обзор его изданий и переводов, в том числе фрагментарных. За прошедшее время удалось уточнить или полностью пересмотреть ряд точек зрения, и обращение к данному сюжету выглядит вполне оправданным.

В 1533 г. в Базеле было напечатано издание «Малых греческих географов», подготовленное чешским гуманистом — философом и филологом Сигизмундом Гелен(иус)ом (Zikmund Jelensky, 1497–1554) [Gelenius, 1533]. В числе прочих текстов на страницах 16–38 был впервые издан и греческий текст «Перипла Эритрейского моря» (ΑΡΡΙΑΝΟΥ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ τῆς ἐρυθρᾶς θαλάσσης). Он был аккуратно воспроизведен по Палатинскому кодексу без перевода и комментариев. Это издание давно уже стало исключительным раритетом; во всяком случае, оно отсутствует даже в «Общенемецком библиотечном каталоге» (www.gbv.de); оно в наличии в Национальной библиотеке Франции. Ссылка на него дана во «Введении к знакомству с редкими и ценными изданиями греческой и латинской классики» члена Руанской и Утрехтской академий Томаса Фрогнелла Дибдина [Dibdin, 1827, vol. I, p. 330–331]¹. Там же приведена совсем краткая характеристика этого издания: “The text is very corrupt and imperfect, as Stuckius has observed in his Latin version of this author:

¹ См. также описание этого издания [Fabricius, 1883, p. 1].

Genev. 1577”. Далее следует чуть более пространная характеристика достоинств работы Й. Штука. Однако еще до выхода данного издания «Перипл Эритрейского моря» был переведен на итальянский язык.

В 1550 г. «Перипл Эритрейского моря», вероятно, с издания Гелена, был впервые переведен — на итальянский язык — венецианским гуманистом, дипломатом, политиком Джованни Батистой Рамузио (Rhamnusius, 1485–1557) в первом томе его «Плаваний и путешествий» [Ramusio, 1550, p. 305–310]. В нем помещается выполненное без разбивки на параграфы издание “*Navigazione dal mar Rosso sino all’Indie orientali, scritta per il medesimo Arriano in lingua greca, et di quella poi tradotta nella Italiana*”. Переводу предшествует небольшое предисловие “*Discorso del Ramusio sopra la navigatione dal mar Rossosino all’Indie orientali, scritta per Arriano*” [Ramusio, 1550, p. 281A–283B]. Интересно, что ни на титульном листе, ни в содержании личность переводчика и издателя не указывается. Не подписано даже посвящение.

В нем на основе стилистических особенностей языка он высказал сомнения в авторстве Флавия Арриана и определил, что в сравнении с современными ему географическими представлениями текст «Перипла» более точен, чем, например, «Введение в географию» Клавдия Птолемея.

Второе издание первого тома «Плаваний и путешествий» Рамузио 1554 г. отличается от первого. Как утверждает автор в самой заглавии, он внес поправки в разные фрагменты своей книги: “*Prima Volume, & e Seconda Editione delle Navigationi et Viaggi in molti luoghi correcta, et ampliata nella quale si contengono La descriptione dell’Africa... Aggiuntovi di nouo...*”. И далее следовал список сочинений авторов, современных Рамузио, сочинения которых были включены в этот том. Под тем же названием что и в первом издании, с тем же предисловием, на стр. 314v–319r был опубликован тот же перевод «Перипла Эритрейского моря».

Третье издание первого тома «Плаваний и путешествий» вышло в 1563 г. [Ramusio, 1563, p. 283B–287F] Оно не было тождественно второму, соответственно перевод «Перипла» разместился на других страницах — 281B–287F. В этом издании посвящение “*All Eccelentis. M. Hieronimo fracastoro*” подписано: Gio Battista Ramusio. Таким образом, «завеса тайны» над личностью издателя и переводчика приоткрывалась почти сразу.

Четвертое издание — “*Primo volume, & Quarta editione...*”, изданное в 1588 г. [Ramusio, 1588, p. 283B–287F], в точности воспроизводило

третье и «Перипл» сохранил те же номера страниц, что и в третьем издании.

Интерес к трудам и личности Дж. Б. Рамузио в науке сохраняется, и относительно недавно его сочинения, в том числе и перевод «Перипла Эритрейского моря», были переизданы [Ramusio, 1979, p. 515–536].

В 1577 г. греческий текст «Перипла», несколько исправленный в сравнении с изданием Гелена, с параллельным латинским переводом и пространными комментариями был издан Йоханом Вильгельмом Штук(иус)ом (1521–1607) [Stuckius, 1577]. Издание не имеет сквозной пагинации. Его открывает издание «Перипла Понта Эвксинского», за которыми следуют схолии самого Штука. На полях проставлены «ключевые слова», позволяющие ориентироваться в тексте. В этой части книги страницы имеют современную пагинацию. Затем следует издание «Перипла Эритрейского моря», которое уже лишено пагинации вовсе. Комментарии, которыми Штук снабдил свое издание, нельзя назвать таковыми в собственном смысле этого слова. Скорее, это бессистемные замечания к тексту. Тем не менее на первой странице второго тома он также высказал сомнения в том, что «Перипл Эритрейского моря» принадлежит Флавию Арриану. В тексте же комментариев и даже на обложке он оставил имя Арриана в качестве автора этого сочинения. Комментарии Штука весьма объемны — 109 страниц (здесь страницы снова нумерованы). Их, безусловно, следует признать первым научным трудом, посвященным «Периплу Эритрейского моря». Текст «Перипла» по изданию Штука использовался в науке вплоть до середины XIX в.

В 1683 г. греческий текст «Перипла» и перевод Штука были переизданы Николаасом Бланкардом (1625–1703) [Blancard, 1683, p. 143–179]. Публикация предваряется двумя заголовками, расположенными на соседних, не пронумерованных, страницах: “ΑΡΡΙΑΝΟΥ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ. ARRIANI PERIPLUS MARIS ERYTHRAEI. Ex recensione NICOLAI BLANCARDI BELGAE Laeidensis ET Interpretatione IOANNIS GUL. STUCKII Tigurini. Accedit tabula chronographica emendata”, и следующим, из которого явствует, что текст был подготовлен за три года до его выход в свет: «VIRO NOBILI ET ILLUSTR. RUCKLOF A. GOENS. INDIAE ASIATICAE QUAE INDITIONE FOEDERATORUM BELGARUM GUBERNATORI PIO FELICI EXCELLENTISSIMO ETC. NICOLAUS S. F. N. N. S. P.

BLANCARDUS LEIDENSIS ILLUSTRIMORUM COMITATUS ZELANDIAE ORDINUM HISTORICUS HISTORIAE AC LITERATURAE GRAECAE PROFESSOR H. T. UNIVERSITATIS FRISIORUM RECTOR MAGNIFICUS ETC. ARRIANI PERIPLUM MARIS ERYTHRAEI DICABAT FRANEKERNAE EX ARCE SIARDAEA. ANNO CHRISTI MDCLXXX. CALENDIS MARTIIS». Страницы 143–179 занимает издание «Перипла».

В 1698 г. появилось четырехтомное издание сочинений «Малых греческих географов», подготовленное Джоном Хадсоном (1662–1719) [Hudson, 1698]. Каждое сочинение, воспроизведенное им, имеет собственную пагинацию, поэтому обозначить страницы, на которых в первом томе опубликован текст «Перипла», невозможно. Как сообщает сам Хадсон, в первом томе он воспроизвел текст и перевод в редакции Й. Штука: на титульном листе значится примечание: “Interprete Jo. Guilielmo Stuckio Tigurino”.

Текст «Перипла» в редакции Хадсона, фатически — в редакции Штука, с переводом примечаний был переиздан Деметриодисом Александридесом в Вене 1807 г. [Alexandrides, 1807, S. 295–333.] Он же был издан среди прочих работ Арриана Августом Христианом Борекком (1751–1816) двумя годами позже [Borheck, 1809, S. 91–122].

Трехтомное исследование по истории навигации в древности Уильяма Винсента (1739–1815) с английским переводом и греческим текстом «Перипла», включенными в его третий том [Vincent, 1809, p. 71–111], вдохновленное современной автору британской экспансией в Индию, воспроизводит все те же ошибки, что имеют место в издании Дж. Хадсона, и выполненных по нему. Исторические комментарии тем не менее содержат довольно много оригинального, интересны также примечания географического характера. В 1774 г. Винсент даже организовал небольшую эскадру для исследования условий навигации между устьем Инда и Персидским заливом.

Не имеет самостоятельной ценности итальянский перевод «Перипла», выполненный Спиридоном Бланди (как указано в заглавии, “volgarizzato”) во втором томе издания трудов Арриана [Blandi, 1827, p. 63–91], так как он не основан на исследовании рукописной традиции.

В примечаниях к переводу «Перипл», изданному в 1940 г. в «Вестнике древней истории» С. П. Кондратьев указал, что первый русский перевод «Перипла Эритрейского моря», выполненный Андреем Яковлевичем Фабром, вышел в 1836 г. в Одессе [Кондратьев, 1940, с. 264]. Однако ничего кроме издания и перевода «Перипла понта

Эвксинского», подготовленного А. Я. Фабром [Фабр, 1836], обнаружить не удалось².

Издания «Перипла» Генриха Теодора Дитриха (*alias* Бернанд Фабрициус), как более раннее — представившее только греческий текст «Перипла» вместе с периплом Скилака и двумя публичными лекциями, посвященными Карлу Юсту Блохманну и рукописям «Малых греческих географов», так и более позднее (текст оригинала и немецкий перевод)³, и Карла Мюллера (греческий текст с латинским переводом) [Müller, 1855, S. 257–305], долгое время считались эталонными и являлись базовыми при обращении к тексту «Перипла». Б. Фабрициус называл издание «Перипла» К. Мюллера «эпохальной работой» [Fabricius, 1883, S. 18]. Тем не менее он составил внушительный список ошибок, обнаруженных им в издании Мюллера [Fabricius, 1883, S. 32–35]. В первом издании Фабрициус следовал рукописной пагинации; Мюллер был первым, кто разделил текст «Перипла» на параграфы, и это деление сохранилось до сих пор. Во втором, более позднем издании «Перипла», Фабрициус следовал уже делению текста, предложенному Мюллером. Интересны оценки работы Фабрициуса, данные Э. Глазером («То, что в этой книге приведен прекрасный немецкий перевод, нисколько не вредит ее научной ценности. Это повышает необходимость книги... Стыдно, что не все древние свидетельства переведены на хороший немецкий!» [Glaser, 1890, Bd. I, S. 164]) и В. Х. Шоффом (текст Фабрициуса «был выправлен с исключительным тщанием ... и не оставляет надежды на дальнейшее исправление» [Schoff, 1912, S. 6]).

Последующие исследования показали, что «легкий и элегантный» стиль трактовки текста имеет минимальную ценность (чуть большую — перевод, индексы и примечания историко-географического характера). Детальный анализ Х. Фриска выявил, что они «не отвечают требованиям современного издания, в особенности это относится к тому, что эти ученые весьма посредственно владеют постклассическим греческим» [Frisk, 1927, 25]. Следует отметить, что в самом издании Мюллера невозможно различить чтения манускрипта и исправления, внесенные самим издателем. Лишь кое-где они оговариваются

² См. рецензию [Кирьяков, 1837, с. 430–439].

³ [Fabricius, 1849] (греческий текст «Перипла» занимает 31 страницу; каждая из работ, помещенных в этой книге, имеет собственную нумерацию страниц); [Fabricius, 1883, S. 36–113].

в примечаниях. Издания К. Мюллера⁴ и Б. Фабрициуса⁵ страдают и еще одним недостатком: рукописи считаны неудовлетворительно для того, чтобы в должной мере восстановить начальный текст [Frisk, 1927, S. 26–37].

Немецкий перевод первых 38 параграфов (вплоть до 38: 12. 27) «Перипла» Э. Штрёйбеля, сопровождаемый пересказом остальных [Streubel, 1861, S. 7–28]⁶, с небольшим введением, основанный только на изданиях Й. В. Штука и Дж. Хадсона, плох, а комментарии крайне неудачны, и, по мнению Б. Фабрициуса, даже комичны: для него не существует ни работ К. Риттера, ни У. А. Шванбека, ни Х. Лассена [Fabricius, 1883, S. 20]. Разбивка текста «Перипла», использованная Штрёйбелем, весьма произвольна: деление на главы местами проходит по середине еще до этого издания установленных параграфов, поэтому указание на полный перевод первых девяти глав⁷, данное в заглавии этой публикации, не должно вводить в заблуждение. Перевод текста доведен до начала повествования об Индии. Комична странная нелюбовь Штрёйбеля к этому региону: из остальных параграфов то, что не относится к Индии (§ 47 — Средняя Азия; § 65–66 — Дальний Восток), также переведено полностью. Резкую оценку, данную этому изданию Б. Фабрициусом, могут оправдать следующие примеры: «Перипл» упоминает «ἡ βαρβαρικῆ χώρα» (2: 1. 6–7); Штрёйбель воспроизводит это место как «ἡ Τισσηβαρικῆ χώρα» (точно по кодексу А), предлагая довольно длинный комментарий (с. 9–10, примеч. 5), в котором отвергает исправление на «ἡ γῆ ἀραβικῆ» и стремится возвести этот топоним к городу Τίσις, упомянутому Стефаном Византийским в сочинении

⁴ См. рецензии: [Osann, 1855, S. 67–88; Osann, 1856, S. 163–178; d’Avezac de Castery-Масауа, 1856].

⁵ См. рецензии на работу Б. Фабрициуса: [Berger, 1883, S. 1074–1075] (рецензент также отмечает замечательную ясность перевода); [Partsch, 1883, S. 1435–1437] (выделены высокое качество перевода, необходимость определенной правки текста «Перипла», но при этом рецензент согласен далеко не со всеми исправлениями, внесенными Фабрициусом); [Schmidt, 1883, S. 1443–1447; Löw, 1884, S. 94–95; Mordtmann, 1884, S. 60–63; Tomaschek, 1885, S. 596–598; Neumann, 1886, S. 213–220 (при том, что саму рецензию можно назвать неблагоприятной, рецензент также выделяет высокое качество перевода: Neumann, 1886, S. 214)].

⁶ Копию этого издания мне удалось получить благодаря любезному содействию Ханса-Мартина Модерова (Лейпцигский университет), обнаружившего его в Берлинской муниципальной библиотеке.

⁷ Всего их двенадцать и объединяют они следующие параграфы: 1–3; 4–6; 7–11; 12–18; 19–25; 26–28; 29–31; 32–34; 35–36; 37–40; 41–49; 50–66.

«О городах». Это чтение воспроизводит лишь более ранние варианты, предложенные, например, С. Бланди [Blandi, 1827, p. 63]. Далее «Перипл» упоминает «ἀλλὰ ἐμπόρια Βαρβαρικὰ τὰ πέραν λεγόμενα» (7: 3. 10–11). Штрёйбель видит в этом упоминание о городе Тапара, однако попытки внятно прокомментировать этот фрагмент также оказались бесплодны.

Перевод «Перипла» директора Колледжа Патны, сотрудника Калькуттского и Эдинбургского университетов Джона Уотсона МакКриндла (1825–1913) [McCrinkle, 1879a, p. 107–151]⁸ был сделан с издания греческого текста К. Мюллера, введение практически полностью повторяет латинский текст аналогичного раздела в издании Мюллера и самостоятельной ценности не имеет. В переводе тем не менее воспроизведены многие ошибки В. Винсента, Мюллером исправленные. Отдельное издание «Перипла» сопровождается обширным сорокастраничным введением.

С 1910 года некоторые фрагменты «Перипла» переводились и на французский язык: параграфы 60–66 были воспроизведены по изданию Б. Фабрициуса Жаном Сёдэсом [Cœdès, 1910, p. 22–26]; свой (и весьма удачный) перевод § 65 представил Бертольд Лауфер [Laufer, 1918, p. 7–8]; § 57 был переведен Этьеном Ламоттом [Lamotte, 1953, p. 104], другая часть текста «Перипла» (§ 21–23) — Жаклин Пиренн [Pirenne, 1961, p. 168–172].

Перевод «Перипла», выполненный Вилфридом Харвеем Шоффом (1874–1932) — в ту пору секретарем Филадельфийского торгового музея [Schoff, 1912], переизданный в Дели в 1974, 1995 и 2000 гг., до сих пор активно используется при исследовании связей Индии и античного мира⁹. Хотя издания текста «Перипла», которыми он пользовался, не отвечали требованиям текстологической критики (на этом, в частности, акцентировал внимание в рецензии Дж. Ф. Флит [Fleet, 1912, 783–784]), обширные примечания

⁸ В том же году эта работа вышла отдельным изданием [McCrinkle, 1879b].

⁹ См. рецензии: [Breasted, 1912, p. 118–120; Randall-MacIver, 1912, p. 224–225; Fleet, 1912, p. 783–793]. В 1960 г. Р. Ч. Маджумдар переиздал перевод «Перипла», выполненный Дж. У. МакКриндлом, с указанием поправок, внесенных В. Х. Шоффом [Majumdar, 1960, p. 288–309]. На основе этих двух изданий, работы Х. Дж. Роулинсона [Rawlinson, 1916] составлены весьма краткие примечания. Перевод параграфов 19–36 «Перипла» с незначительными исправлениями А. Ф. Л. Бистона был издан Найджелом Грумом [Groom, 1981, p. 90–94]. Исправления не носят принципиального характера.

к переводу делают эту работу незаменимой при обсуждении самого широкого круга проблем, связанных с историей международных отношений в эпоху ранней Римской империи, античной навигации и торговли.

Вплоть до издания шведского филолога Хьяльмара Фриска [Frisk, 1927, p. 1–22]¹⁰ текст «Перипла Эритрейского моря» ни разу не был объектом серьезного изучения с точки зрения классической филологии. Необходимо принять во внимание, что сами рукописи находятся в довольно плохом состоянии. Очевидно, что, прежде чем приступить к их переводу и трактовке самого текста, необходимо провести определенную работу по восстановлению оригинального чтения не в соответствии с нормами языка Ксенофонта, а произведений, современных автору «Перипла» (этим, в частности, объясняется важность установления точной даты написания «Перипла»), как литературных, так и не претендующих на какие-либо литературные достоинства. Такая работа, занявшая четыре года, на основе самого тщательного анализа обоих сохранившихся манускриптов «Малых греческих географов», впервые и была проведена Х. Фриском, чье исследование и по сей день остается «настойной книгой» для всех, кто берется за изучение «Перипла»¹¹. С его издания ведет свою историю деление текста «Перипла» не только на параграфы, но и на листы и строки. К недостаткам его издания можно отнести то, что Фриск практически не использовал рукопись из Британского музея и совершенно упустил из виду пометки на полях обеих рукописей.

Перевод «Перипла», выполненный С. П. Кондратьевым [Кондратьев, 1940, с. 264–281]¹², не может быть признан удовлетворительным. В тексте используются совершенно неприменимые к древности понятия, например, «неваляные гиматии» или «персидские шубы». Присутствуют такие стилистические «оплошности», как «рынки, называемые потусторонними» [Кондратьев, 1940, с. 266]; количество контекстов, трактовка которых, представленная переводчиком, не может быть принята (хотя перевод «Перипла» был сделан с изданий Б. Фабрициуса

¹⁰ См. рецензии: [Schmidt, 1928, p. 788–795; Roos, 1932, p. 502–505].

¹¹ Работу Х. Фриска А. Г. Роос справедливо называет „erschöpfend und gewissenhaft“ [Roos, 1932, S. 503].

¹² Указание на то, что автором перевода был именно С. П. Кондратьев, удалось обнаружить только в примечаниях в книге Н. В. Пигулевской [Пигулевская, 1951, с. 173–175].

и Х. Фриска), столь велико, что можно ограничиться двумя наиболее показательными примерами. Так, в тексте «Перипла» описывается территория, лежащая возле залива Баригаз, которая характеризуется как «начало царства Манбана» — «Μανβάνου βασιλείας ἀρχή» (41: 14. 1–2). Никаких разночтений рукописи не дают. В переводе С. П. Кондратьева тем не менее появляется неизвестный исторический деятель по имени «Санабар»: «...начало Санабарского царства» [Кондратьев, 1940, с. 275]¹³. Или: трактовка § 57 имеет исключительное значения для рассмотрения истории мореплавания в регионе от Средиземноморья до Индии. В тексте «Перипла» говорится: «...οἱ μὲν <πρότεροι> μικρότεροις πλοίοις περικολλίζοντες ἔπλεον» (57: 19. 1–2). С. П. Кондратьев переводит эту фразу следующим образом: («Все это ... плавание от Каны до Счастливой Аравии) прежние {купцы} совершали более короткими переездами, от залива к заливу» [Кондратьев, 1940, с. 279]. В данном случае ошибка переводчика, смешавшего πλοῖος (корабль) и πλοῦς (плавание) имеет уже принципиальное значение. Таких примеров можно привести довольно много.

Перевод первых восемнадцати параграфов «Перипла», повествующих об Африке, был выполнен Г. М. Бауэром и опубликован в 1979 г. [Бауэр, 1979, S. 92–99 (комментарии: с. 99–102)]¹⁴. Нельзя сказать, что этот перевод значительно лучше перевода С. П. Кондратьева, трактовка многих мест осталась весьма спорной. Хотя в нем отсутствуют стилистические вольности и фантазии, свойственные предшествующей русскоязычной версии, перевод не свободен от досказанных за автора фраз. Так, например, предложение «Μετὰ δὲ αὐτὸν εἰσπλέοντων ἀπὸ χιλίων ὀκτακοσίων σταδίων ἐν δεξιᾷ ἡ Βερνίκη» (1: 1. 2–4) Г. М. Бауэр переводит следующим образом: «После него, для тех, что плывет далее направо, в 1800 стадиях идет Берника», ставя ἐν δεξιᾷ в связь с εἰσπλέοντων, а не с Βερνίκη, как следует. Стремление обосновать такую «корявую» интерпретацию вызывает еще более сомнительный комментарий: плыть направо означает плыть на юг, т. е. направо по отношению к стоящему на пристани лицом к морю [Бауэр, 1979, с. 100 (прим. 3)]; καταγόμενα πλοῖα (4: 2. 1) он трактует как «тяжелогруженные суда» вместо «прибывающие», λίβανος

¹³ Вполне возможно, что в данном случае С. П. Кондратьев имел в виду восточно-парфянского правителя Санабара, время правления которого приходилось на третью четверть I в. н. э. (о нем см.: [Массон, 1957, с. 37]). Но какое он имеет отношение к «Периплу», остается невыясненным.

¹⁴ В 1990 г. перевод и комментарии были переизданы [Бауэр, 1990].

ὁ πєратικὸς (10: 4. 12, 18) — «потусторонний ладан»¹⁵ и т. д. Несмотря на краткость комментариев, вызванную, вероятно, жесткими рамками публикации, они представляют обширную информацию по географии Африки, в особенности по идентификации тех или иных топонимов, упомянутых в «Перипле». В 1981 г. главы 16–32 Г. М. Бауэр пересказал в сочетании с небольшими переведенными фрагментами. Это издание снабжено небезынтересными комментариями [Бауэр, 1981, с. 64–72].

Следующий по времени перевод был выполнен Джорджем Уинном Брередоном Хантингфордом. Он готовился в течение 58 (!) лет: с 1920 г. — времени первого визита автора в Восточную Африку — почти до самой его смерти в 1978 г. [Huntingford, 1980, p. 19–57]¹⁶. Сама книга до печати была доведена Чарльзом Бекенгхемом с небольшими исправлениями, внесенными Дж. Джангранде. По качеству она уступает изданию В. Х. Шоффа, хотя в распоряжении переводчика имелось издание Х. Фриска (фотокопия). Дж. У. Б. Хантингфорд — служащий британской колониальной администрации в Кении — типичный пример ученого-администратора. Уволившись с дипломатической службы, он продолжил научную деятельность в «Школе восточных и африканских исследований» в Лондоне. Последние годы своей жизни Дж. У. Б. Хантингфорд прожил в Малаге, в стороне от активной научной деятельности. От его внимания ускользнули не только многие статьи Херманна фон Виссмана, касающиеся исторической географии Аравии в отражении античных авторов, но даже такие капитальные труды, как «Новые исследования по торговле Рима с Востоком» Манфреда Рашке (он, правда, вышел всего за год до кончины Хантингфорда). В переводе и комментариях довольно много неясностей и ошибок. Вполне можно согласиться с оценкой этой работе, данной Альфредом Бистоном: «Перевод ... должен быть пересмотрен. Работа неавторитетна и пользоваться ей нужно с осторожностью... В общем, это совершенно разочаровывающее исследование. Создается впечатление, что Хантингфорд сконцентрировался на живописных деталях “Перипла” и не обратил серьезного

¹⁵ Явно вслед за Кондратьевым. В данном случае проявилась не стилистическая неуклюжесть, а стремление перевести непростое для односложной трактовки выражение наиболее остроумно. Хотя опыт С. П. Кондратьева в использовании этого слова нельзя признать удачным.

¹⁶ См. рецензии: [Beeston, 1981, p. 353–358; Kirwan, 1981, p. 80–85; Gray, 1981, p. 275–278].

внимания на географическую составляющую работы» [Beeston, 1981, p. 353, 358]¹⁷. Пространные комментарии на географические, исторические и этнографические сюжеты основаны, как правило, на материалах Дж. У. МакКриндла и В. Х. Шоффа. К сожалению, в них почти всегда отсутствуют ссылки на то, откуда они были почерпнуты, и их соответствие тому или иному источнику устанавливается только при сопоставлении всех вышедших ранее работ.

Лучшее на настоящий момент издание греческого текста «Перипла» и его перевод выполнены крупным специалистом по античной географии и мореплаванию, историком и филологом Лайонелом Кассоном [Casson, 1989, p. 50–93]¹⁸. На основе самого тщательного анализа рукописей «Малых греческих географов» Л. Кассон внес 36 исправлений в текст Х. Фриска, как правило, убирая неоправданные исправления (исправления в его издании перечислены отдельным списком на с. 49). Нельзя сказать, что на этом редакторская работа прекращена¹⁹, однако работа Л. Кассона делает греческий текст «Перипла» наиболее правдоподобным из всех имеющихся изданий. С другой стороны, и текст, представленный в издании Кассона, не свободен от ошибок (или опечаток), например: καί вместо καί (63: 21. 5); μέν вместо μέν (65: 22. 3).

Введение охватывает практически все проблемы, касающиеся «Перипла»: «Текст и автор: текст, дата, автор и его работа» (очень кратко); «Торговля в Индийском океане: контекст, между Александрией и Красным морем, пути и предметы торговли, торговля металлами, обмен и продажа, торговцы, торговцы: Африка против Индии, римская экономическая политика, природа предметов торговли»; «Политическая география». Сам греческий текст и перевод на английский язык сопровождаются подробными комментариями: «Общим»,

¹⁷ Негативная оценка, данная этому изданию, была воспроизведена и позднее [Beeston, 1990, p. 127]. См. также рецензию Н. Читтика, написанную скорее в извинительном тоне в защиту влюбленного в Восточную Африку человека, но не в оправдание невежи-дельца от науки, как можно прочесть между строк в рецензии Бистона [Chittick, 1981, p. 185–188].

¹⁸ См. рецензии [Beeston, 1990, p. 127–131; Freeman-Grenville, 1990, p. 126–127; Rougé, 1990, p. 265–269].

¹⁹ Издание Кассона, как и предыдущие, не приводит вариантов чтений, оставленных на полях обеих рукописей. Как отметил А. Ф. Л. Бистон, критический аппарат, составленный Х. Фриском, был оставлен без изменений [Beeston, 1990, p. 127]. См. также предложения Ф. де Романиса по исправлению §57 [Romanis, 1997, p. 681–682].

«Текстологическим, лексикографическим и грамматическим», а также пятью приложениями: «Гавани и порты», «Расстояния», «Путешествия в Африку, Аравию и Индию», «Термины для ткани и одежды», «Западное побережье Индии: от Бомбея до мыса Кумари». Подробный общий индекс и индекс цитат значительно облегчают работу с источником.

Следует отметить, что качество комментариев к фрагментам «Перипла», относящимся к различным областям, неодинаковое. Кассон явно значительно лучше ориентируется в истории и географии Африки и Аравии. Менее глубоки его знания в индологии. Следует указать и на то, что далеко не всегда Кассон ссылается на своих предшественников (В. Х. Шоффа и Э. Х. Уормингтона) в вопросах идентификации и локализации там, где их мнения совпадают, но всегда отмечает разницу там, где точки зрения расходятся. Создается впечатление, что текст «Индийских древностей» классика индологии XIX столетия Христиана Лассена, отнюдь не бесполезный и ныне, знаком Кассону только по ссылкам в других работах. Еще одним недостатком его издания может быть признано отсутствие столь же подробного, как и история торговли, анализа датировки «Перипла» и хотя бы краткой истории его изданий. Для публикации такого уровня, в которой обобщено практически все (по крайней мере, предпринята попытка), одна страница, уделенная вопросу о датировке, — явно недостаточно.

Перевод частей «Перипла», относящихся к Аравии, предпринятый Е. А. Рунковой [Рункова, 1995, с. 128–133], нельзя назвать удачной. Этот перевод содержит принципиальные неточности, очевидные даже незнакомому с греческим текстом читателю. Параграф 19 переведен следующим образом: «Налево от Береники к Миос Гормос, в двух или трех переходах к востоку, находится в заливе другая гавань и укрепленное место, так называемое Левке Коме». Трудно представить, как можно плыть налево от Береники к Миос Гормос на восток, да еще так, чтобы приплыть к Левке Коме, тогда как Миос Гормос расположен к северу от Береники. Да и в тексте ясно сказано: «ἀλὸ Μιοῦς ὄριον», т. е. речь в данном фрагменте идет о плавании от Миос Гормос, а не к нему.

В 2007 г. вышло издание греческого текста «Перипла Эритрейского моря», перевод и ряд исследований, касающихся самого текста (в частности, его датировка) и истории навигации в бассейне Красного и Аравийского морей [Бухарин, 2007]. В основу было положено издание Л. Кассона, в которое было внесено несколько исправлений.

Следует также отметить перевод нескольких фрагментов «Перипла», относящихся к описанию Южной Аравии, выполненный Э. Кювиньи [Cuvigny, 2010, p. 430–434]. Перевод небесспорный, однако богатый исследовательский опыт переводчика дает возможность в дискуссии уточнить ряд положений по истории Южной Аравии.

**Издания и переводы «Перипла Эритрейского моря»
XVI – начала XIX в.**

Alexandrides 1807 — ΣΥΛΛΟΓΗΣ ΤΩΝ ΕΝ ΕΠΙΤΟΜΗ ΤΟΙΣ ΠΑΛΑΙ ΓΕΟΓΡΑΦΘΕΝΤΩΝ τύποις έκδοθέντων φιλοτίμῳ δαπανη τῶν ἐξ Ἰωαννίνων φιλογενεστάτων ἀδελφῶν ΖΩΣΙΜΑΛΩΝ χάριν τῶν τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας ἐφιεμένων Ἑλλήνων. Τομος πρῶτος. ΕΝ ΒΙΕΝΝΗ ΤΗΣ ΑΥΣΤΡΙΑΣ ΕΚ ΤΗΣ ΣΧΡΑΙΜΒΛΙΚΗΣ ΤΥΠΟΓΡΑΦΙΑΣ. αῶς (1807). P. 295–333.

Blancard 1683 — ΑΡΡΙΑΝΟΥ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ = ARRIANI PERIPLUS MARIS ERYTHRAEI. Ex recensione NICOLAI BLANCARDI BELGAE Laeidensis ET Interpretatione IOANNIS GUL. STUCKII Tigurini. Accedit tabula chronographica emendata // FLAVIANUS ARRIANUS. ΑΡΡΙΑΝΟΥ ΤΗΧΝΗ ΤΑΚΤΙΚΗ, ΕΚΤΑΞΙΣ ΚΑΤ ΑΛΑΝΩΝ; ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΠΟΝΤΟΥ ΕΥΞΕΙΝΟΥ, ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ, ΚΥΝΗΓΕΤΙΚΟΣ, ΕΠΙΚΤΗΤΟΥ ΕΓΧΕΙΡΙΔΙΟΝ, ΤΟΥ ΑΥΤΟΥ ΑΠΟΦΘΕΓΜΑΤΑ ΚΑΙ ΑΠΟΣΠΑΣΜΑΤΙΑ, Α ΕΝ ΤΩ ΙΩΑΝΝΟΥ ΣΤΟΒΑΙΟΥ ΑΝΘΟΛΟΓΙΩ ΚΑΙ ΕΝ ΤΑΙΣ ΑΓΕΛΛΙΟΥ ΑΓΡΥΠΠΙΑΙΣ ΑΤΤΙΚΑΙΣ ΣΩΖΟΜΕΝΑ = ARRIANI ARS TACTICA, ACIES CONTRA ALANOS, PERIPLUS PONTI EUXINI, PERIPLUS MARIS ERYTHRAEI, LIBER DE VENATIONE, EPICETI ENCHIRIDION, EIVSDEM APOPHTEGMATA ET FRAGMENTA, QVAE IN IOANNIS STOBAEI FLORILEGIO ET IN AGELLII NOCTIBUS ATTICIS SVPERSVNT. Cum Interpretibus Latinis & Notis. Ex Recensione & Museo NICOLAI BLANCARDI. AMSTELODAMI, JANSSONIO-WAESBERGII, 1683.

Blandi 1827 — Periplo del Mar Rosso / Volgarizzato da Spiridone Blandi // Collana degli antichi storici greci volgarizzati. Opere di Arriano Nicomediese. Tomo Secondo: Opuscoli. Milano, 1827. P. 63–91.

Borheck 1809 — Flavii Arriani Nicomediensis opera graece ad optimas editiones collata / Studio Augusti Christiani Borheck. Vol. II. Lemgoviae, 1809. S. 91–122.

Gelenius 1533 — ΑΡΡΙΑΝΟΥ ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΕΥΞΕΙΝΟΥ ΠΟΝΤΟΥ. ΤΟΥ ΑΥΤΟΥ περίπλους τῆς ἐρυθρᾶς θαλάσσης. ΑΝΝΩΝΟΣ περίπλους

λιβύης. ΠΛΟΥΤΑΡΧΟΥ περι ποταμῶν και ὄρῶν. ΕΠΙΤΟΜΗ τῶν Στράβωνος γεωγραφικῶν = ARRIANI HANNONIS periplus. PLVTARCHVS de fluminibus et montibus. STRABONIS epitome. *Signet mit*: FRO BEN. BASILEAE ANNO MDXXXIII. P. 16–38.

Hudson 1698 — *Hudson Jo.* APPIANOY ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ = ARRANI PERIPLUS MARIS ERYTHRAEI // Geographiae Veteris Scriptores Graeci Minores. Cum Interpretatione Latina, Dissertationibus, ac Annotationibus. Vol. I. Henrici Dodwelli ed Geographorum, quos Primum hoc Volumen continent, aetate & Scriptis Dissertationes. Oxoniae, 1698.

Müller 1855 — *Müller C.* ΑΝΩΝΥΜΟΥ [ΑΡΡΙΑΝΟΥ, ΩΣ ΦΕΡΕΤΑΙ] ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ = Anonymi [Arriani, ut fertur] Periplus Maris Erythraei // Geographi Graeci Minores. E codocibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus instuxit, tabulis aeri indicibus illustravit Carolus Mullerus. Vol. 1. Parisiis, 1855. P. 257–305.

Ramusio 1550 — Navigazione dal mar Rosso sino all'Indie orientali, scritta per il medesimo Arriano in lingua greca, et di quella poi tradotta nella Italiana // Primo volume. Delle Navigazioni et Viaggi nel quasi si contiene la Descrizione dell'Africa, & del paese del Prete Ianni, con uarii uiaggi, dal mar Rosso à Calicut, & insin all'isole Molucche, doue nascono le Spetierie, et la Navigazione attorno il Mondo. Le nomi degli auttori, et le navigazioni, et i viaggi piu particolarmente si mostrano nel foglio segvente. Con privilegio del Sommo Pontefice & dello Illustriss. Senato Veneto. In Venetia, Appresso Gli Heredi Lucantonio Giunti. L'Anno M D L. P. 305–310.

Ramusio 1563 — Navigazione dal mar Rosso fino all'Indie orientali, scritta per il medesimo Arriano, & tradotta per il Ramisio, della lingua greca nella Toscana // Primo volume & terza editione. Delle Navigazioni et Viaggi raccolta da Gio. Batt. Ramusio, & con molti & vaghi discorsi, da lui in molti luoghi dichiarato, & illustrato. Nel quale si contengono la Descrizione dell'Africa, & del paese del Prete Ianni, con varij viaggi, dalla Città di Lisbona, & dal mar Rosso infino à Calicut, & all'isole Molucche, doue nascono le Spetierie, et la Navigazione attorno il Mondo. Con la Relatione dell'isola Giapan, scoperta nella parte del Settentrione: Et alcuni capitoli appartenenti alla Geographia, estratti dell'Historia del S. Gio. De Barros Portuguese. Con Tre Tavole di geografia in desegno, che hanno le marine, secondo le carte da navigare de Portuguesei, & fra terra, secondo gli scrittori, che hanno descritto li detti viaggi. Con due indici, l'unno delli nomi de gli auttori, che descrivono le dette navigatio-

ni, & viaggi: l'altro delle cose piu notabili de geografia, de costumi de popoli, delle spezierie, & d'altro che in esso volume si contengono. Con privilegio del Sommo Pontefice & dello Illustriss. Senato Veneto. In Venetia, Nella Stamperia de Giun, L'Anno M D L XIII. P. 283B–287F.

Ramusio 1588 — Navigatione dal mar Rosso fino all'Indie orientali, scritta per il medesimo Arriano, & tradotta per il Ramisio, della lingua greca nella Toscana // Primo volume & quarta editione. Delle Navigazioni et Viaggi raccolta da Gio. Batt. Ramusio, & con molti & vaghi discorsi, da lui in molti luoghi dichiarato, & illustrato. Nel quale si contengono la Descrizione dell'Africa, & del paese del Prete Ianni, con varij viaggi, dalla Città di Lisbona, & dal mar Rosso infino à Calicut, & all'isole Molucche, doue nascono le Spetierie, et la Navigatione attorno il Mondo. Con la Relatione dell'isola Giapan, scoperta nella parte del Settentrione: Et alcuni capitoli appartenenti alla Geographia, estratti dell'Historia del S. Gio. De Barros Portuguese. Con Tre Tavole di geografia in disegno, che hanno le marine, secondo le carte da navigare de Portughesi, & fra terra, secondo gli scrittori, che hanno descritto li detti viaggi. Con due indici, l'unno delli nomi de gli auttori, che descrivono le dette navigationi, & viaggi: l'altro delle cose piu notabili de geografia, de costumi de popoli, delle spezierie, & d'altro che in esso volume si contengono. Con privilegio del Sommo Pontefice & dello Illustriss. Senato Veneto. In Venetia, Nella Stamperia de Giun, L'Anno M D L XXX V III. P. 283B–287F.

Vincent 1809 — *Arrian. The Voyage of Nearchus and the Periplus of the Erythraean Sea / Translated from the Greek by William Vincent, D. D., Dean of Westminster. Oxf., 1809.*

Библиография

- Бауэр Г. М.* (пер.) Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря» (§ 1–18) // История Африки: хрестоматия. М.: Наука, 1979. С. 92–102.
- Бауэр Г. М.* (пер.) «Перипл Эритрейского моря» // Аравия: материалы по истории открытия. М.: Наука, 1981. С. 64–72.
- Бауэр Г. М.* (пер.) Неизвестного автора «Перипл Эритрейского Моря» (§ 1–18) // История Африки в древних и средневековых источниках: хрестоматия. 2-е изд. испр. и доп. М.: Наука, 1990. С. 99–110.
- Бухарин М. Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб.: Алетейа, 2007. 437 с.
- Кирьяков М. М.* Рец.: Фабр А. Я. Арриана Перипл Понта Эвксинского, сличенный с греческим подлинником и поясненный многими примечаниями. Одесса, 1836 // ЖМНП. 1837. Вып. 13. С. 430–439.
- [*Кондратьев С. П.*] Античные писатели о древней Индии. Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // ВДИ. 1940. № 2. С. 264–281.

- Массон В. М.* Восточно-парфянский правитель Санабар // Труды Государственного Исторического музея. 1957. Вып. 26. С. 34–42.
- Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию: из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 170 с.
- Рункова Е. А.* (пер.) Перевод § 19–33 «Перипла Эритрейского моря» // Рункова Е. А. Южная Аравия. I в. до н. э. — III в. н. э. М.: ИВ РАН, 1995. С. 128–133.
- Фабр А. Я.* Арриана Перипл Понта Эвксинского, сличенный с греческим подлинником и поясненный многими примечаниями. Одесса: [б.и.], 1836. 49 с.
- d’Avezac de Castery-Macaya M. A. P.* Grands et petits géographes grecs et latins; esquisse bibliographique des collections qui ont été publiées, entreprises ou projetées; et revue critique du volume des petits géographes grecs par M. Charles Müller. P.: Bertrand, 1856. 154 p.
- Beeston A. F. L.* Rec.: Huntingford G. W. B. The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author. With Some Traces from Agatharkhides “On the Erythraean Sea”. L., 1980 // BSOAS. 1981. Vol. 44. P. 353–358.
- Beeston A. F. L.* Rec.: Casson L. The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton, 1989 // JRAS. 1990. P. 127–131.
- Berger E. H.* Rec.: Fabricius 1883 // LCBD. 1883. 31. 28 Juni. S. 1074–1075.
- Breasted E. H.* Rec.: Schoff W. H. The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century. N. Y., 1912 // AHR. 1912. 18. P. 118–120.
- Casson L.* The Periplus Maris Erythraei: Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton: Princeton University Press, 1989. XVII, 320 p.
- Chittick H. N.* The Periplus and the Spice. Rec.: Huntingford G. W. B. The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author. With Some Traces from Agatharkhides “On the Erythraean Sea”. L., 1980 // Azania. 1981. Vol. 16. P. 185–190.
- Cœdès G.* Textes d’auteurs grecs et latins relatifs à l’Extrême-Orient depuis le IVe siècle av. J.-C. jusqu’au XIVe siècle. P.: Ledoux, 1910 (Documents historiques et géographiques relatifs à l’Indochine. T. 1). 183 p.
- Cuvigny H.* Qāni’ chez les auteurs grecs et latins // Qāni’: Le port antique du Ḥaḍramawt entre la Méditerranée, l’Afrique et l’Inde. Fouilles russes. 1972, 1985–1989, 1991, 1993–1994 / Ed. J.-F. Salles et A. V. Sedov. Turnhout: Brepols, 2010 (Indikopleustoi: Archaeologies of the Indian Ocean; 6). P. 419–437.
- Dibdin T. F.* Introduction to the Knowledge of Rare and Valuable Editions of the Greek and Latin Classics. 4th ed. L.: Harding and Lepard, 1827. Vol. I–II.
- Fabricius B.* Arriani Alexandrini Periplus Maris Erythraei. Dresdae: H. M. Gottschalck, 1849. 31 p.
- Fabricius B.* Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Leipzig: Veit & Comp., 1883. 188 S.
- Fleet J. F.* Rec.: Schoff W. H. The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century. N. Y., 1912 // JRAS. 1912. Vol. 32/3. P. 783–793.

- Freeman-Grenville G. S. P.* Rev.: Casson L. *The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary.* Princeton, 1989 // BSOAS. 1990. Vol. 53/1. P. 126–127.
- Frisk H.* *Périple de la Mer Érythrée suivi d’une étude sur la tradition et langue.* Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag, 1927 (Göteborgs Högskolas Ersskrift; 33). VII, [1], 145 p.
- Glaser E.* *Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens von den ältesten Zeiten bis zum Propheten Muḥammad, nebst einem Anhang zur Beleuchtung der Geschichte Abessyniens im 3. und 4. Jahrh. n. Chr. Auf Grund der Inschriften, der Angaben der alten Autoren und der Bibel.* B.: Weidmann. 1890. Bd. I-II.
- Gray E. W.* *A Passage to India. Rec.: Huntingford G. W. B. The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author. With Some Traces from Agatharkhides “On the Erythraean Sea”.* L., 1980 // CR. 1981. Vol. 31/2. P. 275–278.
- Groom N.* *Frankincense and Myrrh. A Study of the Arabian Incense Trade.* L.; N. Y.: Longman Beirut Libr. du Liban, 1981. 285 p.
- Huntingford G. W. B.* *The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author. With Some Extracts from Agatharkhides “On the Erythraean Sea”.* L.: Hakluyt Soc., 1980 (Works Issued by the Hakluyt Society: Second Series; 151). XIV, 225 p.
- Kirwan L. P.* *A Roman Shipmaster’s Handbook. Rec.: Rec.: Huntingford G. W. B. The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author. With Some Traces from Agatharkhides “On the Erythraean Sea”.* L., 1980 // GJ. 1981. Vol. 147/1. P. 80–85.
- Lamotte É.* *Les premières relations entre l’Inde et l’Occident // Meilanges A. Carnoy.* Bruxelles: Secreariat de la Revue, 1953. (La nouvelle Clío; 5; Travaux de la société “Théogonie”; 3). P. 83–118.
- Lauffer B.* *Malabathron // JA. Sér. 11. 1918. Vol. 12. P. 5–49.*
- Löw I.* *Rec.: Fabricius B. Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten.* Leipzig, 1883 // OMO. 1884. Bd. 10/3. S. 94–95.
- Majumdar R. C.* *Classical Accounts of India. Being a Compilation of the English Translations of the Accounts Left by Herodotus, Megasthenes, Arrian, Strabo, Diodorus Siculus, Yustin, Plutarch, Frontinus, Nearchus, Appolonius, Pliny, Ptolemy, Aelian and Others, with Maps, Editorial Notes, Comments, Analysis and Introduction.* Calcutta: K. L. Mukhopadhyay, 1960. xxvi, 504 p., 3 leaves of plates: maps.
- McCrindle J. W.* *Anonymi (Arriani ut fertur) Periplus Maris Erythraei // Indian Antiquary.* 1879. Vol. 8. P. 107–151.
- McCrindle J. W.* *The Commerce and Navigation of the Erythraean Sea; Being a Translation of the Periplus Maris Erythraei, by an Anonymous Writer and of Arrian’s Account of the Voyage of Nearchos from the Mouth of the Indus to the Head of the Persian Gulf.* London; Bombay; Calcutta: Thacker, Spink, 1879. IV, 238 p
- Mordtmann J. H.* *Rec.: Fabricius B. Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten.* Leipzig, 1883 // LBOPh. 1884. Bd. 2. S. 60–63.

- Neumann K. J.* Rec.: Fabricius B. Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Leipzig, 1883 // PhA. 1886. Bd. 16. S. 213–220.
- Osann F. G.* Rec.: Geographi Graeci Minores. E codicibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus instuxit, tabulis aeri indicis illustravit Carolus Mullerus. Vol. 1. Parisiis, 1855 // ZAW. 1855. Bd. 13. № 67–69. S. 534–549; 1856. Bd. 14. № 9–11. S. 67–88, 163–178.
- Partsch J.* Rec.: Fabricius B. Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Leipzig, 1883 // DLZ. 1883. Bd. 4. S. 1435–1437.
- Pirenne J.* Le Royaume sud-arabe de Quatabân et sa datation d'après l'archéologie et les sources classiques jusqu'au Périples de la Mer Érythrée, avec contribution d'André Maricq. Louvain: Publications universitaires: Institut orientaliste, 1961 (Bibliothèque du Muséon; 48). XV, 248 p.: fig.
- Ramusio G. B.* (trad.) Navigazione del mar Rosso fino alle Indie Orientali, scritta par Arriano in lingua graeca, e di quella poi tradotta nella Italiana // Ramusio G. B. Navigazione i Viaggi. A cura di Marica Milanese. Vol. 2. Torino: G. Einaudi, 1979. P. 515–536.
- Randall-MacIver D.* Rec.: Schoff W. H. The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century. N. Y., 1912 // BAGS. 1912. Vol. 44. P. 224–225.
- Rawlinson H. G.* Intercourse between India and the Western World. Cambridge: Cambridge University Press, 1916. VI, [2], 196 pages frontispiece, plates, folded map.
- De Romanis F.* Hypalos: Distanze e venti tra Arabia e India nella scienza ellenistica // Topoi. Orient-Occident. 1997. Bd. 7/ 2. S. 671–692.
- Roos A. G.* Rec.: Frisk H. Périples de la Mer Érythrée suivi d'une étude sur la tradition et langue. Göteborg, 1927 (Göteborgs Högskolas Ersskrift; 33) // Gnomon. 1932. Bd. 8. S. 502–505.
- Rougé J.* Rec.: Casson L. The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton, 1989 // Archeonautica. 1990. Vol. 10. P. 265–269.
- Schmidt W.* Rec.: Fabricius B. Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Leipzig, 1883 // PhW. 1883. Bd. 3. S. 1443–1447.
- Schmidt W.* Rec.: Frisk H. Périples de la Mer Érythrée suivi d'une étude sur la tradition et langue. Göteborg, 1927 (Göteborgs Högskolas Ersskrift; 33) // PhW. 1928. Bd. 26. S. 788–795.
- Schoff W. H.* The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century. N. Y.: Longmans, 1912. 323 p.
- Streubel E.* Des Pseudo-Arriens Umschiffung des Erythraeischen Meeres — die ersten neun Kapitel vollständig, die übrigen in Ausgaben. B.: G. Hickethier, 1861 (Jahres-Bericht über die Stralauer höhere Bürger-Schule für das Schuljahr von Michaelis 1860 bis Michaelis 1861, womit einladet C. Hartung. Druck von Hickethier). 40 S.
- Tomaschek W.* Rec.: Fabricius B. Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Leipzig, 1883 // ZÖG. 1885. Bd. 36. S. 596–598.

КЛИМАТ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТРАБОНА

Воскресенский Андрей Петрович
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

THE CLIMATE OF THE NORTH BLACK SEA IN THE VIEW OF STRABO

Voskresenskiy Andrey Petrovich
M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: В статье речь идёт о некоторых сведениях «Географии» Страбона, касающихся природно-климатических условий Северного Причерноморья и степени их достоверности.

Ключевые слова: Страбон, «География», Северное Причерноморье, климат, полярная ночь, полярный день, Борисфен.

Abstract: The article deals with some data of Strabo's "Geography", concerning natural and climatic conditions of the North Black Sea region, and their reliability.

Keywords: Strabo, "Geography", Northern Black Sea region, climate, polar night, polar day, Borysthenes.

В данной статье речь пойдёт о климате как о погодно-природных характеристиках региона Северного Причерноморья, а не в целом о понятии τὸ κλίμα у Страбона, под которым, вероятно, следует понимать ещё и нечто вроде широтного пояса вокруг Земли, что составляет отдельную очень сложную и интересную проблему.

На первый взгляд представления Страбона о климате на Боспоре Киммерийском и в Северном Причерноморье хорошо укладываются в античную традицию, которая практически вся, от Гомера до Тертуллиана, рисует картину весьма сурового климата в Северном Причерноморье и областях к северу от него вглубь материка. Тем не менее его характеристики природных условий подчёркнуто не носят

* 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; gu-u-m@mail.ru

эмоциональный характер (как, например, у Овидия), так как, по его собственным словам, в своём труде он стремится к истине. Поэтому Страбон всячески подчёркивает принципиальную разницу между «историей» и «мифом» (XI.5.3) и часто ругает тех, кто, по его мнению, «занимается мифотворчеством» (XI.6.2) и «рассказывает небылицы» (VII.3.1). Более того, можно сказать, что, когда речь идёт о климате и климатических зонах, Страбон сознательно отходит даже от некоторых своих теоретических установок (например, он не доказывает в этом вопросе географическую ценность сведений поэм Гомера, которая была для него очень важна¹), видимо, стремясь к объективности.

Климат принципиально важен для Страбона. Климатическими условиями, по сути, определяется область, интересующая географа. Страбон пишет: «Следующие [области] уже близки к необитаемой из-за холода [земле] и бесполезны для географа» (τὰ δ' ἐπέκεινα ἤδη πλησιάζοντα τῇ ἀοικίῳ διὰ ψῦχος οὐκέτι χρήσιμα τῷ γεωγράφῳ ἐστίν).

С климатом связан один из наиболее ярких стереотипов, которые присущи «Географии» Страбона. Этот стереотип заключается в непосредственной зависимости нрава варваров от природных условий окружающей их местности. Страбон его использует, говоря о целом ряде регионов. Среди признаков, негативно влияющих на нрав, Страбон наряду с горным рельефом и кочевым образом жизни выделяет суровость климата, особенно в крайних северных регионах. Поэтому, в частности, кочевники-скифы Северного Причерноморья воинственны и дики (VII.3.6–9; 4.2; XI.3.3 etc).

Помимо многочисленных конкретных примеров работы этого стереотипа Страбон в XVII книге приводит и общие рассуждения о влиянии климатической зоны на образ жизни народов, когда говорит, что края ойкумены, лежащие вдоль неумеренного пояса, необитаемого из-за жары или холода, должны быть как бы извращением и ухудшением умеренного пояса, что видно и из образа жизни местного населения (XVII.2.1: ὡς δ' εἶπεῖν, τὰ ἄκρα τῆς οἰκουμένης τὰ παρακειμένα τῇ δυσκράτῳ καὶ ἀοικίῳ διὰ καῦμα ἢ ψῦχος ἀνάγκη ἀποτεύγματα εἶναι τῆς εὐκράτου καὶ ἐλαττώματα: ταῦτα δ' ἐκ τῶν βίων δῆλα).

¹ С доказательства важности поэм Гомера для истории географического познания он начинает первую книгу «Географии», и затем не раз к этому возвращается.

В данной статье я постараюсь рассмотреть, на мой взгляд, наиболее интересные и противоречивые свидетельства Страбона о климате Северного Причерноморья.

Страбон, как и ряд других античных авторов — предположительно, Геродот (IV.25)², Мела (III.36), Плиний (IV.88–90) — передаёт сведения о таких, казалось бы, невообразимых для греков явлениях, как полярная ночь и полярный день, свидетельства о которых дошли до античных авторов, вероятно, через скифов от северных народов. Однако именно Страбон придаёт этим описаниям наиболее научный вид.

В отличие от ряда других случаев, Страбон не опирается в этом вопросе на Гомера, который в «Одиссее» так описывает природные условия жизни киммерийцев: «никогда светлый Гелиос на них не взирает... но распростёрлась над ними непроглядная ночь» (Od. XI.15).

При том, что Гомера Страбон считает непогрешимым авторитетом и, как правило, всячески старается подвести отрывочные сведения его поэм под реальную основу, в данном случае он этого не делает. Он даже не оспаривает комментарий Эфора к приведённой строчке (V.4.5). Эфор связывал свидетельство Гомера с киммерийцами близ Авернского озера, у которых есть обычай выходить из пещер только ночью.

Страбон не опирается на мифы и не говорит вообще о дне, длящемся полгода, как это делают Помпоний Мела (III.36) и Плиний (IV.88–90), сообщая о полюсе, гипербореях и Рифейских горах. Традиция этих авторов восходит к скифскому мифологическому эпосу [Куклина, с. 170]. Если в сведениях Страбона и была некая мифологическая подоснова, как у того же Мелы или Плиния, то он постарался максимально отбросить всё мифологическое и сомнительное. Он подчёркнуто пренебрежительно относится к мифам (как он сам говорит) о гипербореях и Рифейских горах и, по всей видимости, ко всей той традиции, которая идёт от Аристея Проконесского, прямо называя его шарлатаном — γόης (XIII.1.16).

² У Геродота некоторые исследователи [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 253, коммент. 241] видят отголосок сведений о полярной ночи в упоминании людей, которые спят по шесть месяцев — миф, которому сам Геродот не верит. В скобках замечу, что, возможно, это искажённые свидетельства о спячке медведей, которых могли условно назвать «людьми», подобно тому, как под «людьми», например, у Плиния в VI книге об Африке явно подразумеваются обезьяны.

Страбон ссылается на Гиппарха и описывает явление полярного дня (или, по крайней мере, «белых ночей») очень точно: «Гиппарх говорит, что по Борисфену и по Кельтике в период всех летних [суток] ночью светит солнечный свет, обращающийся по кругу с запада на восток» (II.1.18). Таким образом, Страбон — единственный античный автор, не просто сообщивший о «дне, длящемся полгода», но абсолютно верно описавший движение солнца в период полярного дня.

Однако, несмотря на эту точность, Страбон напрасно доверяет Гиппарху в локализации этого явления на параллели, проходящей через Борисфен и Кельтику. Если здесь до конца непонятно, о каких широтах идёт речь, так как при упоминании Страбоном Борисфена часто не ясно, идёт ли речь об устье или о среднем течении, то повтор этого же сведения уже без ссылки на Гиппарха в II.5.42 явно относится к причерноморскому региону: «...у Борисфена и в южных местах Меотиды... Северная сторона горизонта на протяжении почти всех летних ночей освещается солнцем, причем свет движется в обратном направлении с запада на восток...».

Надо сказать, что представление о фактически всех территориях к северу от Меотиды как о приполярных или даже заполярных, согласуется и с другими астрономическими свидетельствами Страбона. Так, в том же абзаце, где повторена информация о движении солнечного света на протяжении летних ночей в районе Меотиды, говорится о местностях, отстоящих к северу от Византия на 3800 стадиев (а, как мы знаем из II.5.8, это широта устья Борисфена). Затем неожиданно Страбон сообщает: ἡ οὖν διὰ Κασσιόπεα ἐν τῷ ἀρκτικῷ φέρεται — «Кассиопея находится в арктическом [круге]». Кажущаяся неуместность этой фразы заставила некоторых издателей, например, Стефана Радта, подозревать здесь лауну. Однако Кассиопея является незаходящим созвездием практически на всей территории современной России, в том числе и в Причерноморье. Таким образом, упоминание этого созвездия в связи с широтой Борисфена довольно логично, а утверждение Страбона, что оно «находится в арктическом [круге или поясе]» хорошо согласуется с «наличием» полярного дня в этих широтах. По всей видимости, в целом Страбон следовал Гиппарху и в II.1.18 пересказывал его сведения об особенностях движения солнца в широтах Кельтики, Бреттаники и Иерны. Учитывая, что Страбон пишет о протяжен-

ности самого длинного дня в этих широтах, равной 16 равноденственным часам, и сообщает о том, что зимой солнце поднимается на 9 локтей, очевидно, речь идёт всё-таки не о полярном дне, а о белых ночах с заметным движением света, что, впрочем, в широтах Северного Причерноморья наблюдать невозможно. Соответственно, представление Страбона об арктической зоне было весьма далеко от истины.

Переходя к погодным условиям в Северном Причерноморье, стоит отметить, что Страбон едва ли не единственный античный автор, который наряду с холодами свидетельствует и о летней жаре. Эти сведения он объясняет либо непривычностью местных жителей, либо безветренностью равнин: «Говорят, что [там] бывает сильная жара, то ли потому, что тела [местных жителей к ней] непривычны, то ли потому, что равнины в это время безветренны» (VII.3.18). О том, что Страбон мог не считать эти сведения вполне надёжными, свидетельствует неопределённо-личная формулировка «говорят...» (*λέγεται*).

Говоря о холодах на Боспоре (чему посвящен довольно большой пассаж, изложенный с некоторыми вариациями дважды во II и в VII книгах), Страбон, если и подчёркивает суровость климата, то делает это при помощи фактов, а не эмоциональных эпитетов, как ряд других античных авторов. Он ссылается на надпись, приводимую Эратосфеном на разорванной льдом гидрии, говорит о победе Нептолема на льду, особенностях скотоводства и виноградарства на Боспоре. Особенно хотелось бы остановиться на последнем. В II.1.16 Страбон, сравнивая климат Северного Причерноморья и Бактрии, пишет: «Разве нашел бы ты подобное благополучие у Борисфена и кельтского океанского побережья, где даже не растёт виноградная лоза или не плодоносит? В [местностях] же прибрежных, [расположенных] южнее данных, и на Боспоре она плодоносит, но мелкими плодами, и зимой ее зарывают». Здесь странно и то, что виноградарство на Боспоре выглядит неразвитым, что не соответствует данным археологии, которые свидетельствуют о расцвете боспорского виноделия как раз в I в. до н. э., и то, что Страбон настаивает на существенных различиях в климате между землями у Боспора Киммерийского и устья Борисфена, которые находятся практически на одной широте, и среднегодовые температуры которых различаются не более чем на 1,5°.

Уместно в этой связи вспомнить свидетельство о вырубке винограда по приказу гетского вождя Бурбисты (VII.3.11). Конечно, распоряжение Бурбисты относилось к самим гетам, однако территория Нижнего Приднепровья, возможно, входила в состав Гетской державы и геты вполне могли населять территорию Ольвии и её хоры. Оставшееся же после гетского разгрома греческое население нашло убежище в варварских городищах Приднепровья и варваризировалось [Крапивина 1993, с. 141].

Если не связывать сообщение Страбона об отсутствии виноградарства в Поднепровье с гетским нашествием, упадком Ольвии и, предположительно, вырубкой виноградной лозы по приказу Бурбисты, то оно всё равно представляется весьма странным. Конечно, Ольвия в I в. до н. э. переживала упадок, и в это же время Днепр имел очень узкий лиман, что вызывало затопление пойменных террас, поднятие грунтовых вод, оползневые процессы и, как следствие, сужение наиболее благоприятной для виноградарства прибрежной полосы [Винокуров 2007, с. 34–35].

Гипотетически свидетельство Страбона можно объяснить тем, что он в данном случае под «Борисфеном» подразумевает среднее течение Днепра, а не район Ольвии. Однако необходимо учитывать, что в одном ряду с Борисфеном здесь упоминается «кельтское океанское побережье», которое, по словам Страбона, находится на одной параллели с устьем Борисфена. Скорее всего, его просто мало интересовал район Ольвии в историческом отношении и поэтому он, возможно, объяснял его неразвитость климатическими условиями.

В целом можно сказать, что при всём стремлении к истине, которое постулируется Страбоном, и при всей важности для него климата, ему не удаётся создать непротиворечивую и адекватную его времени картину климата в Северном Причерноморье. Возможно, это было связано с разнящейся информацией его источников, которую ему не всегда удавалось логично свести воедино. Предположительно, это также можно объяснить ассоциативными вставками, которые Страбон делал в текст «Географии», возможно, и после его написания.

Библиография

Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. М.: Изд-во МПГУ, 1999. 192 с.

- Винокуров Н. И.* Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь; Керчь: Адеф-Украина, 2007. 456 с.
- Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 456 с.
- Кративина В. В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1993. 184 с.
- Куклина И. В.* Этногеография Скифии. Л.: Наука, 1985. 208 с.
- Strabons Geographika / Hrsg. von S. Radt. Bd. 1: Prolegomena, Buch 1.–4. Text und Übersetzung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. XXVI, 563 S.

**МИФ О ТЕЛЕФЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
ЭВМЕНА II**

Климов Олег Юрьевич
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

**THE TELEPHOS MYTH AND THE IDEOLOGICAL POLICY
OF EUMENES II**

Klimov Oleg Yurievich
St. Petersburg State University, St. Petersburg

Аннотация: В статье охарактеризован такой важный элемент идеологической политики Аттала I и Эвмена II, как создание фиктивной родословной династии Атталидов, связывавшей пергамских царей с Телефом — мифическим правителем Мисии, который был сыном Геракла и внуком Зевса.

Ключевые слова: эллинизм, Малая Азия, Пергамское царство, династия Атталидов, Эвмен II, царский культ, Телеф.

Abstract: The paper proposes an interpretation of the Telephos mythos and its role in the ideological policy of the king Eumenes II. The Telephos mythos was introduced on the small frieze of the Pergamon altar. Telephos is known as a son of Heracles and grandson of Zeus. After some adventures he reached the shores of Mysia in Asia Minor and became the king of Teuthrania. In the official propaganda the idea of continuity of the power of the Attalids and the ancient hero Telephos was spread over starting from the time of Attalos I but it was in the rule of Eumenes II when this mythological construction became popular and took its important place in the ideological policy of the dynasty.

Keywords: Hellenism, Asia Minor, Pergamon Kingdom, Attalids, Eumenes II, ruler cult, Telephos.

В исследованиях по истории эллинизма отмечен феномен тесной связи политики и идеологии, который выразился во многих направлениях идеологической, в том числе религиозной, политики царей.

* 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, Институт истории СПбГУ; O.klimov@spbu.ru

Это и формирование культа правителя, и принятие царями культовых имен, и организация специальных празднеств, и многое другое. Среди многочисленных видов идеологической политики свое место заняла практика формирования фиктивных родословных эллинистических династий, которые связывали правителей новых государств с богами, героями, древними династиями или с таким выдающимся политическим деятелем, как Александр Великий. В деятельности Атталидов, которые вошли в число влиятельных правителей значительно позже других династий эллинистического мира, среди многих иных направлений идеологической политики, также обозначилась тенденция к созданию фиктивных родословных, связывающих династию с богами или обожествленными героями [von Protz, 1902, S. 162–166; Ohlemutz, 1940, S. 91–94, 96; Allen, 1983, p. 148–149]. В этой связи следует обратиться к сообщениям источников — эпиграфических, нарративных и археологических, — отражающих миф о Телефе.

Миф о Телефе передан рядом античных авторов — Аполлодором, Диодором Сицилийским, Страбоном, Павсанием, Гигином, Даретом Фригийским и другими. На его сюжете было построено несколько трагедий Эсхила, Софокла и Эврипида. Исследователи древнегреческого мифологического наследия обратили внимание на то, что существует ряд версий данного мифа, причем в некоторых отношениях они заметно отличаются друг от друга [Pilling, 1886; Thraemer, 1888, S. 184–186; Schwenn, 1934, S. 362–368; Hansen, 1971, p. 5–7; 7, p. 23]. Одна из них, изложенная наиболее последовательно в «Мифологической библиотеке» Аполлодора, в «Географии» Страбона, в «Описании Эллады» Павсания, гласит, что мать Телефа Авга, дочь Алея — царя города Тегеи в Аркадии, была обречена отцом на безбрачие и посвящена в жрицы богини Афины. Но на юную жрицу обратил внимание Геракл; в результате его союза с Авгой был рожден Телеф, оставленный в лесу и спасенный от голодной смерти ланью, которая выкормила его своим молоком. Узнав о рождении внука, согласно одной из версий мифа, Алей приказал посадить Авгу и младенца Телефа в ящик и бросить его в море. Однако мать с ребенком не погибли: морские волны прибили ящик к берегам Мисии, где Авгу увидел царь Тевфрант. Через некоторое время Авга стала женой Тевфранта, страна которого называлась Тевфранией (Strab. XII.8.4, С 572; XIII.1.8, С 586; 1.69, С 615; Paus. I.4.5; VIII.4.9; VIII.48.7; VIII.54.5; IX.31.2; X.28.8). Позже Тевфрант

усыновил Телефа, а после смерти царя Телеф стал наследником его власти (και τελευτῶντος αὐτοῦ διάδοχος τῆς δυναστείας γίνεται (Apollod. II.7.4; III.9.1). По другому варианту мифа Алей отдал свою дочь Авгу Навплию для продажи за пределы страны — так она попала к Тевфранту и в конечном счете была взята им в жены. Телеф же, став взрослым, отправился на поиски своей матери и нашел её в Мисии у царя Тевфранта, где был усыновлен последним и унаследовал его власть (Apollod. II.7.4; III.9.1; Diod. IV.8–10). Диодор повторяет и дополняет эту информацию: Тевфрант отдал Телефу в жены свою дочь Аргиопу и сделал Телефа наследником своей власти (IV.33.10, 12). Римский мифограф Гигин иначе излагает историю Авги и Телефа. В его рассказе Авга бежала в Мисию к царю Тевфранту и стала ему вместо дочери, так как у него не было своих детей. Телеф, оставленный матерью на родине, достигнув взрослого возраста, согласно прорицанию отправился искать её. Царь Тевфрант, воевавший с Идасом, обещал Телефу царскую власть и приемную дочь Авгу в жены, если он поможет в борьбе с врагом. После победы Телефа Тевфрант согласился отдать Авгу в жены, но не желал расставаться с властью. При драматических обстоятельствах произошло узнавание матери и сына, после чего Телеф увез Авгу на родину (Hug. 99–101). Таким образом, в повествовании Гигина о царствовании Телефа в Мисии не говорится, но, напротив, рассказывается о возвращении Телефа и Авги на родину, т. е. в Аркадию¹.

Таким образом, в потоке преданий о Телефе выделяется наиболее выгодная для Атталидов и подходящая под их идеологические установки версия; её передают главным образом Павсаний, Диодор, Страбон и «Мифологическая библиотека», основу которой, вероятно, составил труд Аполлодора².

¹ «Первый Ватиканский мифограф» сообщает необычную версию о происхождении Телефа, называя его сыном Тевконта (III.1.80). Подобную информацию не сообщает более ни один из наших источников. Учитывая особенности данного произведения — автор его, как считается, не владел греческим языком, пользовался латинскими переложениями мифов и составлял краткую компиляцию, — можно предположить, что в данном случае или составитель книги, или переписчик допустил ошибку — под Тевконтом следует понимать Тевфранта, который женился на Авге и по одной из версий мифа усыновил Телефа.

² Понимая всю сложность вопроса об авторстве «Мифологической библиотеки», все-таки стоит обратить внимание на то, что отраженная в данном произведении версия может служить еще одним аргументом в пользу того, что в основу дошед-

Вероятно, основу идеологического конструкта Атталидов составляла идея происхождения Телефа от Геракла, сына Зевса, а также царствование Телефа после царя Тевфранта в той части Мисии, где позже появился город Пергам и образовалось само государство Атталидов. Таким образом, Телеф представлялся далеким мифологическим предшественником пергамских царей, которые тем самым создавали себе через него фиктивную родственную связь с Гераклом и самим Зевсом.

В некоторой степени подтверждением возникновения именно данного мотива — преемственности власти Атталидов и Телефа и через последнего — идеи родства династии с Гераклом и Зевсом — может служить одна плохо сохранившаяся надпись с Эгины, представляющая собой декрет гражданской общины, который был составлен около 210 г. до н. э. с целью определить культовые почести Атталу I [Allen, 1983, p. 147, 208, No. 2]. В тексте имеется фраза, в которой можно предполагать указание на родство чествуемого Аттала I с Эаком через Геракла (*διὰ τὴν Ἡρακλέους πρὸς Αἰακὸν συγγένειαν* — стк. 17). Имеется в виду, что Эак — мифический правитель Эгины — являлся, согласно мифологии, сыном Зевса от наяды Эгины, следовательно, Геракл приходился Эаку сводным братом. Таким образом, мифологическая генеалогия давала составителям надписи основание констатировать родство Аттала и эгинян. Это служило важным мотивом при присоединении острова Эгина к владениям Аттала I в ходе Первой Македонской войны [Климов, 2010, с. 69, 194; Hansen, 1971, p. 50, 204; Allen, 1983, p. 74]. На основании данного текста можно полагать, что начало формирования фиктивной мифологической родословной относится к периоду правления Аттала I. Но, видимо, полнокровное развитие этот мотив получил позже — при Эвмене II, когда он был зафиксирован в художественной форме, в виде рельефа Телефа.

На основе ряда косвенных фактов можно предполагать, что в конструировании данной фиктивной генеалогии Атталиды опирались на бытовавшую в городе Пергаме, возможно, еще до воцарения Атталидов, религиозную и мифологическую традицию. По словам

шего до нас текста «Мифологической библиотеки» действительно могло быть положено произведение афинского писателя и ученого Аполлодора, который в середине II в. до н. э. жил некоторое время в Пергаме при дворе Аттала II и в таком случае, зафиксировал наиболее удобную для царей и, вероятно, официально принятую версию сказания [Борухович, 1972, с. 105–106, 109–111, 113–119].

Павсания, «...пергамцы... желают считаться аркадянами, перешедшими вместе с Телефом в Азию» (I.IV.6). Об этом же заявлял Элий Аристид в одной из своих речей (Ael. Arist. I, p722). Греческий писатель и историк также отмечает, что Телеф служил в Пергаме объектом культового почитания: ему приносились жертвы, а в храме Асклепия в Пергаме служение начинали с гимнов о Телефе (III.26.10; V.13.3). Наконец, Павсаний видел в Пергаме памятник Авге в виде большого земляного холма, окруженного каменной оградой. Наверху была поставлена медная фигура обнаженной женщины (VIII.4.9). Впрочем, следует отметить, что из рассказа Павсания не ясно, сложилась ли практика почитания Телефа до Атталидов или была введена ими. Вполне возможно, что она существовала как городской культ до установления власти Атталидов. В этой связи важно наблюдение Эд. Тремера о том, что в развитии мифа о Тевфранте и Телефе важную роль сыграла малоазийская традиция [Thraemer 1888, S. 379–382; также Schwenn, 1934, S. 364–368]. Данные нарративной традиции подтверждаются эпиграфическими свидетельствами: известна найденная в Пергаме база статуи с посвянительной надписью в честь Телефа (AM, 1908, 33) [Ohlemutz, 1940, S. 231]. Одна из пергамских надписей — декрет городской общины, предоставлявший гражданам Тегеи ряд льгот, — указывает на родство жителей Пергама и Тегеи (I. Pergamon. 156. Стк. 18–19). В данном декрете предписано поместить текст в храме Афины, который возвела Авга (I. Pergamon. 156. Стк. 23–24). В этой связи стоит отметить, что, согласно сообщению Аполлодора, Авга на своей родине в Тегее была жрицей Афины (III.9.1). Находки на Делосе показывают, что пергамские цари предпринимали попытки распространить в греческом мире идеологическую фикцию о преемственности их власти и власти Тевфранта и Телефа: на острове были поставлены не только статуи членов семьи Атталидов, но также изображения царя Тевфранта и его отца (IG. XI.4. 1107, 1108, 1206–1208). Наконец, важно вспомнить, что в связи с почитанием Телефа в Пергаме получил развитие культ Геракла, засвидетельствованный рядом надписей (I. Pergamon. 185; 335) как божество, которого почитали вместе с Гермесом в гимнасиях (AM, 1904, 7). В их честь проводились спортивные праздники и культовые действия [Ohlemutz, 1940, S. 231–235; Hansen, 1971, p. 451]³.

³ Э. Олемутц предполагает связь культа Геракла с мифом о Телефе как прародителе Пергама и предшественнике пергамских царей [Ohlemutz, 1930, S. 242].

Все приведенные выше сведения о конструировании Атталидами фиктивной генеалогии, опиравшейся на мифологическую традицию, согласуются с материалами археологических исследований города Пергама. При раскопках знаменитого пергамского алтаря были найдены мраморные плиты с рельефом, который существенно отличался от основного рельефа как своим содержанием, так и художественной манерой исполнения. В процессе реконструкции пергамского алтаря было установлено, что этот рельеф служил дополнением к основному фризу и размещался на верхней площадке алтаря, украшая ее внутренние стены. Дальнейшие исследования привели ученых к выводу о том, что рельеф изображает сцены из истории героя Телефа. Рельеф Телефа, как его принято называть, играл в композиции знаменитого памятника весьма важную, хотя и подчиненную роль [Климов, 2010, с. 334–335; Winnefeld, 1910, S. 157–228; Hansen, 1971, p. 338–347; Rohde, 1982, S. 116–127]. Он составлен из мраморных плит высотой 1,58 м и шириной 0,7 м, таким образом, имеет значительно меньшую высоту, чем главный фриз алтаря. Кроме того, он значительно короче. Изображения фриза Телефа во многом отличаются от рельефов большого фриза пергамского алтаря: они выполнены менее экспрессивно и несут значительно меньшую эмоциональную нагрузку, чем рельефы главного фриза. Все персонажи мифа представлены в спокойном физическом состоянии, без того мощного порыва, который характерен для изображений главного скульптурного фриза. Соответственно этому состоянию неторопливого физического движения большинства персонажей, эмоциональное состояние героев малого фриза также отличается эпическим спокойствием и невозмутимостью. Лица не выражают таких сильных страстей и страданий, какие свойственны изображениям большого фриза. Движения героев мифа плавные, сдержанные, за исключением немногих персонажей. Одна из наиболее динамичных сцен представляет царя Тевфранта на морском берегу в развевающейся от ветра одежде, энергично шагающего к Телефу, прибывшему в Мисию. Корпус царя слегка развернут и наклонен в сторону движения, взгляд направлен на Телефа. Техника изображений рельефа Телефа также значительно отличается от той, какую использовали мастера, работавшие над главным фризом: все изображения малого фриза вырезаны менее глубоко и рельефно, что наилучшим образом подчеркивает неторопливость эпического повествования. Однако при этом рельеф

Телефа не статичен, не лишен динамики и значительного композиционного разнообразия. Все персонажи представлены в разных позах, образуют, как правило, группы, члены которых составляют разнообразные композиции. Каждый из героев мифа, даже вспомогательные персонажи, наделен собственным образом и не повторяет облик другого. Дополнительную художественную выразительность и разнообразие фризу Телефа придает присутствие элементов пейзажа, изображение отдельных деревьев, скал, холмов. Общее число плит, составлявших рельеф Телефа, 74, из них целиком или частично сохранилось лишь 47, т. е. немногим более половины. Из уцелевших плит многие изрядно повреждены. Поэтому среди персонажей рельефа некоторые идентифицируются совершенно определенно, о других приходится догадываться с большей или меньшей степенью вероятности. Отдельные фрагменты рельефа пока еще не получили вполне точного объяснения. Совершенно бесспорно идентифицирована фигура Геракла, который, как обычно, представлен в образе атлетически сложенного мужчины. Геракл изображен в спокойном состоянии — опираясь на дубину, на которую повешена львиная шкура, он смотрит на младенца Телефа, играющего у его ног. Среди персонажей мифа, представленных на фризе, встречаются также дочь царя Аркадии Авга — мать Телефа, Тевфрант, царь Мисии, маленький Орест, сын Агамемнона, наконец, сам Телеф. Кроме того, имеются некоторые не идентифицированные персонажи. Несомненно, что художники, разрабатывавшие концепцию рельефа и воплощавшие в мраморе сюжет мифа, хорошо знали греческую мифологию и отразили именно ту версию мифа, которая была принята пергамскими царями и соответствовала идеологическим установкам Атталидов. Вместе с тем важно обратить внимание на то, что в основу фриза была положена версия мифологического сюжета, которую использовали авторы ряда литературных произведений и которая в некоторых положениях отличалась от приведенной выше. Так, рельеф Телефа отразил ту версию, согласно которой Авга была брошена в море в сундуке одна, без младенца сына, а Телеф отправился на поиски матери, став взрослым. Царь Тевфрант усыновил Авгу и после победы Телефа над врагами решил выдать её замуж за Телефа, но после бракосочетания произошло взаимное узнавание матери и сына (плиты 16–21). Часть рельефа отведена рассказу о правлении Телефа в Мисии, о сражениях с греками, направлявшимися к Трое и по пути высадившимися в устье реки Каик. При этом Телеф был

ранен Ахиллом, а долго не заживавшую рану удалось вылечить позже, обратившись за помощью к Ахиллу (плиты 22–42). Так или иначе, основные идеи мифа — о происхождении Телефа от Геракла, о царствовании Телефа в Мисии — фриз отобразил в яркой художественной форме [Hansen, 1971, p. 340–346; Kertesz, 1982, S. 203–215; Kästner, 1996, p. 73–82; Heres, 1996, p. 83–108].

Таким образом, весь комплекс источников показывает, что в Пергаме появилась собственная мифология, основанная на хорошо известной традиции о Телефе, сыне Геракла, внуке Зевса. Тем самым Атталиды вводили в свою идеологическую политику идею о связи с божественными предшественниками — с героем мифов Телефом, а через него с Гераклом и с самим Зевсом. Добавим к сказанному, что в создании генеалогической фикции важную роль играл еще один мотив: царское происхождение матери Телефа — самой Авги, ведь она была дочерью царя Тегеи Алея. Для Атталидов, имевших небезупречное происхождение, ссылка на царский статус мифической прародительницы тоже была важна. Возможно, начало формированию этой идеологической конструкции было положено при Аттале I, т. е. в конце III в. до н. э., но основное развитие она получила при Эвмене II, наиболее вероятно, в заключительный период его правления, в 60-е гг. II в. до н. э. При этом представителе династии Атталидов Пергамское царство достигло наибольших размеров, приобрело значительное влияние в международных делах; царем были произведены существенные внутренние преобразования. Все это, несомненно, сказалось и на той идеологической политике, которую проводил пергамский монарх. При нем большую роль стал играть культ царя и его родных, прославление Атталидов в качестве защитников эллинов от варваров, развернуло свою деятельность объединение технитов Ионии и Геллеспонта и Диониса Категемона, возможно, началось создание культовой коллегия атталистов. Идеологическая конструкция о связи Атталидов с Гераклом и Зевсом, о преемственности их власти и власти мифологического героя Телефа заняла свое немаловажное место в религиозной политике пергамского царя и получила отражение не только в культовой практике в Пергаме, в литературе, но и в изобразительном искусстве.

Библиография

Борухович В. Г. Античная мифография и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 99–123.

- Климов О. Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб.: Факультет филологии и искусств; Нестор-история, 2010. 400 с.
- Allen R.* The Attalid Kingdom. Oxford: Clarendon Press, 1983. 251 p.
- Hansen E.* The Attalids of Pergamon. Ithaca (New York): Cornell University Press, 1971. XX, 531 p.
- Heres H.* The Myth of Telephos in Pergamon // Pergamon. The Telephos Frieze of the Great Altar. Vol. 1 / Ed. by R. Dreyfus, E. Schraudolf. New York; San Francisco, 1996. P. 83–108.
- Kästner V.* The Architecture of the Great Altar and the Telephos Fries // Pergamon. The Telephos Frieze of the Great Altar. Vol. 1 / Ed. by R. Dreyfus, E. Schraudolf. New York; San Francisco, 1996. P. 73–82.
- Kerteszi I.* Der Telephos-Mythos und der Telephos-Fries // Oikumene. Studia ad historiam antiquam et orientalem spectantia. 1982. Bd. 3. S. 203–215.
- Ohlemutz Er.* Die Kulte und Heiligtümer der Götter in Pergamon. Würzburg: K. Triltsch, 1940. X, 302 S.
- Pergamon.* The Telephos frieze of the Great Altar / Ed. by R. Dreyfus, E. Schraudolf. New York; San Francisco: Fine Arts Museums of San Francisco, 1996–1997. Vol. 1–2.
- Pilling K.* Quomodo Thelephi fabulam et scriptoribus et artificibus veteres tractaverint. Halle: E. Karras, 1886. 107 p.
- Prott H. von.* Dionysos Kathegemon // AM. 1902. Bd. 27. S. 161–188.
- Rohde E.* Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin: Henschelverlag Kunst und Gesellschaft, 1982. 168 S.
- Schwenn Fr.* Telephos // RE. 2. Reihe. Stuttgart, 1934. Hlbd. 9. Sp. 362–369.
- Thraemer Ed.* Pergamos. Untersuchungen über die frühgeschichte Kleinasiens und Griechenlands. Leipzig: B. G. Teubner, 1888. 424 S.
- Winnefeld H.* Die Friese des Groszen Altars. Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1910. 250 S. (Altertümer von Pergamon; Bd. 3. T. 2).

**ПТОЛЕМЕЙ КОММАГЕНСКИЙ И АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ
(ИМИТАЦИЯ МОНЕТ АЛЕКСАНДРА В КОММАГЕНЕ)**

Обухов Сергей Владимирович
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

**PTOLEMY OF COMMAGENE AND ALEXANDER THE GREAT
(THE IMITATION OF ALEXANDER'S COINS IN COMMAGENE)**

Obuhov Sergey Vladimirovich
M. V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow

Аннотация: Статья посвящена проблеме имитации монет Александра Великого в Коммагенском царстве в эпоху правления Птолемея I (163–130 гг. до н. э.).

Ключевые слова: эллинизм, Коммагена, Птолемей, имитация, Александр Великий, Геракл, культ, легитимация.

Abstract: The paper is dedicated to the problem of the imitation Alexander's the Great coins in Commagenian kingdom at the epoch of Ptolemy's ruling (163–130 B. C.).

Keywords: Hellenism, Commagene, Ptolemy, imitation, Alexander the Great, Heracles, cult, legitimization.

На границе юго-восточной Малой Азии и северной Сирии находится небольшая гористая область Коммагена, на востоке граничащая с Евфратом. В позднеэллинистический и раннеримский периоды (II в. до н. э. — I в. н. э.) на этой территории располагалось царство, где правила побочная ветвь сатрапской династии Оронтидов, главные представители которой управляли Великой Арменией до начала II в. до н. э., пока ей на смену не пришла династия Арташесидов [Honigmann, 1924, S. 978–990; Facella, 2006]. Столица царства находилась в наиболее крупном городе Коммагены — Самосате (Strab.

* 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; ancient@hist.msu.ru

XVI.П.3). Первым правителем Коммагенского царства считается Птолемей, который до своего провозглашения независимым правителем являлся селевкидским наместником-эпистатом на этой территории (Diod. 31.19a). Обычно полагают, что независимым государством Коммагена стала в 164–163 гг. до н. э., отделившись от Селевкидской державы после смерти ее правителя Антиоха IV Эпифана (175–164 гг. до н. э.) [Тирацян, 1956, с. 74; Facella, 2006, p. 199–205]. Есть и другое мнение, высказанное Й. Якобссоном, заключающееся в том, что обретение Коммагеной независимости следует датировать около 150 г. до н. э. и связывать с борьбой царя-Селевкида Деметрия I Сотера (162–150 гг. до н. э.) с узурпатором Александром Баласом. В своих построениях Й. Якобссон в основном опирается на немногочисленные монеты Птолемея Коммагенского [Jakobsson, 2013, p. 2–4]. Весьма сложно примкнуть к какой-либо из двух точек зрения ввиду скудости и противоречивости источников, касающихся времени властвования Птолемея в Коммагене. Однако в любом случае Коммагена появилась на политической карте эллинистического Востока в промежутке от 164 до 150 г. до н. э.

Поэтому важнейшим источником по истории Коммагены времени правления Птолемея является нумизматический материал. Первый коммагенский царь чеканил в основном серебряные драхмы и обольподражания чекану селевкидского царя Деметрия I Сотера, помещая на аверс искаженный портрет этого царя, а на реверс — рог изобилия, символ процветания Коммагены под властью Птолемея. Среди этих монет выделяется одна серебряная драхма, на аверсе которой изображен профиль Александра Великого в своеобразном головном уборе, представляющем собой накиннутую на голову львиную шкуру с открытой пастью и клыками; на реверсе мы видим тот же самый рог изобилия и надпись: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΤΟΛΕΜΕΟΥ [Houghton, Lorber, Hoover, 2008, pl. 20, fig. 1769].

Именно в таком обличье, как на аверсе монеты Птолемея Коммагенского, Александр Великий представлен на большинстве своих монет, в особенности крупных номиналов: тетрадрахм и статеров [Lange, 1938, S. 40–41; Зограф, 1951, с. 71–72, табл. XI. 3–8, 10, 12–13; Пичикийн, 1983, с. 80–90, рис. 1]. В данном случае Александр, безусловно, уподоблялся и отождествлялся с Гераклом, чьим обязательным атрибутом была львиная шкура. Согласно религиозно-мифологическим представлениям греков, Геракл являлся сыном Зевса (Трофимова, 2012, с. 115–154; Дмитриев, 2013, с. 68).

Естественно, возникает закономерный вопрос: с какой целью Птолемей отчеканил монету с профилем Александра Великого?

Можно полагать, что Птолемей I Коммагенский, подражая монетам Александра, пропагандировал свою преемственность и, возможно, родство по отношению к властителю Балкан и Азии, тем самым поднимая международный престиж своего молодого государства и, быть может, таким образом легитимизируя свою власть в Коммагене. Может быть, в этом можно видеть и некоторые намеки на начало династического культа в Коммагенском царстве. «Родство» с Александром-завоевателем могло также оправдывать экспансию владыки Коммагены, ведь, согласно Диодору, в начале своего правления Птолемей попытался аннексировать область Милитену, принадлежащую тогда Каппадокийскому царству (Diod. 31.19a).

Почитание Александра как предка царских династий было распространенным явлением на эллинистическом Востоке. В птолемеевском Египте Александр считался верховным божественным покровителем царствующей династии [Байбаков, 1914, с. 15–16; Нефедов, 1999, с. 20–26; Серова, 2004, с. 135–144; Bevan, 1927, p. 127–128; Green, 1990, p. 397]. Греко-бактрийские и греко-индийские цари Агафокл и Антимах, потомки Эвтидема (II в. до н. э.), выпустили серию памятных монет в честь Александра Великого как своего предка [Кошеленко, Сердитых, 1986, с. 6, 26–27; Попов, 2004, с. 204, 209]. Александр числился в родоначальниках и у Селевкидов [Tam, 1929, p. 139–140; Смирнов, 2013, с. 130–131].

Кроме того, образ Александра получил широкое распространение в эллинистической ойкумене, повлияв на трактовку образа многих правителей [Вальдгауэр, 1907; L'Orange, 1948, p. 39–48]. Так, огромное влияние образ Александра в различных ипостасях, в том числе и Александра—Геракла, оказал на формирование официальной иконографии портретов понтийского царя Митридата VI Евпатора (121–63 гг. до н. э.), который, отождествив себя с великим Македонцем, выступал в государственной идеологии в роли спасителя эллинства от варваров-римлян [Неверов, 1971, с. 86–95; Неверов, 1972, с. 110–118; Сапрыкин, 2009, с. 275–288).

Кроме того, на ряде монет архонта Гигиеонта (II в. до н. э.), узурпировавшего трон боспорских Спартокидов, изображен этот правитель с чертами Александра Великого с его статеров и тетрадрахм (или наоборот?) (Зограф, 1951, с. 184; Молчанов, 1971, с. 99–100, табл. I. 1–2). Вероятно, и на эллинистическом Боспоре

еще до понтийского царя Митридата VI Евпатора и его преемников образ Александра играл определенную роль в царской идеологии и, в частности, был связан с попыткой легитимизации власти узурпатором архонтом Гигиеонтом.

С чертами Александра изображен и царь греко-македонского Египта Птолемей II Филадельф (281–246 гг. до н. э.) на знаменитой камее Гонзага [Максимова, 1924, с. 3–23, рис. 1; Неверов, 1977, с. 13–24].

На протяжении III в. до н. э. — III в. н. э. подражания статерам и тетрадрахмам Александра Великого в огромных количествах чеканились варварскими племенами Закавказья (прежде всего, Кавказской Албании), о чем свидетельствует находка Кабалинского клада, где наряду с монетами Селевкидов, Аршакидов, царей Греко-Бактрии присутствовало 440 экземпляров-подражаний драхмам и тетрадрахмам Александра Великого [Бабаев, Казиев, 1972, с. 16–21, 27–32, табл. IX–XII], и рядом государственных образований античной Средней Азии, в первую очередь Согдом [Ртвеладзе, 2015, с. 46–51].

Подражания статерам и тетрадрахмам Александра выпускали и независимые полисы Причерноморья [Зограф, 1951, с. 65; Казамадова, 1969, табл. XXIII.6–8], поэтому царь Коммагены заимствовал для своей драхмы именно этот, вероятно, наиболее популярный тип иконографии Александра Великого.

В заключение следует сказать, что, судя по портрету Александра Великого на монете Птолемея I, статус царского предка Завоеватель Азии получил в Коммагене именно при этом царе. В более позднюю эпоху, в правление Антиоха I Теоса (69–34 гг. до н. э.), он засвидетельствован эпиграфически. При исследовании святилища царского и династического культов, основанного Антиохом на горе Нимруд-Даг, был обнаружен фрагмент посвящения «Александрю, сыну Филиппа» (OGIS. I.398). В целом чеканка подобной монеты, видимо, отражает начальный этап развития династического культа в Коммагенском царстве, который расцвел при Антиохе I.

Библиография

- Бабаев И. А., Казиев С. М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // НЭ. 1972. Т. 9. С. 16–32.
- Байбаков Е. И.* Происхождение эллинистического культа царей. Харьков: тип. «Печатное дело», 1914. 27 с.

- Вальдгауэр О. Ф.* Портреты Александра Великого. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1907. 32 с.
- Дмитриев В. А.* Рога Амона, культ быка и Фарр Кеянидов (еще раз к вопросу о царских коронах Сасанидов) // ПИФК. 2013. № 3. С. 64–79.
- Зограф А. Н.* Античные монеты. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 308 с.
- Казаманова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 302 с.
- Кошеленко Г. А., Сердитых З. В.* Царский культ в Греко-Бактрии // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях / Под ред. Г. А. Кошеленко. М., 1986. С. 3–30.
- Максимова М. И.* Камея Гонзага. Л.: Рос. гос. акад. тип., 1924. 23 с.
- Молчанов А. А.* Искусство портрета на античном Боспоре (по нумизматическим данным) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, История. 1971. № 4. С. 98–104.
- Неверов О. Я.* Митридат и Александр: к иконографии Митридата VI // СА. 1971. № 2. С. 86–95.
- Неверов О. Я.* К иконографии Митридата Евпатора // ТГЭ. 1972. Т. 13. С. 110–118.
- Неверов О. Я.* Камея Гонзага. Из истории античной глиптики. Л.: Аврора, 1977. 32 с.
- Нефедов К. Ю.* Птолемей I Сотер и учреждение культа Александра Македонского в Александрии // Античный мир. Белгород, 1999. С. 20–26.
- Пичикян И. Р.* Александр-Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца) // СА. 1983. № 1. С. 80–90.
- Попов А. А.* Коммеморативные монеты царя Агафокла как источник изучения царского культа в Греко-Бактрии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2004. Вып. 3. С. 203–210.
- Ртвеладзе Э. В.* О подражаниях монетам Александра Македонского. Центры чеканки и ареал обращения // НЭ. 2015. Т. 19. С. 46–51.
- Сапрыкин С. Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Триумф-принт, 2009. 426 с.
- Серова М. Ю.* Культ Александра Великого в Александрии Египетской // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2004. Вып. 3. С. 135–144.
- Смирнов С. В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М.: ЛОГОС. Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 330 с.
- Тирацян Г. А.* Страна Коммагена и Армения // Изв. АН Арм. ССР. 1956. № 3. С. 69–74.
- Трофимова А. А.* *Imitatio Alexandri*. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 319 с.
- Bevan E.* A History of Egypt under the Ptolemaic dynasty. London: Methuen & Co. Ltd, 1927. 487 p.

- Facella M.* La dinastia degli Orontidi nella Commagene ellenistico-romana. Pisa: Giardini Editori e Stampatori, 2006. 495 p.
- Green P.* Alexander to Actium. The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Los Angeles: University of California Press, 1990. 970 p.
- Honigmann E.* Kommagene // RE. 1924. Bd. 4. S. 978–990.
- Houghton A., Lorber C., Hoover O.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Pt. 2. Seleucus IV through Antiochus XIII. Lancaster; London: The American Numismatic Society, 2002. 626 p.
- Jakobsson J.* Numismatic evidence for dating the independence of Commagene to 150 BC? // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2013. Vol. 215. P. 2–4.
- Lange K.* Herrscher Köpfe des Altertums im Münzbild ihrer Zeit. Berlin; Zürich: Atlantis Verlag, 1938. 161 S.
- L'Orange H. P.* Apotheosis in ancient Portraiture. Oslo: H. Aschehoug, 1947. 156 p.
- Tarn W. W.* Queen Ptolemais and Apama // CQ. 1929. Vol. 23, N 2. P. 138–141.

КАК ΔΙΝΟΣ СТАЛО НАЗВАНИЕМ ИСТОЧНИКА СУРЫ

Приходько Елена Владимировна
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

HOW ΔΙΝΟΣ BECAME THE NAME OF THE SPRING OF SURA

Prikhodko Elena Vladimirovna
M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: В статье рассматриваются почти все случаи употребления слова δῖνος в древнегреческой и византийской литературе и дается подробный разбор всех его значений. Это слово обычно использовалось как нарицательное существительное. Но, согласно Артемидору, Δῖνος было также названием источника Суры. Цель автора — выявить причины создания этого гидронима.

Ключевые слова: δῖνος, δῖνη, водоворот, поток реки, значение слова, контекстный анализ, Сура, оракул по рыбам, Ликия.

Abstract: The article studies almost all contexts of the word δῖνος in ancient Greek and Byzantine literature and gives a detailed account of all its meanings. This word was usually used as a common noun. But according to Artemidorus Δῖνος was also the name of the spring of Sura. The author's purpose is to identify the reasons for the creation of this hydronym.

Keywords: δῖνος, δῖνη, whirlpool, stream of a river, word meaning, context analysis, Sura, fish oracle, Lycia.

Существительное ὁ δῖνος появилось в древнегреческой литературе не позже начала V в. до н. э. Его использовали Телесилла, Анаксагор, Гиппократ, Демокрит, Аристофан, Страттид, Ксенофонт, Аристотель, Эпикур, Филит Косский, Тимон Флиунтский, Архедик, Арат и некоторые более поздние авторы, но у каждого из них, за исключением Гиппократа и Аристофана, δῖνος встречается всего 1 или 2 раза. В корпусе Гиппократа это слово зафиксировано 4 раза, а у Аристофана — 7 раз, что тоже едва ли может быть оценено как

* 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; aristonica@list.ru

активное и регулярное использование. Значительно чаще δῖνος обращает на себя внимание схолиастов, грамматиков и авторов различных толковых словарей, старающихся объяснить значение этого редкого и, следовательно, труднопонимаемого слова. Однако необходимость истолкования слова δῖνος была обусловлена не только его малоупотребительностью, но и наличием у него при этом большого количества разных значений, исходно, безусловно, связанных, но принадлежавших далеким друг от друга сферам жизни и в итоге выглядящих совершенно самостоятельными. Что общего, казалось бы, у головокружения и таза для омовения ног, у молотильного тока и токарного станка? Между тем как эти, так и еще ряд других значений были свойственны все тому же одному слову δῖνος.

Согласно этимологическим словарям, δῖνος образовано от того же корня, что и существительное ἡ δῖνη «вихрь, водоворот», глагол δῖνέω «крутить, вращать», прилагательное δῖνήεις «кружащийся, вращающийся», и, следовательно, его исходное значение должно быть связано с идеей вращения, с неким круговым движением. Правда, подтвердить это значение с точки зрения этимологии пока не представляется возможным: и П. Шантрен, и Я. Фриск затрудняются определить, к какому индоевропейскому корню восходит вся эта группа слов, а Р. Бекес даже готов признать его догреческое происхождение. Само же слово δῖνος в его основном значении Шантрен, Фриск и Бекес считают полным синонимом, «дублетом» слова δῖνη и затем добавляют пару его дополнительных значений — «круглый сосуд», «круглое гумно» [Frisk, 1960, S. 395–396; Chantraine, 1968, p. 285; Beekes, 2010, vol. 1, p. 336–337].

Словари древнегреческого языка рассматривают весь спектр семантики слова δῖνος более детально, но частично расходятся как в констатируемых вариантах значений, так и в их последовательности. Словарь Лидделла и Скотта начинает, опять же сравнивая с δῖνη, со значения «вихревое движение, вращение», «вихрь, водоворот», а также «танец» и потом отдельными пунктами перечисляет «головокружение», «круглое гумно», «круглый кубок» [Liddell, Scott, 1996, p. 432]. Новый древнегреческо-испанский словарь, выходящий под общей редакцией профессора Ф. Р. Адрадоса, дает: I — вихрь; вращение, круговое движение; танец; II — космический вихрь; воздушный вихрь; персонифицированный Вихрь; III — головокружение; IV — молотильный ток; круглый сосуд без ручек и ножки; сосуд для охлаждения вина; умывальный таз; токарный станок [Adrados, 1997, s. v. δῖνος].

Все эти констатируемые современными словарями значения по большей части были уже описаны в схолиях, в трудах античных и византийских грамматиков и лексикографов. Исходным значением, судя по всему, было для *δίωος* значение «вращение», «круговое движение». Элий Геродиан неоднократно объясняет *δίωος* как *ἡ συστροφὴ* — «вращение» (Pros. Cat. Vol. 3.1, p. 176 Lentz; De orth. Vol. 3.2, p. 447 Lentz; Part. p. 20 Boissonade), и это определение используют многие последующие авторы, например Феогност Грамматик (Cap. 353), Etymologicum Magnum (s. v. *Δίωος*) и «Лексикон», приписываемый Иоанну Зонаре (s. v. *δίωος*). Эту же идею вращения Гесихий (s. v. *ρόμβος*) и Евстафий (Od. Vol. 1, p. 351) передают через толкование *δίωος* как *ρόμβος* — одно из значений этого слова «вращательное движение, кружение», — а схолии к Арату как «движение по кругу» (*τὴν ἐν κύκλῳ φοράν*, 400).

Круговое движение каких предметов античные авторы обозначали через слово *δίωος*? Согласно Сексту Эмпирику (Adv. Math. VII.117), Демокрит утверждал, что «во время вращения сита (*κατὰ τὸν τοῦ κοσκίνου δίωον*) зерна чечевицы собираются отдельно с чечевичными, и ячменные с ячменными, и пшеничные с пшеничными» (Fr. 164). Доксограф Аэтий изложил точку зрения астронома Селевка, полагавшего, что обращение (*τὴν περιστροφὴν*) Луны мешает вращению (*τῷ δίωῳ*) Земли (p. 383 Diels; Stob. Anth. I.38.9). А Онаандр объясняет необходимость ставить пращников впереди войска тем, что они не смогут «осуществить вращение пращи во все стороны (*κυκλόσῃ τὸν δίωον ἀποτελεῖν τῆς σφενδόνης*) возле фланга своих стоящих гоплитов, поскольку те будут мешать вращению (*τὸν ρόμβον*)» (Strat. 17.1).

Однако значительно чаще отдельных предметов вращению подвергается воздух, и в итоге одним из самых употребительных и привычных значений слова *δίωος* становится «круговое движение воздуха», «вихрь» и даже «смерч». Это значение констатируют многие схолиасты и грамматик. Иоанн Филопон, например, утверждает, что *δίωος* — это *ἡ συστροφὴ τοῦ ἀέρος* «вращение воздуха» (De voc. s. v. *δίωος* (Recens. e)). Подобное определение дают схолии к Аристофану: *δίωος* — это *ὁ τοῦ ἀέρος κίνησις* «движение воздуха» или *ἡ συστροφὴ τοῦ αἰθέρος* «вращение эфира (то есть верхних слоев воздуха)», — и затем добавляют: *ἤγουν αὐτὸς ὁ αἰθὴρ περιφραστικῶς* — «или даже иносказательно сам эфир» (Nub. 380b, 380d, 828a). Согласно «Суде», *δίωος* — *ἡ περιδίησις ἢ αἰθερία*,

ἡ συστροφὴ «воздушное круговое движение, вращение» (s. v. δῖνος), а в «Ῥητορικαὶ λέξεις» сказано, что δῖνος — это συστροφὴ ἀνέμου «кружение ветра» (136 Naoumides).

Стремясь объяснить вдохновение как результат соединения двух движений души, Плутарх сравнивает его с беспорядочным, сбивчивым вращением, возникающим, когда вихри (οἱ δῖνοι) не могут удерживать строго на одном уровне носящиеся по кругу тела, и те начинают опускаться вниз (Mor. 404 E (Pyth. Or. 21)). Арат сообщает, что осенью по многочисленным роящимся осам можно предсказать надвигающуюся бурю, которая разразится еще до появления вечерних Плеяд, ведь вихрь кружится (ἐλίσσεται... δῖνος), подобно осам (Phaen. I.1067). Аристотель в «Метеорологике» подробно рассматривает, каким образом на земле, а также в облаках рождаются вихри (γίνονται οἱ δῖνοι, III.1 370b). А Эпикур в «Письме к Пифоклу» учит, что, когда ураган устремляется вниз к земле, возникают сухие смерчи (στρόβιλοι γίνονται), а когда опускается на море, образуются водяные смерчи (δῖνοι ἀποτελοῦνται, Diog. Laert. X.105). В последнем примере слово δῖνος получило даже дополнительное контекстное значение — не просто «смерч», а «водяной смерч», то есть воздушно-водяной вихрь, который может возникнуть над поверхностью моря или большого озера.

От значения «водяной смерч» оказывается уже совсем близко до значения «вращение воды», «водоворот», хотя в этом значении δῖνος встречается крайне редко. Подобное определение находим у Элия Геродиана: σημαίνει δὲ δῖνος... συστροφὴν ὕδατος — «а означает δῖνος вращение воды» (De orth. Vol. 3.2, p. 492 Lentz), — и в схолиях к Арату: δῖνος — это κικλοτερῆς τοῦ ὕδατος φορά «круговое движение воды», возникающее на поверхности моря из-за кружащих морских ласточек (918). В приписываемых к корпусу Аристотеля «Проблемах» объясняется, что причиной исчезновения на море кораблей в ясную погоду — причем исчезновения полного, когда даже обломки не плавают на поверхности воды — является водоворот (δῖνος), который возникает, если в глубине под водой дно изобилует пещерами (932a).

В учениях философов δῖνος поднялось над уровнем простого природного вихря и стало обозначать вихрь космический, возникновение которого положило начало Вселенной. По мнению Анаксагора, именно вихрь, появившись по воле Ума, привел в движение первичную смесь «семян» всех вещей. Климент Александрийский

писал: «...Анаксагор первым поставил над вещами Ум, но и он не сохранил причины творящей, живописуя какие-то немислимые вихри (δίνους τινὰς ἀνοήτους) при полной бездеятельности и неразумности Ума» (Strom. II.4.2 = 59 A 57 DK). Демокрит полагал, что наш мир возник благодаря некоему спонтанному вихрю, внутри которого оказалась нарушена симметрия великой пустоты, и началась сортировка атомов: тяжелые атомы устремились к центру вихря, а легкие — к его периферии. Симпликий приводит такое высказывание Демокрита: «Вихрь (δίνων) разнообразных форм (то есть атомов) отделился от всего» (Phys. 327.24 = 68 B 167 DK). Не соглашаясь с Демокритом, Эпикур утверждает, что для образования мира недостаточно того, чтобы в пустоте возникло скопление атомов и вихрь (δίνων, Diog. Laert. X.90). И неоплатоник Дамаский не признает, что землю удерживает небесный вихрь (ὁ οὐράνιος δίνος, Phaed. 72).

Философские рассуждения о космическом вихре стали мишенью для насмешек критически настроенных поэтов и комедиографов. Одним из них был ученик Пиррона Тимон Флиунтский. Неполных три стиха из его поэмы «Образы» были процитированы Секстом Эмпириком, уверявшим, что благодаря скептическому расположению духа каждый, согласно Тимону, будет жить «очень легко со спокойствием, всегда безопасно и потому невозмутимо, не отдавая себя целиком вихрям сладкоречивой мудрости (δίνους ἠδουλόγου σοφίης)» (Adv. Math. XI.1). Так «космический вихрь» превратился в «вихри мудрости».

Но еще дальше пошел Аристофан в комедии «Облака», выведя на сцену Сократа, провозглашающего, что миром управляет теперь новый владыка, поскольку место Зевса занял небесный Вихрь (αἰθήριος δίνος, 380). Слушая своего наставника, пораженный Стрепсиад восклицает: «Вихрь? Это-то и ускользнуло от меня, что нет Зевса, а вместо него правит ныне Вихрь» (Δίνος; τουτί μ' ἐλελήθει, ὁ Ζεὺς οὐκ ὄν, ἀλλ' αὐτ' αὐτοῦ Δίνος νυνὶ βασιλεύων, 380–381). И потом уже сам Стрепсиад учит своего сына Фидиппида: «Вихрь царствует, изгнав Зевса» (Δίνος βασιλεύει τὸν Δί' ἐξέληλακῶς, 828). Когда же Фидиппид, с лихвой освоив новую премудрость, поднимает руку на самого Стрепсиада и отказывается почитать Зевса, повторяя прежние наставления Стрепсиада: «Вихрь царствует, изгнав Зевса» (1471), — то Стрепсиад с раскаянием пытается убедить сына в обратном: «Не изгнал, а я так думал из-за этого сосуда (διὰ τουτονὶ τὸν δίνων). О я несчастный, когда и тебя, глиняного, я почитал богом!» (1472–1474).

Используемую здесь Аристофаном игру слов невозможно точно перевести на русский язык. Ведь Стрепсиад в гневе на самого себя переключает свое внимание на глиняный сосуд, который по-гречески обозначался тем же самым словом *δῖνος*, что и вихрь, и получается, что Стрепсиад, почитая *δῖνος*, в итоге променял Зевса на обычный горшок. Автор схолий к «Облакам» делает и еще одно интересное наблюдение — с его точки зрения, Аристофан выбрал на роль нового правителя мира Вихрь из-за того, что его имя созвучно с именем Зевса: τὸν Δία — Δῖνον (381).

Движение по кругу может возникать не только в природе, но и в процессе человеческой деятельности. Где, как не в танце, например, люди сами специально двигаются по кругу? Поэтому через слово *δῖνος* обозначался и один из танцев — скорее всего, это был хоровод. Элий Геродиан (De orth. Vol. 3.2, p. 492 Lentz), Эротриан (s. v. *δῖνος*), Иоанн Филопон (De voc. s. v. *δῖνος* (Recen. b, c, d)), Etymologicum Magnum (s. v. *Δῖνος*), «Лексикон», приписываемый Иоанну Зонаре (s. v. *Δινωτή*), Additamenta in Etymologicum Gudianum (s. v. *Δῖνος*) определяют *δῖνος* как εἶδος ὀρχήσεως «вид пляски», и похожее определение дает Афиней: γένος ὀρχήσεως «род пляски» (XI.32 (467 f)). А патриарх Фотий уточняет: σχῆμα χορικόν «танец в хороводе» (Lex. s. v. *δῖνος*).

Поскольку при обмолоте зерна часто использовали волов, быков и лошадей, которых заставляли двигаться по кругу, то площадка для молотбы тоже обозначалась словом *δῖνος*. Согласно Афинейю, поэтесса Телесилла из Аргоса называла молотильный ток (τὴν ἄλω) *δῖνος* (XI.32 (467 f)). У Ксенофонта Сократ уверен, что, если молотильщики будут гонять животных по кругу и подбрасывать им под ноги то, что еще не обмолочено, они могут превосходно выровнять молотильный ток (ὁμαλίζοιεν ἂν τὸν δῖνον) и очень быстро закончить работу (Oec. 18.5). Также и Клавдий Элиан пишет о том, что летней порой после жатвы колосья обмолачивают на молотильном току (ἐν τῷ δῖνῳ, NA II.25), и во время молотбы быки ходят кругами по молотильному току (περὶ τὸν δῖνον, NA IV.25).

Вращение по кругу совершает при работе мастера циркуль и токарный станок. Их древние эллины тоже называли *δῖνος*. Поэтому многие схолиасты и грамматикки среди значений слова *δῖνος* обязательно указывают ὁ τῶνος — «циркуль», «токарный станок». Такое объяснение можно найти в схолиях к Гомеру (II. III.391b, XIII.407a) и к Аристофану (Nub. 380a, 380b), у Элия Геродиана (De fig. Vol. 3.2,

p. 847 Lentz), у Ориона (Etym. s. v. Δινατή), у Евстафия (Il. Vol. 1, p. 674, vol. 3, p. 495, vol. 4, p. 404; Od. Vol. 1, p. 351), в Etymologicum Magnum (s. v. Δῖνος), в Additamenta in Etymologicum Gudianum (s. v. Δῖνος) и в «Лексиконе», приписываемом Иоанну Зонаре (s. v. Δινωτή).

Некое мнимое вращение своего собственного тела или окружающих предметов ощущает человек при головокружении, поэтому для обозначения этого болезненного состояния также использовалось слово δῖνος. Приписываемый Иоанну Зонаре «Лексикон» объясняет: «δῖνος — это помрачение (σκότωσις), ведь кажется, что все видимое носится» (s. v. δῖνος). А грамматик Эротриан к этому определению добавляет еще и следующее: «и ὁ σκотоδῖνος («головакружение») то же самое обозначает, и ἡ σκотоδίνια» (s. v. δῖνος). Именно в этом значении можно встретить δῖνος в античных трудах по медицине. Так, Гиппократ в трактате «О ранах головы» наставляет врача в том, что помимо осмотра раны он должен осведомиться у раненого, «лишился ли он чувств, потемнело ли у него в глазах, испытывает ли он головокружение (δῖνος), и упал ли он» (11, ср. 14). А Гален дает такое разъяснение: «Всякий раз, когда кажется, что кружится голова, эта болезнь называется δῖνος, а когда вместе с этим еще и темнеет в глазах, зовется σκотоδῖνος» (Vol. 15, p. 804 Kühn).

Последнее значение δῖνος связано уже не столько с идеей вращения, сколько с кругом, очерчиваемым во время вращения, то есть с круглой формой. Словом δῖνος называли разные сосуды. В схолиях к Аристофану δῖνος определяется как «некий круглый и глубокий глиняный сосуд в Афинах» (Nub. 380b). Иоанн Филопон утверждает, что δῖνος — это ἀγγεῖόν τι «какой-то сосуд» (De voc. s. v. δῖνος (Recen. e)), а также, что это τὸ ποτήριον «кубок» (De voc. s. v. δῖνος (Recen. a)), и с этим согласен автор Additamenta in Etymologicum Gudianum (s. v. Δῖνος). Элий Геродиан (De orth. Vol. 3.2, p. 492), Etymologicum Magnum (s. v. Δῖνος) и «Лексикон», приписываемый Иоанну Зонаре (s. v. Δινωτή), слегка изменяют эту формулировку: δῖνος — это εἶδος ποτηρίου «вид кубка», — а «Суда» дает: βαθὺ ποτήριον «глубокий кубок» (s. v. δῖνος). Видимо, такой кубок имеет в виду Аристофан в «Осах» (618). Также и Селевк в доказательство того, что δεῖνος (другой вариант написания названия сосуда) — это ἐκλώματος γένος «вид чаши», приводит строки из комедии «Медея» Страттида: «Знаешь ли ты, о Креонт, на что похожа твоя макушка? Я знаю — на чашу (δεῖνω), перевернутую вверх дном» (Athen.

XI.32 (467e)). У Архедика в комедии «Неудачник» некий раб рассказывал о горбоносой гетере Никострате, которую прозвали Головокружением (Σκοτοδίην) за то, что она украдала в темноте (ἐν τῷ σκοτῷ) серебряную чашу (δεῖνον... ἀργυροῦν, Athen. XI.32 (467e–f)). Как видим, Архедик, подобно Аристофану в «Облаках», играет со значениями слова δῖνος, и название украденной чаши, соединяясь в прозвище с напоминанием о темном времени суток, когда была совершена кража, неожиданно превращается в название болезни.

В современной археологии диносом называют крупный керамический или металлический сосуд, суживающийся книзу, без ручек и ножки, который ставили на особую подставку [Robert, 1905]. Вероятно, именно такие диносы неоднократно упоминаются в надписях (IG II² 1534, 1695; XI.2 110–113, 115, 116 и т. д.), и именно о таком диносе писал Дионисий Синопский в «Спасительнице»: «огромный динос, вмещающий метрет» (т. е. 39,46 л, Athen. XI.32 (467d)). Использовали большие диносы либо, подобно кратеру, для смешивания вина с водой, либо для охлаждения вина — по крайней мере, Дионисий, ученик Трифона, в труде «О названиях» писал: «Древние называли сосуд для охлаждения вина (τὸν ψυγέα) диносом» (Athen. XI.109 (50 с)), — и ему вторит Поллукс: «Часто обсуждаемый сосуд для охлаждения вина (ὁ ψυκτήρ), который также называли диносом...» (VI.99).

Однако в Кирене большой сосуд, тоже известный как δῖνος, служил для совершенно иной цели. Это был таз для омовения ног — λοδοπιτήρ, о чем свидетельствуют Афиней со ссылкой на Филита Косского (XI.32 (467f)) и Евстафий (II. Vol. 4, p. 404).

Есть, однако, одно употребление слова δῖνος, для которого никакое из рассмотренных значений не может быть признано удовлетворительным. Афиней сохранил для нас фрагмент из труда Артемидора Эфесского (II–I вв. до н. э.), содержащий краткое описание прорицалища Аполлона в Суре: «Артемидор в десятой книге “Географии” говорит, что, как рассказывают местные жители, там бьет источник пресной воды, откуда возникают текущие струи (δίνας γίνεσθαι), и в наполняющемся водой месте появляются большие рыбы. Совершающие жертвоприношение бросают им первые части приносимых жертв, нанизав на деревянные вертела варёное и жареное мясо, ячменные лепешки и пшеничный хлеб. Называется же эта гавань и это место Динос (ὀνομάζεται δὲ ὁ λιμὴν καὶ ὁ τόπος οὗτος Δῖνος)» (VIII.8 (333f–334 a)). В этом отрывке Артемидор не использует

название Сура — скорее всего, оно было в самом начале рассказа об этом ликийском поселении, которое Афиней не счел нужным процитировать, — но, выделяя нижнюю прибрежную часть Суры, дает ей отдельное название Динос. В «Облаках» Аристофана δῖνος уже превращалось в имя собственное, в некий персонифицированный Вихрь. Но там эта трансформация строго следовала основной семантике слова. Объяснить же превращение δῖνος в топоним, которое оно претерпевает у Артемидора, исходя из общих принципов функционирования этого слова оказывается значительно сложнее. Видимо, поэтому Папе и составители нового древнегреческо-испанского словаря решили дать этот топоним отдельно от δῖνος и воздержались от его буквального перевода [Pape, 1911, S. 301; Adrados, 1997, s. v. Δῖνος].

Напротив, авторы недавно вышедшего русского перевода Афиней оказались не столь осторожными и перевели Δῖνος Артемидора как «Водоворот» [Афиней, 204, с. 417; ср. Афиней, 2010, с. 141]. Основанием для подобной трактовки послужило, вероятно, то, что из всех значений δῖνος именно значение «водоворот» показалось им наиболее связанным с морем и, соответственно, подходящим для названия гавани. Кроме того, к такому пониманию склоняло и используемое при описании мантического ритуала Суры существительное δῖνη, которое, следуя предлагаемому словарями значению, тоже было переведено ими как «водоворот».

Действительно, слово δῖνη присутствует в приведенном тексте Артемидора, и к нему же трижды прибегает в рассказе о прорицательнице Суры историк Полихарм из Навкратиса (II в. до н. э.), фрагмент из «Ликийской истории» которого также процитировал Афиней: «Не обойду я молчанием и мужей, предсказывающих в Ликии по рыбам, о которых свидетельствует Полихарм во второй книге “Ликийской истории”, пишущий следующее: “Ведь всякий раз, когда [прорицающие по рыбам] приходят к морю, в то место, где на берегу находится роща Аполлона, в которой на песке есть ручей (ἡ δῖνα), приходят туда и вопрошающие, неся с собой два небольших деревянных вертела с десятью кусочками жареного мяса на каждом из них. И жрец молча восседает у рощи, а вопрошающий бросает вертела в ручей (εἰς τὴν δῖναν) и издали наблюдает за происходящим. После того как вертела брошены, ручей (ἡ δῖνα) наполняется морской водой, и появляется такое множество разнообразных рыб, что поражаешься увиденному, а величина рыб такова, что их даже

следует остерегаться. Когда же служитель объявляет виды рыб, то таким образом вопрошающий получает от жреца прорицание относительно того, о чем он просил. Появляются же здесь морские окуни, главки, а иногда и киты или рыба-пила, а также много и невиданных рыб, и странных на вид» (VIII.8 (333d-f)).

Однако и для *δῖνῃ* у Артемидора и Полихарма значение «водорот» оказывается едва ли уместным. Чтобы разобраться с этой проблемой, необходимо рассмотреть вопрос комплексно, соединив результаты лексико-семантического анализа с представлениями о географических реалиях Суры.

Сура — небольшое поселение, возникшее, скорее всего, не позже архаического периода. Расположена Сура на южном побережье Ликии в 2 км к западу от знаменитого города Миры. Само поселение лежит на ровном плато на высоте 145 м над уровнем моря. С запада сразу за невысоким акрополем начинается крутой спуск в узкую долину, зажатую между холмом Суры и противоположным холмом. В античное время здесь был глубоко врезавшийся в сушу морской залив, превратившийся за столетия в заросшее тростником болото. На берегу в эллинистическое время был воздвигнут небольшой храм Аполлона, стены которого возвышаются сейчас среди болотной травы. У подножия холма Суры из скалы бьет полноводный пресный источник. Древние ликийцы, а за ними и эллины верили, что в нем обитал оракул — вещей дух этого места, богом-хозяином которого сначала почитался Созонт, а потом идентифицировавшийся с ним Аполлон. Сейчас воды источника текут через всю заболоченную лагуну, достигая при впадении в море размеров небольшой речки, а в античности они устремлялись к морю через прибрежный песок, вымывая в нем при впадении что-то вроде чаши, как это, по свидетельству Стефана Византийского, описал Полихарм: «...где ныне чаша моря, место, именуемое Сурийским (ὄλου νῦν φρέαρ θαλάσσης τόπος Σούριος καλούμενος)» (p. 582 Meineke). Именно возле этой «чаши», куда на брошенное угощение приплывали самые разные рыбы, и происходило вопрошение сначала Созонта, потом Аполлона. Правда, сам способ предсказания по рыбам никогда не был исконно греческим и восходит к мантическим ритуалам Анатолии, которые проводились уже во II тыс. до н. э. [Neumann, 1962, S. 205, Anm. 5].

Залив Суры, судя по тому, как легко он был перекрыт у устья прибрежными песчаными дюнами, никогда не был ни бурным,

ни глубоким. Воды источника, впадающие сейчас в открытое море, не образуют при этом никакого водоворота, поэтому едва ли какой-либо водоворот мог возникать в древности, когда мелкий залив принимал воды ручья, а не целой реки. Однако трудно проигнорировать свидетельства Полихарма и Артемидора — самые древние и самые полные из имеющихся в нашем распоряжении, — которые столь концентрированно используют однокоренные слова δίνη, δῖνος и δινάζω, что словно навязывают идею существования в Суре водоворота. Дело дошло даже до того, что историки и археологи, хорошо знающие географические особенности Суры, высказывают самые невероятные предположения в попытках найти никогда не бурливший здесь водоворот [Bean, 1962, p. 6; Bean, 1978, p. 132; Nollé, 2006, S. 515; Çevik, Öztürk, 2011, s. 96; Çevik, 2013, s. 100; Çevik, 2015, s. 396].

Однако, если взглянуть на всю проблему с другой стороны — признать существование водоворота научным мифом и пересмотреть наше понимание текстов Полихарма и Артемидора, — то найти правильное объяснение их свидетельств окажется гораздо проще. Анализ функционирования слова δίνη в произведениях античных и византийских авторов показывает, что применительно к водной стихии у него, помимо значения «водоворот», было еще одно весьма употребительное значение, которое в силу каких-то причин ускользнуло от авторов словарей. Δίνη — это «стремнина реки», «один из многочисленных потоков реки» и, в итоге, «единый поток реки», то есть «вся река в целом» [Приходько 2017(1)]. При этом присущая этому корню идея вращения вместо «статичного» вращения на одном месте в виде водоворота реализует себя как «динамичное» вращение переплетающихся и соединяющихся в единый поток струй, продолжающих свое непрерывное движение вперед к устью. Тогда оба античных историка, используя в своих повествованиях слово δίνη, писали не о водовороте — тем более что у Полихарма δίνη находится на песке (ἐπὶ τῆς ἀμάρθου), а не в море, — а просто о стремительном полноводном ручье.

Во всех значениях, связанных с явлениями природы, а не с человеческой деятельностью, интересующее нас существительное δῖνος являлось — и с этим согласны все авторы словарей — дублетом существительного δίνη, причем дублетом неравносильным и несравнимо более редким в употреблении. Значение «водоворот» встречается у δῖνος только один раз в приписываемых Аристотелю

«Проблемах» — этот контекст мы рассмотрели выше. Объяснение схолий к Арату, где сказано, что δῖνος — это «круговое движение воды», подразумевает вовсе не водоворот, а круги на поверхности моря, возникающие из-за кружащих над морем ласточек (918). Определение Элия Геродиана (*De orth.* Vol. 3.2, p. 492 Lentz) тоже не говорит строго о водовороте, поскольку слово ἡ συστροφῆ, неоднократно используемое схолиастами и грамматиками при толковании δῖνη, могло указывать не только на «вращение вод», но и на «скопление или соединение вод» [Приходько, 2017(1), с. 700–701]. Но полную синонимичность с δῖνη в значении «стремнина», «единный поток» подтверждает объяснение в *Additamenta in Etymologicum Gudianum*, где первым значением слова δῖνος дан не «водоворот», а именно «река»: «Δῖνος имеет пять значений: река (ὁ ποταμός), вид пляски и кубка, циркуль и внутренность» (s. v. δῖνος).

Получается, что, называя побережье залива Суры Динос, Артемидор едва ли хотел увековечить память о никогда не существовавшем там водовороте. Но и для текущего по песку из скалы в море ручья можно было бы подобрать более подходящее название. Почему же Артемидор остановил свой выбор именно на слове δῖνος? Попробуем найти причину такого решения.

Самой удивительной особенностью святилища Суры, безусловно, было углубление в устье ручья, куда во время мантического ритуала заплывали привлеченные жертвенным мясом рыбы, и для его описания оба историка выбрали совершенно непривычные для греческого языка слова и сочетания. Полихарм назвал его φρέαρ θαλάσσης — буквально «колодец с морской водой». Каждое из этих слов по отдельности использовалось в языке постоянно, но подобное соединение их в единое словосочетание принадлежит авторству Полихарма и ни до, ни после него больше ни у одного писателя не встречается. Артемидор, рассказывая об углублении в устье ручья, сначала создает глагол δῖνάζω — настоящий гапакс, более ни в одном литературном произведении не зафиксированный [Приходько 2017(2)], — и говорит, что «рыбы появляются ἐν τῷ δῖνάζοντι τότῳ — в наполняющемся водой месте», а затем добавляет, что и само это место называется Динос. Полихарм, правда, в этом Артемидору уступает: он не предлагает новых географических названий и ограничивается более традиционным τόπος Σούριος — «место Сурийское». Именно оно и поможет нам разобраться в этом «водовороте» нововведений.

Название поселения Сура (ή Σούρα) не принадлежит по своему происхождению древнегреческому языку. В ликийских надписях оно тоже не зафиксировано. Однако над входом в ликийскую скальную гробницу, расположенную на склоне акрополя Суры, вырезана длинная надпись на ликийском языке, согласно которой, эту гробницу воздвиг для себя, своей жены и детей некий человек по имени Mizretije, определивший также размеры штрафа для того, кто посмеет нарушить его покой. В тексте этой надписи трижды использовано прилагательное Surezi — «Сурийский» (TAM I. 84. 1, 3, 7), ликийский вариант греческого эпитета Σούριος [Neumann, 1962, S. 205; Zgusta, 1984, S. 583–584; Melchert, 2004, p. 59].

Происхождение топонима «Сура» было изучено Г. Нойманном [Neumann, 1962, S. 204–207], который обратил внимание на то, что прилагательное Surezi имеет в корне гласный *e* и потому отличается от прилагательных, имеющих в корне гласный *a*, типа *sppartazi* — «спартанец», *atāna[zi]* — «афинянин». Из этого следует, что оно восходит не к ликийской основе *sura-, а к основе *sure- или *suri-, родственной хеттскому глаголу *šuca-* (med.) «наполняться, пучиться». В свою очередь хеттский глагол *šuca-* образован, скорее всего, от индоевропейского корня *seu- (4) «кипеть, быть сильно взволнованным», производными которого, в частности, являются, согласно словарю Покорного [Pokorny, 1959, S. 914–915], др.-швед. *saufn* «бьющий ключом источник», др.-исл. *seuð* «бурлящая вода», а также добавляемое Нойманном ср.-верх.-нем. *sōt* «родник, колодец».

Тогда название «Сура» восходит, по мнению Нойманна, к древнему *poen actionis šuca-цар* «набухание, вздутие» и первоначально означало «*sprudelnde Quelle, Schwall*» — «бьющий ключом источник, поток», а греческие слова *Δῖνος* и *δίην* должны рассматриваться как калькированный перевод на древнегреческий язык ликийского *sure/i-*.

Получается, что первоначально название «Сура» принадлежало не самому поселению — поселения в момент возникновения этого названия еще не было, — а именно бьющему у берега источнику и даже точнее — вещему духу, обитавшему в этом источнике. Ведь неслучайно Геродиан (Vol. 3.1, p. 259 Lentz), цитируя, скорее всего, кого-то из предшественников, а позже и Стефан Византийский (p. 582 Meineke) утверждали, что Сура — это *μαντεῖον Λυκίας*, то есть «оракул Ликийи», «вещий дух Ликийи». История разных народов знает много случаев, когда город получал название по имени реки,

на берегах которой он был основан. Что-то подобное произошло и в Суре. Возникшее на верхнем плато возле вещего источника поселение получило то же самое имя, что и привлечший сюда людей источник. Столетия спустя пришедшие в этот регион эллины, сохранив древнее название поселения, попытались перевести на свой язык хотя бы имя источника. Ликийскому названию «Сура» по семантике корня больше всего соответствовали, с их точки зрения, греческие слова δίνη и δῖνος с их значением «стремительный поток». Выбор пал на δῖνος — возможно, в силу того, что, будучи более редким по употреблению, оно не звучало столь буднично и «нарицательно», как δίνη, а потому более походило на имя собственное. Так в результате этого перевода источник Суры обрел новое имя Динос.

Трудно сказать, функционировало ли это название в античности или было создано творческим порывом Артемидора, но в любом случае оно было принято научным миром, и в Real-Encyclopädie [Robert, 1905] и в собрании гидронимов Малой Азии И. Тишлера [Tischler, 1977, S. 49] источник Суры выступает под именем Динос.

Библиография

- Афинеи*. Пир мудрецов. В 15 кн. Кн. I–VIII / Изд. подгот. Н. Т. Голинкевич, М. Г. Витковская, А. А. Григорьева, О. Л. Левинская, Б. М. Никольский. М.: Наука, 2004. 655 с.
- Афинеи*. Пир мудрецов. В 15 кн. Кн. IX–XV / Пер. Н. Т. Голинкевич. М.: Наука, 2010. 597 с.
- Приходько Е. В.* Об одном не учтенном словарями значении слова δίνη // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXI (чтения памяти И. М. Тронского) / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2017. С. 698–713.
- Приходько Е. В.* Что побудило Артемидора создать глагол δινάζω? // Проблемы ближней и дальней реконструкции / Под ред. В. К. Казаряна. М., 2017. С. 308–317.
- Adrados F. R.* Diccionario Griego-Español / red. bajo la dirección de F. R. Adrados por E. Gangutia, D. Lara, C. Serrano, J. R. Somolinos y otros colaboradores. Vol. V: [δαίνυμι — δῖνυχος]. Madrid: Madrid Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1997. XXXVIII p, p. 865–1135.
- Bean G. E.* Report on a Journey in Lycia 1960 // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. 1962. 99. № 2. P. 4–10.
- Bean G. E.* Lycian Turkey. An archaeological Guide. London: Ernest Benn Limited; New York: W. W. Norton and Company inc., 1978. 197 p.
- Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek / with the assistance of L. van Beek. Leiden; Boston: Brill, 2010. Vol. 1–2.

- Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1. A — Δ. Paris: Éditions Klincksieck, 1968. 305 p.
- Çevik N.* Myra'nın kehanet merkezi: Sura. Myra's prophecy center // Antalya. 2013. Mayıs / Haziran. S. 98–102.
- Çevik N.* Lykia Kitabı. İstanbul, 2015. 576 s.
- Çevik N., Öztürk H. S.* Sura Likya'da Bir Kehanet Merkezi // Aktüel Arkeoloji. 2011. 22. S. 90–97.
- Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. A — Ko. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960. 938 S.
- Liddell H. G., Scott B.* A Greek-English Lexicon / revised and augmented throughout by H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie and with cooperation of many scholars. 9th ed. Oxford: Clarendon press, 1996. 2042 p.
- Melchert H. C.* A Dictionary of the Lycian Language. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press, 2004. 138 p.
- Neumann G.* Beiträge zum Lykischen II // Die Sprache. 1962. 8. S. 203–212.
- Nollé J.* Königliches Gefolge beim Fischorakel von Sura // III. Likya Sempozyumu 07–10 Kasım 2005. Antalya. Sempozyum Bildirileri. — The III Symposium on Lycia 07–10 November 2005. Antalya. Symposium Proceedings. Antalya, 2006. Vol. 2. S. 515–522.
- Pape W.* Handwörterbuch der Griechischen Sprache. 3. Aufl. / bearbeitet von G. E. Benseler. Bd. 3. A–K. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedr. Vieweg & Sohn, 1911. 1710 S.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern; München: Francke Verlag, 1959. 348 S.
- Robert C.* Dinos // RE. 1905. Bd. 5, Hbd. 10. Sp. 655.
- Tischler J.* Kleinasiatische Hydronymie. Semantische und morphologische Analyse der griechischen Gewässernamen. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1977. 191 S.
- Zgusta L.* Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1984. 745 S. (Beiträge zur Namensforschung. N. F.; Beiheft 21).

КОРАБЕЛЬНЫЙ ТАРАН ЭПОХИ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА ИЗ ФАНАГОРИИ

Сапрыкин Сергей Юрьевич
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва
Институт всеобщей истории РАН, Москва*

A NAVAL RAM OF THE MITHRIDATES' EUPATOR EPOCH FROM PHANAGOREIA

Saprykin Sergey Yuryevich
M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация: статья посвящена идентификации корабельного тарана, найденного при подводных работах в Фанагории. Автор приводит ряд аргументов, которые противоречат определению тарана как части оснастки корабля времени Митридата Евпатора, как предлагается в публикации этой находки. Против этого говорят хорошая сохранность тарана и пятиконечная звезда-солнце и полумесяц, которые, вопреки мнению авторов первой публикации, не могут являться эмблемой или символом митридатовской династии, не предусматривавшими пятиконечной звезды. Скорее всего таран относится к кораблю эпохи Османской империи, где такой символ использовался во флоте в XVIII в.

Ключевые слова: таран, Митридат Евпатор, звезда и полумесяц, Мен, Клеопатра, Фанагория, Понтийское царство, Боспор.

Abstract: the article is devoted to the identification of a naval ram, discovered in course of the submerged archaeological research in the Bosporan city of Phanagoreia. The author argues the attribution of the ram as part of the ship's equipping, dated to the time of Mithridates Eupator, King of Pontus, as proposed in the publication of this ram. Its good preservation and a 5-ray star (sun) with crescent speaks against the conclusion that it could be the dynastic symbol of the Mithridatids of Pontus, as the royal emblem there didn't envisage the 5-ray star. Highly likely the ram could belong to the ship of the Ottoman empire where such kind of emblem was used in fleet in the 18th century.

* 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; ancient@hist.msu.ru; mithridates@mail.ru

Keywords: ram, Mithridates Eupator, star and crescent, Men, Cleopatra, Phanagoreia, The Kingdom of Pontus, Bosphorus.

В 2014 г. во время подводных археологических работ в затопленной части Фанагории был обнаружен бронзовый таран военного корабля длиной 89,5 см и высотой 44 см. Несмотря на длительное пребывание в воде, его сохранность весьма хорошая — он покрыт лишь тонким слоем патины черного цвета, сквозь которую просматривается зеленоватая патина бронзы (*рис. 1*). Таран лежал на дне рядом с кораблем небольшого размера у его носовой части. В публикации тарана в каталоге выставки «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства» (Москва, 2017, с. 399, кат. № 362) говорится, что этот небольшой таран принадлежал кораблю малого размера. Таран «отличается от наиболее распространенного типа корабельных таранов с широкой ударной частью в форме “трезубца”, которые запечатлены на монетах, фресках, рельефах» — пишет автор этой заметки в каталоге Ю. Кузьмин. Он отмечает, что таран мог быть частью судовой оснастки одного из кораблей, которые Митридат Евпатор в 63 г. до н. э. послал в Фанагорию, чтобы вывести оттуда свою дочь Клеопатру, так как город был охвачен восстанием. Аппиан, рассказывая об этом эпизоде из жизни понтийского царя накануне его смерти, сообщает, что Митридат VI Евпатор послал на помощь Клеопатре, оказавшей сопротивление восставшим, «много бирем» — двухрядных судов (*App. Mithr. 108*). Одной из этих бирем якобы и мог принадлежать данный таран.

Атрибуция тарана кораблю времени Митридата Евпатора основывается главным образом на отчетливо заметном символе — пятилучевой звезде и полумесяце, которые помещены на месте соединения двух лопастей тарана, переходящих собственно в таранную стрелу. При этом с уверенностью утверждается, что это символика династии понтийских царей и самого Митридата Евпатора. Следует, однако, заметить, что автор публикации обращает внимание на несоответствие количества лучей звезды-солнца на таране традиционной символике митридатовской династии, которая предусматривала ее изображение с «шестью, семью (*sic!* — *C. C.*) или восемью лучами». Тем не менее он отмечает, что таран был изготовлен в царской мастерской, но не указывает на принадлежность судна понтийскому царю.

Характеристика и датировка тарана I в. до н. э. вызывают большие сомнения. Они возникают сразу, как только начинаешь пристальнее

рассматривать данный предмет: в глаза бросается его идеальная сохранность, не свойственная изделию из бронзы, которое находилось на дне моря более двух тысячелетий. Металл, как указано в сопроводительном тексте под фотографией тарана в каталоге, «лишь частично минерализован», сохранность бронзы превосходная, на поверхности патина сохранилась почти идеально, таран почти не изъеден моллюсками и морской солью, не покрыт ракушками и биологическими остатками (они заметны только на его внутренней части). Все это заставляет предполагать, что таран находился в воде не две тысячи лет, а намного меньше.

Особенно серьезные сомнения в определении тарана как части оснастки корабля, принадлежавшего понтийскому или боспорскому флоту Митридата Евпатора, вызывает наличие пятилучевой звезды и полумесяца как династического символа или герба Понта эпохи Митридатидов. Данный символ понтийской династии, известный по монетным изображениям, состоял из 8-лучевой звезды-солнца и полумесяца. Впервые 8-лучевая звезда вместе с полумесяцем появляется на понтийских монетах Митридата III 220–200 гг. до н. э., затем уже во II в. до н. э. на царских монетах Фарнака I, Митридата IV Филопатора Филадельфа. Без полумесяца, но с шестью лучами, звезду-солнце находим на золотой монете царицы Лаодики, вдовы-сестры Фарнака I и Митридата IV Филопатора Филадельфа. На ней она не являлась царским знаком, а символизировала плодородие, изобилие и благополучие, достигнутое благодаря правлению царицы и ее братьев, так как звезда помещена над рогом изобилия [WBR II, 1, pl. I, 2–12; de Callataÿ, 2009, p. 66–79]. Восьмилучевая звезда и полумесяц появляются на царских монетах Митридата Евпатора [de Callataÿ, 1997, pl. I–XIV; ср. WBR II, 1, pl. II, 1–15; III, 1–6; pl. suppl. A, 11–14; pl. suppl. B, 1–13; pl. suppl. G, 1–6.]. Она же, иногда в паре с полумесяцем, выбита на реверсе так наз. анонимных монет Понта с изображением мужской или юношеской головы в кирбасии или одной кирбасии [WBR II, 1, pl. suppl. M, 10–24; SNG BM 922–984]. Такая же восьмилучевая звезда над полумесяцем украшает голову Митридата VI во фригийской шапке на боспорских монетах Пантикапея, Фанагории и Горгии первой половины I в. до н. э., на которых царь представлен в образе Мена, фригийского бога месяца [Анохин, 1986, таб. 7, 201; Frolova, Ireland, 2002, pl. VIII, IX, 1–4.]. Династическая эмблема Митридатидов — 8-лучевая звезда над полумесяцем — изображена на золотых статерах боспорской царицы

Динамии, дочери Фарнака I и внучки Митридата Евпатора [Анохин 1986, таб. 10, 253, 254]. А тиара этой царицы на так называемом бюсте Динамии из поселения Широкая Балка близ Новороссийска украшена инкрустированными серебряными 8-лучевыми звездами [Ростовцев, 1916, с. 1–31; Соколов, 1999, с. 431, № 306]. Восьмилучевая звезда запечатлена на монетах времени боспорского архонта Асандра, который, благодаря браку с Динамией, оказался причастным к династии Митридатидов [Анохин, 1986, таб. 9, № 226, 227; Frolova, Ireland, 2002, pl. XXV, 5]. Такая же символика в виде надчеканки встречается на монетах Херсонеса Таврического середины I в. до н. э. над головой мужчины (Асандра, Фарнака II?) [Анохин, 1977, таб. XIII, № 199]. В трех последних случаях это не герб династии и не ее эмблема или символ, а скорее знак, означавший благоденствие и счастье, как было принято выражать их в атрибутике некоторых монет греческой и римской чеканки (ср., например, монеты понтийского царя Полемона I, на оборотной стороне которых восьмиконечная звезда-солнце: [WBR II, 1, pl. III, 7]). Как бы то ни было, но обязательным элементом царской эмблемы Митридатидов всегда была 8-лучевая звезда-солнце, но никак не пятилучевая звезда.

В ряде случаев звезда вкупе с полумесяцем имеет шесть лучей. Подобный символ встречается на боспорских медных монетах рубежа эр с монограммой ВАМ и головой бога солнца Гелиоса. С высокой долей вероятности их можно отнести к чекану Аспурга, праправнука Митридата Евпатора, сына Динамии, до получения им царского титула в 13 г. н. э. На монетах с монограммой ВАЕ, также возможно

Рис. 1. Таран из Фанагории

относящихся к чекану Аспурга в этот период и воспроизводящих звезду-солнце и полумесяц вместе с головой Гелиоса [Фролова, 1989, 3–5; Сапрыкин, 2002, с. 149, 150], звезда имеет восемь лучей [Анохин, 1986, таб. 10, 270; таб. 11, 284; Frolova, Ireland, 2002, pl. XXIV, 18; XXXIX, 18–22]. Шестилучевая звезда над полумесяцем вычеканена на золотой пластине из Горгииппии с изображением бога Гелиоса на колеснице, запряженной четырьмя конями, колеса которой украшают звезды-солнца с шестью лучами [Неверов, 1982, рис. 5, 21]. На пластине, как предполагается, был изображен Аспург в образе бога Гелиоса-Митры [Сапрыкин, 1983, 68–78]. Поскольку упомянутые монеты и золотую пластину относят к этому боспорскому правителю как династу, впоследствии царю Боспора, то 6-лучевую звезду и полумесяц на них можно увязать с культом солнечного бога Гелиоса-Митры, а 8-лучевую звезду и полумесяц — с династической эмблемой Митридатидов, представителем которой на Боспоре являлся Аспург. Из этого следует, что шестилучевая звезда и полумесяц и восьмилучевая звезда и полумесяц по значению и семантике близки друг другу — это эмблема царей династии Понта и постмитридатовского Боспора времени Динамии и Аспурга, которая выражала связь с лунарно-солнечными богами, как было установлено еще во времена понтийских Митридатидов. Она способствовала отождествлению царей с лунарно-солнечными божествами, что было принято еще на древнем Востоке, а впоследствии стало основой для обожествления Митридата Евпатора. В этой религиозно-идеологической парадигме, восходящей к почитанию небесных светил, свет солнца (или крупных звезд) на различных памятниках культа воспроизводился как 6- или 8-лучевая звезда-солнце и полумесяц, но не изображался как свет 5-лучевой звезды. Династическая эмблема Митридатидов, согласно канонам древнеиранской религии, выражала победу светлого начала над темными и злыми силами, что и стало основанием для почитания царской власти [Michels, 2009, S. 187–189; Сапрыкин, 2016, с. 389; 2017, с. 302–304].

Восьмилучевая звезда над полумесяцем — традиционный символ или родовой герб царей Понтийской Каппадокии и постмитридатовского Боспора. Его семантика строго отражала устоявшееся положение символов — 6- или 8-лучевая звезда всегда располагалась над полумесяцем. На портрете Митридата Евпатора в образе Мена на боспорских монетах она визуальна расположена как бы перед полумесяцем, что было сделано монетариями по условиям места, чтобы

обозначить ее постоянное положение над лунным символом. Ведь если рассматривать портрет *en face*, а это явно статуарное изображение царя, звезда оказывалась над луной. Однако на таране положение символов совершенно иное — звезда помещена перед полумесяцем. Если бы это был понтийский герб, звезда в обязательном порядке фиксировалась бы над полумесяцем, тем более что пространство для этого на таране имеется. На таране мы видим, скорее всего, оттиск заготовки, по которой производилась чеканка, поэтому не исключено, что изображение было ретроградным. Но в обоих вариантах это полностью противоречит положению символов в гербе Понта. Как убедительно показала Л. Шумерер, эмблематика митридатовской династии связана с культом фригийского лунного бога Мена, почитавшегося в Анатолии, поэтому со времени Фарнака I в царский пантеон богов был включен культ Мена-Фарнака и с этого времени понтийские цари давали клятву, упоминая это божество [Summerer, 1995, S. 305–313; ср. Сапрыкин, 2016, с. 389]. Однако восьмиконечная звезда-полумесяц появились на понтийских монетах ранее официального введения в царский пантеон Мена-Фарнака. Поэтому К. Михельс отметил, что звезда и полумесяц на митридатовских монетах как династическая эмблема имеет синкретический характер — она может быть связана с солнечно-лунарными богами персов (Ахура-Маздой, Митрой), греческими божествами Артемидой, Гелиосом, Сераписом [Michels, 2009, S. 187–189; ср. Сапрыкин, 2016, с. 389; 2017, с. 302–304]. Поэтому в эмблеме династии царей Понта использовали как 6-лучевую, так и 8-лучевую звезду. Это подтверждается протомой Мена из Амиса, на которой представлена мужская голова, увенчанная восьмилучевой звездой и полумесяцем и двумя розетками в виде шестилучевых звезд по сторонам [Summerer, 1999, S. 58–60, Kat. В I, 1, taf. 17; Сапрыкин, 2009, с. 151]. В культе Мена-Фарнака, вошедшего в царский пантеон, когда стала формироваться идеология отождествления царей Понта с наиболее почитавшимися богами, включая эллинские, означенный герб олицетворял уже царский культ Мена-Фарнака [Traver, 2003, p. 257; Erguys, 2006, p. 131]. Его символика означала победу светлого над темным, как и в религии персов, что давало возможность представить царей дарителями счастья и благополучия, что было свойственно еще правителям древней Месопотамии [Naster, 1976, p. 437–442; Summerer, 1995, S. 305; Сапрыкин, 2016, с. 389]. Поэтому в династической эмблеме Митридатидов звезда всегда имела

восемь лучей, что подтверждается монетой города Фарнакии, основанной Фарнаком I, на которой бюст Мена в сопровождении полумесяца и 8-лучевая звезда [WBR II, 1, pl. XIV, 15]. На постмитридатовском Боспоре шестилучевая звезда как реинкарнация древнего герба Понта и его династии могла использоваться уже в результате синкретизма Гелиоса и Митры, что послужило причиной изображать звезду-солнце с шестью лучами. Ведь Митридата Евпатора отождествляли не только с Меном, но и с Гелиосом [Сапрыкин, 2009, с. 301, рис. 104]. Поэтому вполне допустимо предположение, что на Боспоре, где к власти стремился Аспург, потомок Митридата VI, шесть лучей звезды-солнца — части герба его предков — выражали связь с Гелиосом-Митрой [Ustinova, 1998, p. 270–274], поскольку на престоле Понта находились шесть царей с именем, в основу которого было положено имя этого иранского солнечного божества. Месяц же отражал традиционную связь с Меном-Фарнаком. Отождествление с Гелиосом-Митрой повышало шансы Аспурга получить престол в Боспорском государстве.

Все вышесказанное говорит о том, что пятиконечная звезда и расположение солярно-лунарных символов на таране из Фанагории по семантике и религиозно-идеологическому значению не вписываются в эмблематику герба и династическую символику царей Понта и постмитридатовского Боспора. Это означает, что звезда и полумесяц на таране, скорее всего, не имеют отношения к понтийской митридатовской политике и идеологии, а корабль, частью которого был таран, не входил в состав эскадры судов, посланных Митридатом Евпатором в 63 г. до н. э. в Фанагорию на помощь Клеопатре.

В эпоху эллинизма, начиная с середины III в. до н. э., прора военных кораблей имела в основном трехчастные тараны. Они использовались до римской эпохи, так как таранные атаки судов были частью морской тактики ведения боя. Подобный тип таранов засвидетельствован на монетах Боспора конца II в. до н. э. [Петерс, 1982, с. 63, 64, рис. 15], а также при Митридате Евпаторе и Асандре как на меди, так и на золоте. Обращают на себя внимание тройные тараны на монетах Фанагории и Агриппии (Фанагории) [Анохин, 1986, с. 191, 221–225; см. также Петерс, 1982, с. 90, 91]. Их использовали на галерах — квадриремах, а также на двух- и однопалубных кораблях. Были и одночастные тараны [Casson, 1995, fig. 120–123], но они отличаются от фанагорийского экземпляра тем, что имеют более

заостренный конец [Casson, 1995, fig. 109, 110, 115]¹, тогда как у тарана из Фанагории ровный перпендикулярно обрубленный конец. В первые века нашей эры таран исчез из обращения и был заменен выступом типа шипа или шпоры, пристроенным на уровне палубы. Он мог служить как тараном, так и использоваться при причаливании судна к берегу [Casson, 1995, p. 110–153]. Поэтому вполне вероятно, что таран из Фанагории являлся как раз таким приспособлением, которое крепилось на носу корабля, скорее всего галеры. Нельзя исключить, что в силу хорошей сохранности тарана и нанесенной на него семантики звезды и полумесяца, не являвшихся династической эмблемой царей Понта, корабль, для которого он предназначался, принадлежал турецкому османскому флоту.

В Османской империи флаг со звездой и полумесяцем (пятилучевая (пятиконечная) звезда — полумесяц) считались морской эмблемой и использовались во флоте с 1793 г., а в качестве герба государства в XVIII в., хотя существуют доказательства его появления намного раньше. Это исламский символ, который засвидетельствован с XII–XIV вв., а полумесяц вообще появился в исламе в X–XI вв. [Бартольд, 1966, т. 6, с. 489–491] и попал на турецкие флаги до 1453 г. Шестилучевая звезда фигурировала на турецких знаменах еще в начале XIV в. Турки-сельджуки заимствовали звезду и полумесяц у византийцев как эмблему своего суверенитета после взятия Константинополя [Laiou, Mottahedeh, 2001, p. 278; ср. Hickman, 1992, p. 108–110], так как предшественники Византии, жители греческого города Византия, считали восьмиконечную звезду и полумесяц священными символами богини Артемиды Фосфоры, которая своим божественным светом не раз спасала их город. Поэтому они поместили их на монеты I в. до н. э. [BMC Thrace 40; Schönert-Geiss, 1970–1972, no. 1960]. На официальном национальном флаге Османской империи 6- и 8-конечная звезда — полумесяц помещались с 1844 г., а 5-лучевая звезда с 1857 г. [Colton, 1862]. После распада Османской

¹ Ср., например, граффити с изображением эллинистических кораблей I в. до н. э. на Делосе, рисунок родосского корабля этого же времени с приспособлением для огневой атаки, модели финикийской триремы IV–III вв. до н. э., рельеф с изображением персидской триремы (Casson, 1995, fig. 103–105, 109, 110, 115). Существовали такие тараны и на Боспоре, как показывает изображение носа корабля со стоящей Никой на фронте рельефа из Пантикапея II в. до н. э. Таран на рельефе имеет скошенный конец, что позволило сделать его нижнюю часть более острой (Петерс, 1982, с. 82, 83, рис. 17).

империи мусульманские страны, образовавшиеся на ее бывших территориях, включили эти символы в качестве национальных эмблем на свои собственные флаги.

Завоевав Константинополь, турки активно использовали корабли, морскую технику и тактику, которой пользовались византийцы, заимствовавшие их у греков и римлян. Галеоны и галеры, вооруженные таранами, состояли на вооружении флота до конца XVI в., а корабли, оснащенные продолговатыми выступами типа шпор до XVIII в. Известны турецкие небольшие галеры, нос которых украшают продолговатые или острые выступы, как на кораблях римлян и византийцев. Поэтому мы предполагаем, что небольшое судно, найденное в районе Фанагории, в оснастку которого мог быть включен так называемый таран, принадлежало турецкому флоту и датируется, вероятно, XVIII в. или ранее. На это указывает и хорошая сохранность тарана, который мог быть сделан значительно позднее событий на Боспоре в 63 г. до н. э. и оказался на дне Таманского залива совсем в другое время.

Библиография

- Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977. 175 с., 16 л. ил.
- Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наук. думка, 1986. 178,[4] с., [19] л. ил.
- Бартольд В. В.* К вопросу о полумесяце как символе ислама // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и арабского халифата. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1966. С. 489–491.
- Неверов О. Я.* Нерон-Юпитер и Нерон-Гелиос // Художественные изделия античных мастеров. Л.: Искусство, 1982. С. 101–110.
- Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982. 209 с.: ил.
- Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. Вып. 25. С. 1–31.
- Сапрыкин С. Ю.* Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. 1983. № 1. С. 68–78.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 269, [2] с.: ил.
- Сапрыкин С. Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
- Сапрыкин С. Ю.* Культ царя и царские культы в Понте и на Боспоре // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. М.; СПб.: РХГА, 2016 (Труды исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, 82; Серия II: Исторические исследования, 39). С. 380–450.

- Сапрыкин С. Ю.* Иранские традиции в политике, идеологии и культуре Понтийского царства // *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* Вып. 6. М.: Собрание, 2017. С. 280–310.
- Сколов Г. И.* Искусство Боспорского царства. М.: Изд-во МЭИ, 1999. 529 с., [58] л. ил.: ил.
- Фролова Н. А.* Медные монеты Боспора I в. до н. э. — начала I в. н. э. // *НЭ.* 1989. Т. 15. С. 3–18.
- Callataÿ F. de.* L'histoire des guerres mithridatiques: vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve: Seiminaire de numismatique Marcel Hoc Colleige Erasme, 1997. XII, 480 p., LIV p. de pl.: ill.
- Callataÿ F. de.* The First Royal Coinages of Pontos (from Mithridates III to Mithridates V) // *Mithridates VI and the Pontic Kingdom / Ed. J. M. Højte.* Aarhus: Aarhus University Press, 2009. P. 63–94.
- Casson L.* Ships and Seamanship in the Ancient World. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University Press, 1995. XXVIII, 470 p.: il.
- Colton J. H.* Delineation of Flags of All Nations. L.: J. H. Colton, 1862. [11] leaves: color illustrations
- Erciyas D. B.* Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithradatids. Leiden, Boston: Brill, 2006. XXIII, 210 p.: illustrations, maps. (Colloquia Pontica; 12).
- Frolova N. A., Ireland S.* The Coinage of Bosporan Kingdom: From the First Century B.C. to the Middle of the First Century A.D. Oxford: J. and E. Hedges: Archaeopress, 2002. 94 p., xii p. de pl.: ill. (BAR International Series; 1102).
- Hickman W. C.* (ed.). Mehmed the Conqueror and His Time. Princeton: Princeton University Press, 1992. XX, 549 p., XXIV p. of pl.: ill., maps. (Bollingen Series; 96).
- Laiou A. F., Motthede R. P.* The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World. Dumbarton Oaks: Harvard University Press, 2001. VI, 297 p.: ill.
- Michels Ch.* Kulturtransfer und monarchischer Philhellenismus: Bithynien, Pontos und Kappadokien in hellenistischer Zeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 439 S.: Ill., Karten. (Schriften zur politischen Kommunikation, 4).
- Naster P.* La motif astral inscrit dans un croissant sur le sceaux et les monnaies de Mésopotamie // *Festoen.* Opedragen aan A. N. Zadoks-Josephus Jitta bij haar zeventigste verjoardag. Groningen/Bussum, Tjeenk Willink/Fibula, 1974. P. 437–442.
- Schönert-Geiss E.* Die Münzprägung von Byzantion. Bd I. B.: Akademie-Verlag, 1970–1972.
- Summerer L.* Das pontische Wappen. Zur Astralsymbolik auf den pontischen Münzen // *Chiron.* 1995. Bd. 25. S. 305–313.
- Summerer L.* Hellenistische Terrakotten aus Amisos. Stuttgart: F. Steiner, 1999. 232 S., 64 Taf. (Geographica Historica, 13).
- Traver A. G.* From Polis to Empire, the Ancient World, c. 800 B.C. — A.D. 500: A Biographical Dictionary. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2003. XXVII, 448 p.
- Ustinova Y.* The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Leiden; Boston: Brill, 1998. VIII, 338 p. (Religions in the Graeco-Roman world; 135).

«...ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ ВСЕХ МАКЕДОНЯН,
КТО ВЫУЧИЛ ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК»: ПЕВКЕСТ В КОНТЕКСТЕ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ О ВОЙНАХ ДИАДОХОВ*

Смирнов Святослав Викторович
Институт всеобщей истории РАН, Москва**

'ALONE OF THE MACEDONIANS LEARNT THE PERSIAN
LANGUAGE': PEUCESTAS IN THE CONTEXT
OF TRADITION ON THE WAR OF DIADOKHI

Smirnov Svyatoslav Viktorovich
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация: В статье рассматривается вопрос конструирования в литературной традиции эпохи раннего эллинизма образа диадоха Певкеста как приверженца персидских традиций.

Ключевые слова: эллинизм, Александр Македонский, Певкест, диадохи.

Abstract: the paper focuses on the constructing by the early Hellenistic literary tradition the character of Diadoch Peucestas as a Macedonian, who adopted Persian lifestyle.

Keywords: Hellenism, Alexander the Great, Peucestas, Diadochi.

История «малых» диадохов, современников и соратников Александра Македонского, представленных античной традицией в качестве второстепенных и малозначительных персонажей эпохи раннего эллинизма, представляет для исследователя уникальный научный опыт. Традиционно в историографии эпохи эллинизма термин *диадохи* признается общепринятым для обозначения исторических лиц, унаследовавших империю Александра Македонского после его смерти. Во многих словарях и лексиконах, как классических, так и опубликованных совсем недавно [Lexicon des Hellenismus, 2005, S. 239–243], понятие *диадохи* определяется однозначно — полити-

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 17-31-01061-ОГН.

** 119334, Москва, Ленинский просп., 32 А, 1501, Институт всеобщей истории РАН; dir@igh.ru

ческие наследники Александра Македонского, т. е. те представители его окружения, кто вступил в борьбу за власть над территорией бывшей державы Александра после его смерти. По сути, понятие *диадочи* настолько широко вошло в научный оборот, что для большинства исследователей а priori не требует особых пояснений или комментариев.

Вместе с тем текущая ситуация вокруг термина *диадочи* полностью повторяет сложившуюся еще в античности традицию понимания этого понятия, требующую, как кажется, некоторых комментариев. Во-первых, согласно устоявшейся традиции, к числу *диадочов* принято относить только самых заметных исторических деятелей эпохи. Не вызывает никаких сомнений, что *диадочами* можно назвать Птолемея, Кассандра, Антигона Одноглазого, Пердикку, Лисимаха, Селевка и еще около двадцати персонажей истории раннего эллинизма. Все эти политики и полководцы, без сомнений, являлись главными действующими лицами своего времени, так сказать, «лицом эпохи». Однако данные просопографии показывают, что под данное определение могут без всяких условностей попасть более семидесяти (!) политических деятелей раннего эллинизма [Berve, 1926].

Во-вторых, большую роль при определении того или иного исторического персонажа как *диадоча* играет фактор «приближенности к Александру». Считается, что к *диадочам* можно причислять в первую очередь тех политических деятелей, которые составляли ближайшее окружение Александра. Но важно заметить, что социальное и, что более важно, политическое положение «общепризнанных диадочов» в эпоху Александра было разным. Если одни (Кассандр, Пердикка, Лисимах) принадлежали к ближнему кругу доверенных лиц царя Александра, то другие (например, Селевк) были весьма далеки от того, чтобы оказывать какое-либо влияние на царя и его политику. Здесь же возникает вопрос и о так называемой «старой гвардии» — сподвижниках Филиппа II, продолживших свою службу уже при Александре. Можно ли их считать *диадочами*, как и непосредственных «друзей» Александра? Не менее дискуссионным остается вопрос о «немакедонянах», также состоявших в окружении Александра: персах, мидийцах, египтянах, вавилонянах. Хорошо известны ориенталистические взгляды Александра, его весьма лояльное отношение к местной аристократии, продиктованное чаще политической необходимостью. Также известно, что представители местных элит имели влияние на Александра и находились у власти, в том числе на самом высоком

уровне. Многие из них, как, например, Оксиарт, приняли непосредственное участие в политической борьбе после смерти царя. Можно ли этих политических деятелей считать *диадохами*?

Наконец, в-третьих, следует отметить и методологический аспект. Рассматривая историю войн диадохов как современные, так и древние авторы ориентировались на известный результат — окончательный распад империи Александра и формирование «классической» системы эллинистических монархий: государств Антигонидов, Селевкидов и Птолемеев. Именно поэтому в истории раннего эллинизма принято видеть лишь процесс оформления государственности трех представленных династий. Эту проблему, названную А. Меусом [Meeus, 2013] «взглядом в прошлое» (*hindsight*), можно решить, лишь абстрагировавшись от известных исторических итогов войн диадохов.

Ситуация с понятием *диадохы*, безусловно, требует тщательной систематизации и уточнения, в связи с чем первым шагом может стать выделение отдельной категории исторических персонажей эпохи раннего эллинизма — «малых» диадохов. В эту категорию можно отнести Пифона, сына Кратева, Певкеста, Антигена и многих других. Согласно указанным выше критериям, этих исторических деятелей без каких-либо условностей можно причислить к категории *диадохов*: многие из них были приближенными Александра и принимали самое непосредственное участие в разделе его империи, занимали важные административные и военные должности в период раннего эллинизма. Однако историческая традиция о диадохах, в основе которой лежит повествование Иеронима из Кардии, строго разделила всех персонажей раннего эллинизма на две группы. Несмотря на то что судьбы «малых» диадохов сложились по-разному: кто-то стал жертвой кровопролитных войн, а кто-то предпочел завершить свою карьеру, отстранившись от большой политики, все они были отодвинуты в рамках данного нарратива на второй план, уступив место тем, кто сумел добиться определенного успеха в разделе империи Александра. Тем не менее изучение феномена «малых» диадохов дает бесценный материал для более детального понимания процесса распада империи Александра и складывания системы эллинистических государств.

Одним из наиболее показательных примеров конструирования особой традиции о «малых» диадохах является случай с Певкестом, телохранителем Александра. В контексте литературной традиции, заложенной в первую очередь Иеронимом из Кардии, Певкест, как и многие другие диадохы, получил лишь контекстуальное положение

персонажа второго порядка. Редкие упоминания о Певкесте встречаются у нескольких авторов и только на фоне общей канвы событий, избранных в качестве наиболее значимых и ярких. Так, Певкест упоминается в эпизодах, связанных с осадой Александром крепости маллов (Arr. Anab. VI.10), праздниками, устроенными Александром в Сузах (Arr. Anab. VII.6), двумя списками сатрапий [Klinkott, 2000], а также войной Эвмена с Антигоном (Diod. XIX.23; Plut. Eum. 13–15). Последний эпизод, ввиду особой симпатии Иеронима к Эвмену, является наиболее информативным и содержательным.

Среди немногочисленных упоминаний о Певкесте (всего насчитывается около двух десятков) можно с определенной уверенностью выделить два крупных блока, связанных с двумя наиболее яркими эпизодами его политической биографии. Первый связан с осадой Александром крепости маллов, относящейся к 325 г. до н. э. Стоит обратить внимание на то, что, как и многие «малые» диадохи, Певкест впервые упоминается в связи с обстоятельствами индийской кампании Александра, где он вместе с другими приближенными царя выполняет функции триерарха при переправе через Гидасп [Смирнов, 2014, с. 33]. Согласно Арриану (Anab. VI.9), к моменту осады крепости маллов Певкест уже занимал особое положение среди царских приближенных и имел право носить священный щит Афины, добытый Александром в Трое. Вероятно, именно этим щитом он и закрыл раненого Александра, оказавшегося в самый разгар сражения в окружении противников (Arr. Anab. VI.10; Diod. XVII.99.4; Plut. Alex. 63). В качестве благодарности Певкест был назначен восьмым телохранителем царя (Arr. Anab. VI.28), что без сомнений ставило его в один ряд с политической элитой государства Александра. За этим назначением вскоре последовала и новая награда от царя — в 325 г. до н. э. Певкест был объявлен сатрапом Персиды, вместо смещенного Орксина (Arr. Anab. VI.30; Diod. XIX.14.5). На посту сатрапа Персиды Певкест оставался вплоть до подчинения региона власти Антигона в 317 г. до н. э.

Второй значительный эпизод политической биографии Певкеста связан с противостоянием Антигона и Эвмена в Азии в 317 г. до н. э. В отличие от первого эпизода, основу которого с большой долей вероятности стоит отнести к традиции Аристубула [Muccioli, 2017, р. 76], данный случай, несомненно, восходит к традиции Иеронима из Кардии (Diod. XIX.14–15; Plut. Eum. 13–14; Nepos. Eum. 7.1). Главной темой всего эпизода является невероятная популярность

Певкеста среди персидских (возможно, в целом иранских) элит. Авторитет, заработанный им на посту сатрапа Персиды, позволил Певкесту не только претендовать на лидерство в период борьбы восточных сатрапов против Пифона, пытавшегося подчинить себе весь регион «верхних сатрапий» [Смирнов, 2014, с. 43–44], но и оспорить первенство Эвмена. В итоге это привело к тому, что Певкест перешел на сторону Антигона, тем самым ускорив падение власти Эвмена [Heckel, 1992, p. 265–266].

Пожалуй, главной особенностью, объединяющей не только оба эпизода, но и в целом конструирующей законченный образ Певкеста в традиции о «малых» диадохах, является приписываемое ему заимствование иранских традиций. Стоит отметить, что Певкест был, пожалуй, единственным из всех героев цикла о «малых» диадохах, чьи иранофильские настроения подчеркивались так открыто, что в конечном итоге стали настоящей отличительной чертой данного персонажа. Этому же способствовала и политическая карьера Певкеста: многие авторы помещают сообщения о Певкесте либо в контекст назначения его на должность сатрапа Персиды, либо в связи с его военной карьерой в качестве командующего иранским контингентом войска. Однако стоит выделить два наиболее ярких упоминания такой приверженности иранскому образу жизни.

В случае с эпизодом взятия крепости маллов мы встречаем весьма любопытное упоминание об особом расположении Александра к Певкесту и назначении его сатрапом Персиды. Арриан повествует (Anab. VI.30), что Александр особо ценил в Певкесте его стремление жить «персидским образом жизни», а также то, что тот оказался единственным из всех македонян, кто стал носить мидийскую одежду и выучил персидский язык (μόνος τῶν ἄλλων Μακεδόνων μεταλαβὼν τὴν Μηδικὴν καὶ φωνὴν τὴν Περσικὴν ἐκμαθὼν καὶ τᾶλλα ξύμπαντα ἐς τρόπον τὴν Περσικὴν κατασκευασάμενος). Эта мысль практически дословно повторяется Аррианом еще раз, но уже в контексте праздников в Сузах, организованных Александром в 324 г. до н. э., отличаясь лишь тем, что одежда названа не мидийской, а персидской (Anab. VII.6). Диодор отмечает (XIX.14.5), что персидскую одежду (Περσικὴ στολή) Певкесту разрешил носить сам Александр, надеясь на то, что он обретет популярность среди персов.

Отсутствие похожих упоминаний о Певкесте как приверженце персидских традиций в языке и манере одеваться, по всей видимости, свидетельствует об общей традиции, послужившей источником

для Арриана и Диодора. Несомненно, что некой художественной константой здесь является образ Александра, не просто поощряющего иранофильство Певкеста, а символически легитимирующего его власть в Персиде. Приведенные же два атрибута — одежда и язык, — как кажется, имеют в этом фрагменте важную символическую функцию. Упоминание платья (мидийского или персидского) является символическим обозначением высокого социального и политического статуса, который занял Певкест в сатрапии, поскольку оно было одним из символов царской власти в державе Ахеменидов (Curt. III.3.17–19). Не менее значимым выглядит и символизм персидского языка, выученного Певкестом. Стоит полагать, что под персидским языком традиция подразумевает именно древнеперсидский — язык официальной царской ахеменидской идеологии, на котором были написаны главные прокламационные тексты империи — царские надписи. В отличие от арамейского, бытовавшего на Ближнем Востоке в период войн диадохов как *lingua franca*, древнеперсидский уже более ста лет был фактически мертвым языком, выполняя исключительно идеологическую функцию. Напомним, что в одном из эпизодов борьбы Певкеста и Эвмена последний приказывает создать фальшивое письмо от лица сатрапа Армении Оронта, которое было написано на сирийском (т. е. арамейском) языке (Diod. XIX.23). Таким образом, изучение Певкестом древнеперсидского языка может также интерпретироваться как стремление использовать значимый символ для достижения власти в Персиде.

В повествовании Диодора обнаруживается другой случай, связанный с образом Певкеста как последователя иранских традиций. Речь идет об описании праздничных торжеств, утроенных Певкестом в Персеполе по случаю прибытия в Персиду армии Эвмена в 317 г. до н. э. (Diod. XIX.22). Диодор, по всей вероятности опираясь на сочинения Иеронима, который, возможно, был очевидцем событий, в деталях описывает ход торжеств. Сценарий праздника кроме жертвоприношений и раздачи подарков предполагал распределение всех гостей на четыре категории, вероятно, в зависимости от статуса приглашенных. Исходя из этого правила, гости располагались вокруг алтаря, посвященного Филиппу и Александру, формируя четыре кольца (одно в другом) [Muccioli, 2017, p. 86–87].

Примечательно, что обилие угощений и подарков, а также та роскошь, с которыми были устроены эти празднества, несомненно напоминают известные персидские торжества, о чем, как кажется, говорит

и Диодор, отмечая, что в Персии есть все необходимое для богатства и наслаждения (Diod. XIX.22.3; ср. Plut. Eum. 14), а столь необычная форма организации праздничного расположения гостей находит отчетливые параллели с ахеменидскими традициями распределения приглашенных на категории (Xen. Cyr.; Briant, 1996, p. 258–259).

Нет сомнений, что проведение ритуальных торжеств в соответствии с персидской традицией, а также заимствование элементов персидской царской символики позволили Певкесту добиться расположения иранских элит. И Диодор, и Арриан указывают именно это обстоятельство в качестве главной причины такого последовательного соблюдения персидских традиций со стороны Певкеста. К сожалению, мы не можем утверждать наверняка, кому из авторов принадлежит создание образа Певкеста как приверженца персидских обычаев. В равной степени это могли быть и Иероним из Кардии, и Дурис Самосский, заострявший внимание читателя на деталях. Но так или иначе образ сатрапа Персиды Певкеста приобрел в контексте литературной традиции о «малых» диадохах важнейшую маркирующую характеристику, отличающую его от всех остальных персонажей цикла о «малых» диадохах.

Библиография

- Смирнов С. В. Пифон — наследник Александра в тени великих современников // ВДИ. 2014. № 3. С. 31–46.
- Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1926. Bd. 1–2.
- Heckel W. The Marshals of Alexander's Empire. L.; N. Y.: Routledge, 1992. 444 p.
- Klinkott H. Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. 130 S.
- Lexikon des Hellenismus / Hrsg. von H. Schmitt, E. Vogt. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. XII, 616 S.
- Meeus A. Confusing Aim and Result? Hindsight and the Disintegration of Alexander the Great's Empire // Hindsight in Greek and Roman History / Ed. by A. Powell. Swansea, 2013. P. 113–147.
- Muccioli F. Peucesta, tra lealismo macedone e modello persiano // Electrum. 2017. Vol. 24. P. 75–91.

СИГЕЙСКАЯ ВОЙНА (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)

Соломатина Елена Ивановна
Институт всеобщей истории РАН, Москва*

THE SIGEION WAR (INITIAL STAGE)

Solomatina Elena Ivanovna
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация: В статье рассматривается начальный этап Сигейской войны и мотивировка притязаний соперничающих сторон, т. е. те аспекты, о которых нет единого мнения в исследовательской литературе из-за неоднозначности донесенной источниками информации об этих сторонах военного конфликта.

Ключевые слова: Сигей, Афины, Митилена, Алкей, Питтак, Фринон, Трояда, Троянская война.

Abstract: The article explores the initial stage of the Sigeion war and the reasons behind the claims of both rivaling sides for the place, i. e. those aspects on which there is no consensus among the researchers because of the ambiguous information preserved in the sources.

Keywords: Sigeion, Athens, Mytilene, Alcaeus, Pittacus, Phrynon, Troas, Trojan war.

Сигейская война — этот тот редкий случай военных столкновений эпохи архаики, о которых сохранились сведения в источниках. История соперничества Митилены и Афин за Сигей упоминается многими древними авторами: Геродотом, Страбоном, Диогеном Лаэртским, Плутархом, Полиэном, Валерием Максимом и др. Самое раннее аутентичное сообщение об афино-митиленском конфликте принадлежит Алкею. В одном из стихотворений (fr. 428 LP), приведенном Страбоном (Strabo. XIII.1.38) и упомянутом Геродотом (Hdt. V.95), Алкей сообщает о своем первом неудачном военном опыте в кампании против Афин [Burnett, 1983, p. 143, n. 49], которая обычно относится ко времени раньше 600 г. до н. э. [Page, 1955, p. 154;

* 119334, Москва, Ленинский просп., 32а, Институт всеобщей истории РАН; vdi@igh.ras.ru

Bowra, 1961, p. 138; Podlecki, 1984, p. 78]. Согласно Геродоту, Алкей описал это событие в песне и послал ее своему другу Меланиппу в Митилену (Hdt. V.95).

Следующий по времени за Алкеем автор, сообщающий о Сигейской войне, Геродот. Его развернутая версия изложения этого события значительно отличается от версий более поздних авторов. Согласно Геродоту, «...митиленцы и афиняне из городов Ахиллея и Сигея вели постоянные войны друг с другом. Митиленцы требовали назад Сигейскую область, а афиняне оспаривали их право [на нее], указывая, что на земли древнего Илиона эолийцы имеют отнюдь не больше прав, чем они, афиняне, и другие, кто помогал Менелаю отомстить за похищение Елены. Во время этих войн в битвах случилось много замечательных происшествий... Митиленцев же с афинянами примирил Периандр, сын Кипсела, которого они выбрали посредником. А примирил он их вот на каких условиях: каждая сторона получала то, что у нее было. Так-то Сигей остался за афинянами» (V.94–95; пер. Г. А. Стратановского). Более поздние авторы (Diog. Laert. I.74; Plut. De Herodoti malign. 15 = Mor. 858a-b; Polyaeen. I.25; Festus. s.v. *retiarior*; Suda s.v. Πιττακός), кроме Страбона, сводят описание Сигейской войны к одному ее эпизоду, хотя и весьма значительному и памяtnому — единоборству предводителя афинян Фринона и командующего митиленянами Питтака. Геродот же не упоминает ни Питтака с Фриноном, ни об их поединке, за что его порицает Плутарх (Plut. De Herodoti malign. 15). Особняком стоит рассказ Страбона, который, хотя во многом и схож с Геродотовым, кроме одного существенного пункта — Страбон сообщает о единоборстве двух предводителей (XIII. 599–600). Однако на это отличие не всегда исследователи обращают внимание [см., например: Суриков, 2010, с. 31]. Тем не менее отсутствие у Геродота упоминания о единоборстве послужило в какой-то момент причиной рассмотрения этого поединка как позднейшей выдумки [см. об этом подробнее: Brouwers, 1929, p. 8]. Прочитанное же имя Фринона в одном из папирусных фрагментов стихотворений Алкея (P. Оху. 2295 fr. 28 = fr. 167 LP) убедило в достоверности сообщений поздних авторов о поединке и подкрепило предположение о том, что и для них первоисточником информации по единоборству Питтака с Фриноном была поэзия Алкея [Page, 1955, p. 153, 159].

Как передают античные источники, олимпийчик Фринон возглавил афинских переселенцев в Сигей, расположенный на Эгейском

побережье на юго-западной стороне входа в Геллеспонт в гуще лесбосских поселений (Strabo. XIII.1.38). Согласно археологическим данным, еще с конца VIII в. до н. э. в Троаде стали появляться поселения, основанные выходцами с острова Лесбос [Coldstream, 2005, p. 246], при этом ведущая роль в колонизации Троады принадлежала Митилене. Особый статус выведенных в Троаду поселений («актейских городов») — они находились в зависимости от метрополии (Thuc. IV.52.3) — отражен в источниках и тем фактом, что эти поселения не числятся в составе Эолиды (Hdt. I.149; Strabo. XIII.I.4). Лесбосские колонии располагались и на противоположной стороне Геллеспонта (Dio Chrys. XLV. 13): Сест (Strabo. VII. fr. 55b; Ps.-Scymn. 710), Мадит (Ps.-Scymn. 710; Strabo. VII. fr. 51), Элеунт (Ps.-Scymn. 707; Plin. HN IV.9.49), Алопеконнес (Ps.-Scymn. 705), Эн(ос)/Айнос (Strabo. VII. fr. 51).

Со времени правления Гигеса вся Троада оказалась под властью набирающей мощь Лидии (Strabo. XIII.I.22), которая к концу VII в. до н. э., после гибели Ассирии, становится одним из четырех могущественных государств на всем Ближнем Востоке [Дандамаев, Виноградов, 1982, с. 129; Roosevelt, 2009, p. 24]. Правители Лидии, проводя активную завоевательную политику, старались обеспечить себе доступ к гаваням на Эгейском побережье и контроль над торговыми путями [Mellink, 2008, p. 648; Bowra, 1961, p. 141]. Лидия вела постоянные войны со своими ближайшими соседями — до 612/11 г. до н. э. с ионийским Милетом [Mosshammer, 1979, p. 252] и карийцами (Hdt. I.17; Nic. Dam. FGrH 90 F 64), захватила Смирну (Hdt. I.16), посылала наемников против Навуходоносора (Jer. 46: 9), и позднее вступила в борьбу с мидийским царем Киаксаром (Hdt. I.74) [см. подробнее: Дандамаев, 1982, с. 143]; традиция приписывает изгнание киммерийцев из Азии царю Алиатту (Hdt. I.16; Polyæn. VII. 2.1). Постоянные военные действия на разных направлениях требовали значительного напряжения сил. Лишь северо-западный угол Троады, однажды став частью Лидийской территориальной державы, до поры до времени не вызывал особого беспокойства у ее правителей и оставался вне их пристального внимания.

В самой метрополии, Митилене, согласно источникам (Arist. Pol. V.8.13, 1311b; Strabo. XIII.2.3; Diog. Laert. I.74; Suda s.v. Πιττακός) после свержения правившего царского рода Пенфилидов шла ожесточенная борьба за единоличную власть между соперничающими аристократическими группировками [Berve, 1967, Bd. I, S. 91; Jeffery,

1976, p. 238; Podlecki, 1984, p. 64–68; Liberman, 2002, T. I, p. XVI–XXII; Борухович, 1979, с. 29–34], которые сосредоточили на ней все свои силы, не особенно заботясь о делах в колониях. Так что в определенном смысле ситуация поначалу складывалась вполне удачно для появления афинских переселенцев в Сигее. Однако очень скоро это колонизационное мероприятие обернулось для Афин многолетней войной с Митиленой, считавшей Сигей своей территорией. Длительность этой войны составляет приблизительно два поколения, ок. 610–540 гг. до н. э. [Jeffery, 1976, p. 89–90, 238]. В ходе продолжавшихся с переменным успехом военных столкновений афинян и митиленян состоялся поединок двух предводителей — Фринона и Питтака, в результате которого Питтак с помощью хитрости убил Фринона. Это событие датируется Евсевием 607/606 г. до н. э. (Euseb. vers. arm., p. 186 [Karst]; vers. Hieronym. p. 98 [Helm]) [см. подробнее об этой дате: Mosshammer, 1979, p. 249], византийским лексиконом X в. (Suda s.v. Πιττακός) — 42-й олимпиадой (612/611 — 609/608 гг. до н. э.).

Почему именно Сигей стал предметом ожесточенного спора Афин и Митилены и каким образом обосновывали свои притязания на Сигей соперничающие стороны?

Во второй половине VII в. до н. э., когда афиняне основали свою первую колонию в восточной Эгеиде, становится особенно заметным создание знаковых мифов, пропагандирующих троянские связи. Выбор Афинами именно Сигея в качестве своей первой колонии в Троеде имеет смысл в свете предпринимаемых ими попыток присоединить то наследие, к которому они имеют лишь спорное отношение. Сигей был очень близко расположен с Троей/Илионом, о котором у греков уже сложилось представление как о священном городе — этот эпитет встречается у Гомера свыше двадцати раз [Гиндин, Цымбурский, 1994, с. 37], — полном необычной, сверхъестественной силы. К тому же стена вокруг Сигея была возведена из камней, взятых из разрушенного Илиона (Strabo. XIII.1.38), а поблизости от Сигея располагались не только Корабельная Стоянка, Ахейский лагерь (Strabo. XIII.1.36), но и курганы, определяемые как погребения гомеровских героев — Ахилла и Патрокла [Dict. Cret. IV.15; Strabo. XIII.1.32], а также Аякса [Rose, 2008, p. 418]. Вывод колонии в Сигей позволял Афинам больше, чем какому-либо другому городу, осуществлять через своих колонистов контроль над Троей и ее легендарными связями. Подобного рода причине придавалось значение и в случае выведения еще одной афинской

колонии — в Элеунт на северной стороне Дарданелл, напротив Илиона, там располагалась могила Протесилая [Rose, 2008, p. 418].

Обоснование претензий афинян на Сигейскую область с опорой на гомеровскую традицию впервые отчетливо звучит из уст богини Афины в «Эвменидах» Эсхила, в котором говорится о «сыновьях/чадах Тезеевых», получивших земли Трояды как часть военной добычи ахейцев (Aesch. Eum. 397–403). Приводимые Эсхилом аргументы афинян иногда расцениваются как передача содержания соответствующего места из поэмы Арктина «Разрушение Илиона», окончательная редакция которой принадлежит афинянам [Лурье, 1938, с. 89].

Чуть позднее мотивировку прав афинян находим у Геродота: «...афиняне оспаривали их [митиленцев. — *Е. С.*] право [на нее], указывая, что на земли древнего Илиона эолийцы имеют отнюдь не больше прав, чем они, афиняне, и другие, кто помогал Менелая отомстить за похищение Елены» (Hdt. V.94; пер. Г. А. Стратановского); однако историк ничего конкретно не сообщает об аргументах, выдвигаемых митиленянами, лишь констатируя мнение афинян об отсутствии преимущественных прав у эолийцев. Сравнивая мотивировку претензий афинян, приводимую Эсхилом и Геродотом, можно заметить, что Геродот не считал, что афиняне имеют какие-то исключительные права на земли Трояды: они такие же, как и у других участников похода. Согласно Страбону, права лесбосцев, но главным образом, митиленян, основаны на том, что те заселили опустошенную войной Трояду и отстроили города в ней, используя камни Илиона для восстановления городов, среди которых был и Сигей (Strabo. XIII. I.38). При этом, согласно эпосу, накануне Троянской войны Лесбос стал частью царства Приама (Hom. II. XXIV.543–545), который подчинил ряд областей по обе стороны Мраморного моря [Shields, 1917–1918, p. 670].

Рассмотрим, какую трактовку получили эти сообщения источников в исследовательской литературе. Приведенная у Эсхила аргументация афинян считается «простым перепевом аргументации» митиленян, из которой непонятно, почему уезжающие, кто куда, из Трои союзники стали бы дарить эту область именно афинянам, а не непосредственным соседям Трояды, т. е. лесбосцам [Лурье, 1938, с. 89]. Из пассажа Геродота (Hdt. V.94), по мнению С. Я. Лурье, следует, что афиняне видели в митиленянах не союзников Трои, а участников греческого войска, имеющих равные права со всеми прочими

соратниками Менелая на Трояду как общую добычу, так как в противном случае Геродот бы сказал, что у них не было никаких прав на эту область [Лурье, 1938, с. 88]. И хотя сам С. Я. Лурье признает, что из свидетельств гомеровского эпоса следует, что митиленяне были на стороне троянцев, тем не менее, чтобы подкрепить сделанные им допущения и обосновать свою позицию такой трактовки источников делает следующее предположение о возможной роли митиленян в Троянской войне: они могли опустошать троянское побережье с моря, и это давало им право на владение областью Трои [Лурье, 1938, с. 90]. Поскольку в «Илиаде» ничего об этом не говорится, то, возможно, об этом сообщалось где-нибудь в киклическом эпосе, вероятнее всего в «Малой Илиаде» лесбосца Лесха, в которой должны были быть следы лесбосской редакции [Лурье, 1938, с. 90, пр. 2].

Трудно согласиться с такой интерпретацией, в которой одно предположение зиждется на другом, при том, что из сохранившихся источников ничего не известно об участии лесбосцев на стороне греков и о приписываемой им роли в Троянской войне. Напротив, вся дошедшая традиция свидетельствует о том, что Лесбос разделил печальную часть Трои, сильно пострадав от рейдов Ахилла. О разрушении Лесбоса ахейцами под предводительством Ахилла сообщает не только Гомер (Ном. II. IX.129–133; IX.270–275), но и более поздние авторы, сохранившие подробности об этих набегах и о гибели местных героев (Ps.-Apollod. Ep. III.33; Dict. Cret. II.16; Parth. Narrat. amat. XXI). Популярность сюжета набегов Ахилла и красочность рассказов о его подвигах, в том числе и на Лесбосе, скорее дают основание предполагать, что эти истории были ядром какого-то недошедшего гомеровского или догомеровского источника [Leaf, 1912, p. 243–253] или лесбосского эпоса [Клейн, 1998, с. 224–226, с. 225 прим. 30 с литературой].

Что касается рассматриваемого пассажа Геродота (Hdt. V.94), то поскольку известно, что никто из соратников Менелая, кроме афинян, не выдвигал претензий на территорию Трояды в противовес митиленянам, то можно предположить, что речь в нем идет о двух категориях претендентов на земли Илиона — с одной стороны, это эолийцы/лесбосцы, а с другой, афиняне как участники похода, имеющие права на долю военной добычи, наравне с прочими соратниками Менелая. При этом права эолийцев и афинян, по Геродоту, равноценны, но по сути своей они различны. Так как лесбосцы не могли

похвастать своим участием на стороне греков, то, вероятно, у них должно было быть другое обоснование в духе времени, но применительно к их ситуации. Из поэзии Алкея (fr. 70.6 LP) явствует, что к VII в. до н. э. царский род Митилены, Пенфилиды, уже возводил свое происхождение к микенской династии Атридов, а именно к Оресту, который хотя и не появлялся в раннем эпосе, но, согласно традиции, через 60 лет после Троянской войны возглавил эолийскую колонизацию в Малую Азию и на Лесбос (Strabo. XIII. 1.3). Пенфил же был внуком Агамемнона и побочным сыном Ореста от Эригоны, дочери Эгисфа, как сообщает поэт Кинифон (Paus. II. 18.5). Выбор правящей верхушки Митилены такого способа «приобщения» к гомеровской традиции объясняется как близостью Трояды, места греческого эпоса [Jeffery, 1976, p. 237], так и активным использованием античной традицией мотива лидийских/фригийских истоков микенского рода (прародителем Атридов считался Тантал) в качестве обоснования военных предприятий и территориальных претензий греков в Анатолии и прилегающих островах [Гиндин, Цымбурский, 1996, с. 72; Demir 2003, p. 90–97; Rose, 2008, p. 404]. Таким образом, к тому моменту, когда афиняне озаботились мотивировкой своих претензий на Сигей как соратников Менелая, лесбосские правители давно уже «установили» родственные отношения с Агамемноном, предводителем Троянского похода.

Вернемся к раннему этапу борьбы за Сигей. Как мы попытались показать, поначалу обстоятельства складывались благоприятно для Афин: силы Лидии, под чьим контролем находилась Трояда, были распылены по разным направлениям, а в Митилене шла ожесточенная борьба аристократических группировок за власть. После свержения царского рода Пенфилидов был установлен первый тиранический режим Меланхра, которого братья Алкея вместе с Питтаком свергли в 42-ю олимпиаду (Suda s.v. Πιττακός, 612/611 — 609/608 гг. до н. э.; Diog. Laert. I.74). Меланхр был убит ок. 610 г. до н. э. Однако плодами победы гетерия, куда входили Питтак и братья Алкея, не сумела воспользоваться, к власти пришел следующий тиран Мирсил. Именно в начале его правления Питтак и Алкей, еще принадлежавшие к одному лагерю, оказались в Сигее [Page, 1955, p. 154; Bowra, 1961, p. 138; Podlecki, 1984, P. 78].

Во фрагменте 69 (LP) Алкея упоминается о щедром даре — в две тысячи статов, предложенном гетерии Алкея. Многие из исследовавших этот фрагмент расценивали его как отчасти исторический

и рассматривали его в контексте политической борьбы в Митилене [см. подробнее разбор мнений в: Burnett, 1983, p. 163–165]. Приведем этот фрагмент целиком.

Зевс, в лихие дни неудач лидийцы
Нам две тысячи золотых давали,
Только бы войти мы смогли всей силой
В город священный.
Благ от нас они не видали.
Толком не узнали нас. Насулила много
Хитрая лиса, улизнуть лелея
Втайне надежду.

Пер. Я. Голосовкера

Иногда этим фрагментом пренебрегали как банальным сообщением о непатриотическом союзе между изгнанной группировкой Алкея и иностранной державой [см. об этом: Burnett, 1983, p. 163–164]. Тем не менее попытки дать удовлетворительную и связную интерпретацию этого фрагмента не прекращались. Споры велись по следующим моментам: о каком городе идет речь (от идентификации города зависит и определение того действия, которое должна совершить гетерия Алкея–Питтака на деньги лидийцев); к какому периоду борьбы за власть в Митилене отнести этот фрагмент; в чем смысл столь щедрого предложения лидийцев гетерии Алкея–Питтака; почему «лиса» оказалась среди получивших деньги. На роль «священного города», по мнению исследователей, претендовали Митилена [Bowra, 1961, p. 141; Liberman, 2002, T. I, p. 48 с литературой], не Митилена, а другой какой-то «стратегически важный» город [Page, 1955, p. 233; Burnett, 1983, p. 165; Liberman, 2002, T. I, p. 48 с литературой], Сарды [см. об этом: Burnett, 1983, p. 165 n. 19 на литературу], предположительно Сигей (без каких-либо объяснений) [Gomme, 1957, p. 256 n 6]. В «хитрой лисе» исследователи видели Питтака [Page, 1955, p. 233], кого-то еще, но не Питтака [Bowra, 1961, p. 141], Мирсила [см. об этом: Burnett, 1983, p. 165 n. 18 на литературу]. Действия лидийцев понимаются по-разному: как попытка подчинить Лесбос своему контролю, этим и объясняется столь значительная сумма [Bowra, 1961, 141]; чаще как поддержка одной из борющихся аристократических группировок с целью возвращения в родной город, т. е. Митилену, или уже пришедшей к власти группировки с целью удаления врага, но тогда из Митилены в другой город [Page, 1955, p. 231,

233; см. об этом: Burnett, 1983, p. 165, p. 164 n 17 на литературу, p. 165 n. 18 на литературу]. Высказывалось мнение, что упомянутая Алкеем сумма была невероятно большой для того, чтобы лидийцы потратили ее на поддержку одной группировки против другой в их локальной борьбе за власть в Митилене. Из чего следовало предположение, что либо эта сумма — вымысел, либо сильное преувеличение [Burnett, 1983, p. 164–165].

По нашему мнению, рассматриваемый фрагмент имеет непосредственное отношение к Сигейской войне, так как на роль упоминаемого Алкеем «священного города» более других подходит Сигей, который, согласно легендарной традиции, был отстроен из камней «священного Илиона» (Strabo. XIII. 1.38). Никакой другой город из предлагавшихся исследователями (Митилена, Сарды, «любой стратегически важный город») не мог считаться священным у греков той эпохи. Если это Сигей, то вполне понятно, почему Лидия предложила такую значительную сумму наемникам — чтобы защитить подконтрольные ей территории в Троаде, т. е. для ведения военных действий, а вовсе не для того, чтобы поддержать одну из группировок в Митилене. Было подсчитано, что на две тысячи статов в начале VI в. до н. э. можно было содержать 500 наемников в течение нескольких месяцев в поле [Page, 1955, p. 232; Burnett, 1983, p. 164]. В войне за возвращение Сигея был заинтересован и новый тиран Митилены, которому подвернулся удобный случай одновременно с защитой своих важных торговых путей на северо-востоке [Podlecki, 1984, 64], решить еще одну задачу — избавиться от находившейся по-прежнему в Митилене проигравшей гетерии Алкея–Питтака. Перенаправляя усилия представляющей угрозу группировки, Мирсил мог рассчитывать на ее ослабление или даже уничтожение. Как упоминалось выше, борьба за Сигей стала первым военным мероприятием, в котором принял участие Алкей. Вероятно, и для Питтака сигейская кампания была первой, во всяком случае, ни о каких других, более ранних или более поздних, ничего не известно. По словам Страбона (XIII.38), Питтак, отплыв с кораблями к Сигею, некоторое время воевал с Фриноном, плохо справляясь с делом и терпя неудачи. Именно неудачами Питтака на первых порах кампании можно объяснить насмешки Алкея в его адрес (если видеть в «хитрой лисе» Питтака): ведь дело казалось пустяковым, а предложенные деньги были царским кушем [Gomme, 1957, p. 256 n. 6]. Участие в Сигейской войне стало для гетерии Алкея–Питтака не только временным

изгнанием, но и периодом приобретения политического веса. Победа Питтака над предводителем афинян Фриноном завершила первый этап Сигейской войны в пользу Митилены, дав возможность лидерам гетерии вернуться на родину и продолжить борьбу за власть. Питтак к тому же значительно повысил свой престиж среди граждан и увеличил личные шансы на успех (тому, кто оказывал благодеяние родному полису, завоевав новые или вернув прежние его территории, всегда отдавалось предпочтение), что подтверждается ходом дальнейших событий.

Библиография

- Борухович В. Г.* Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII — начало VI в. до н. э.). Меланхр, Мирсил и Алкей // *Античный полис. Межвузовский сборник / Отв. ред. проф. Э. Д. Фролов.* Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. С. 27–42.
- Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // *ВДИ.* 1994. № 4. С. 19–39.
- Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 328 с.
- Дандамаев М. А.* Мидия и Ахеменидская Персия. Лекция № 7 // *История Древнего Мира / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. II. Расцвет древних обществ.* М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 142–159.
- Дандамаев М. А., Виноградов И. В.* Нововавилонская держава и Поздний Египет. Лекция № 6 // *История Древнего Мира / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. II. Расцвет древних обществ.* М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 128–141.
- Клейн Л. С.* *Анатомия «Илиады».* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. 560 с.
- Лурье С. Я.* Новое папирусное свидетельство о борьбе за Сигей // *ВДИ.* 1938. № 3. С. 88–91.
- Суриков И. Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // *АМА.* 2010. Вып. 14. С. 20–48.
- Berve H.* *Die Tyrannis bei den Griechen.* München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1967. Bd. I–II.
- Bowra C. M.* *Greek Lyric Poetry, from Alcman to Simonides.* 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1961. 456 p.
- Brouwers A.* *La guerre de Sigée // Revue des Études Grecques.* 1929. Т. 42, fasc. 194. P. 1–10.
- Burnett A. P.* *Three Archaic Poets: Archilochus, Alcaeus, Sapho.* London: Duckworth, 1983. 320 p.

- Coldstream J. N.* Geometric Greece 900–700 BC. 2nd ed. London & New York: Routledge: Taylor & Francis Group, 2005. 445 p.
- Demir M.* On the Possible Previous Links of the Dark Age Aiolian Colonists with their Newly Colonised Territories // Mupla Bniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2003. Sayı 10. P. 81–113.
- Gomme A. W.* Interpretations of Some Poems of Alkaios and Sappho // JHS. 1957. Vol. 77. Part 2. P. 255–266.
- Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B.C. London & Tonbridge: Benn, 1976. 272 p.
- Liberman G.* Introduction // Alcée. Fragments. Texte établi, traduit et annoté par G. Liberman. Paris: Les Belles Lettres (CUF), 2002. T. 1–2.
- Leaf W.* Troy. A Study in Homeric Geography. L.: Macmillan & Co, 1912. 406 p.
- Mellink M.* The Native Kingdoms of Anatolia // Cambridge Ancient History. Vol. III. Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 619–665.
- Mosshammer A. A.* The Chronicle of Eusebius and Greek Chronographic Tradition. Lewisburg, London: Associated University Press, 1979. 366 p.
- Page D. L.* Sappho and Alcaeus. An Introduction to the Study of Ancient Lesbian Poetry. Oxford: University Press, 1955. 340 p.
- Podlecki A. J.* The Early Greek Poets and their Times. Vancouver: University of British Columbia Press, 1984. 282 p.
- Roosevelt Ch. H.* The Archaeology of Lydia, from Gyges to Alexander. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 314 p.
- Rose B. C.* Separating Fact from Fiction in the Aiolian Migration // Hesperia. 2008. Vol. 77. P. 399–430.
- Shields E. L.* Lesbos in the Trojan War // Classical Journal. 1917–1918. Vol. 13. P. 670–681.

**РЕФОРМЫ СОЛОНА И АРХЕОЛОГИЯ:
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ
ПРОБЛЕМЫ***

Суриков Игорь Евгеньевич
Институт всеобщей истории РАН, Москва**

**SOLON'S REFORMS AND ARCHAEOLOGY:
SOME FEATURES OF PRESENT SITUATION WITH
THE PROBLEM**

Surikov Igor Evgenyevich
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация: Пока для изучения реформ Солон в недостаточной степени привлекаются данные археологии (несмотря на то что в целом археологический материал ныне играет огромную роль для исследования архаической Греции). В статье демонстрируется важность привлечения археологических источников для анализа солоновской деятельности на ряде конкретных примеров (перенесение агоры; эволюция аттической вазописи; изменения в облике надгробных памятников).

Ключевые слова: архаические Афины, Солон, реформы, археология, агора, вазопись, погребения.

Abstract: When studying Solon's reforms, data of archaeology are still used in insufficient degree (notwithstanding the fact that in general archaeological material plays a great role for researching of Archaic Greece). The article demonstrates importance of using archaeological sources for analyzing Solonian activities on several concrete examples (transference of the Agora; evolution of Attic vase-painting; changes in the appearance of grave monuments).

Keywords: Archaic Athens, Solon, reforms, archaeology, *agora*, vase-painting, burials.

* Данная статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00018 «Законодательная и реформаторская деятельность Солон в контексте истории архаической Греции».

** 119991, Москва, Ленинский просп., 32а, Институт всеобщей истории РАН; isurikov@mail.ru

Громадная значимость реформ, проведенных в афинском полисе в 594/593 г. до н. э. Солоном, архонтом-эпонимом¹, который был для этого специально облечен чрезвычайными полномочиями, не подлежит никакому сомнению. Реформы были воистину всеобъемлющими — социально-экономическими, конституционно-политическими, правовыми, религиозными...² Неудивительно, что о них почти всегда писали немало, а в последнее время пишут больше, чем когда-либо³.

Точно так же естественно, что перед каждым, кто занимается Солоном, так или иначе встает проблема источников, содержащих сведения о его личности, жизни, деятельности, о влиянии последней на историю Афин. Никто не будет спорить, что весьма большое место в корпусе этих источников занимают произведения нарративной традиции. Но эта традиция — отнюдь не без дефектов⁴: достаточно упомянуть, что самые ранние из античных сочинений, упоминающих Солона («История» Геродота, некоторые памятники древней аттической комедии), создавались спустя более полутора веков после его архонтата. Есть, конечно, еще и стихи самого мудреца-законодателя, но это источник весьма специфичный, такой, из которого намного больше можно почерпнуть о его мировоззрении, нежели о его реформах.

Далее, аутентичные современные эпохе эпиграфические источники по интересующей нас теме (т. е. законы Солона, записанные на аксонах и кирбах⁵) не сохранились, а нумизматических источников просто не может быть, поскольку монета в Афинах в солоновские времена еще не чеканилась⁶.

¹ Датировку эпонимного архонтата Солона (и, соответственно, его реформаторской деятельности) см.: Develin, 2003, p. 37.

² Ср. (чуть ли не в тех же самых словах): Keesling, 2015, p. 115. Это одна из последних по времени работ о реформах Солона, причем тоже построенная отчасти на анализе археологического материала.

³ Естественно, здесь нет ни нужды, ни возможности приводить перечень литературы о Солоне. Можем адресовать интересующихся хотя бы к хорошей библиографии в последнем по времени издании его стихотворного наследия (сопровожденном, отметим сразу, подробнейшим комментарием): Noussia-Fantuzzi, 2010, p. 527 ff.

⁴ Не в основном тексте, но хотя бы в подстрочной сноске отметим: складыванию нарративной традиции о Солоне и проблеме ее достоверности посвящено немало работ (укажем несколько важнейших: Ленцман, 1962; Ruschenbusch, 1958; Oliva, 1973; Mossé, 1979; David, 1984; Hansen, 1989; Frings, 1996; Thompson, 2009).

⁵ Наиболее фундаментальным исследованием об этих не дошедших до нас артефактах остается: Stroud, 1979.

⁶ К вопросу о времени чеканки древнейших афинских монет (заведомо после-солоновских) см.: Суриков, 2006.

Таким образом, нам просто-таки никуда не деться от археологического источникового материала. Он при изучении круга вопросов, относящихся к Солону, приобретает особое значение — особенно в свете того, что и в целом на нынешнем этапе развития антиковедения ему отводится огромная, мало с чем сравнимая роль в работах, посвященных архаической Греции⁷.

«При всём при том при этом» (как говорил Р. Бернс в переводе Маршака), пока что археологические данные в связи с солоновской деятельностью привлекаются учеными слабо — или, во всяком случае, меньше, чем они того заслуживают. Это, возможно, обусловлено тем, что на современном этапе «пальму первенства» в исследовании Солона однозначно перехватили филологи-классики (подробнее в связи с этим см.: [Суриков, 2015]).

В качестве весьма характерного примера нельзя не сослаться здесь на фундаментальный коллективный труд «Солон Афинский» [Solon of Athens, 2006]. Он вышел относительно недавно, и мы его посылно отрецензировали на страницах ВДИ [Суриков, 2010]. Этот сборник претендует на всестороннее, исчерпывающее освещение многогранной солоновской деятельности. Слово «претендует» мы употребили здесь не случайно, поскольку претензия («размах») оказалась как-то не соответствующей воплощению.

К участию в книге, о которой идет речь, были привлечены видные филологи, историки, юристы, археологи. Но вот как раз вклад последних оказался не очень-то значительным. Безусловно первенствует в обозначенном исследовании филологическая часть, в которую вошел целый ряд интересных, остро-полемиических, во многом спорных по своим выводам статей, отчасти реализующих постмодернистскую парадигму деконструкции⁸. Тут следует сразу оговорить, что ныне Солон куда более интересен специалистам как автор, поэт, а не как реальный политический деятель, законодатель и реформатор; его склонны превращать, если так можно выразиться, из исторической личности в «литературную личность»⁹.

⁷ В сущности, все важнейшие книги по истории архаической (или «доклассической», или «ранней») Греции, опубликованные за последние десятилетия, писались с решительно преобладающим упором на данные археологии. Несколько ключевых примеров: Snodgrass, 1980; Morris, 1987; Polignac, 1995; Osborne, 1996; Thomas, Conant, 1999; Hall, 2014.

⁸ Наиболее яркие примеры: Lardinois, 2006; Stehle, 2006.

⁹ Примеры: Anhalt, 1993; Sauge, 2000; Mülke, 2002; Almeida, 2003; Irwin, 2005; Noussia-Fantuzzi, 2010.

Археологическая часть указанного сборника «Солон Афинский» представлена, в сущности, двумя статьями, авторами которых являются Дж. Бинтлифф [Bintliff, 2006]¹⁰ и С. Форсдайк [Forsdyke, 2006]¹¹. К тому же по поводу этих двух достаточно ценных исследований приходится сказать, что всё-таки в них в большей мере нашла отражение ситуация в солоновских Афинах (на момент начала реформ), а не сами эти реформы. Последние же остаются несколько «в тени» и, по сути, более понятными для нас не становятся.

Археологи, о которых идет речь, затрагивают солоновские преобразования скорее косвенно. Так, Бинтлифф в работе «Реформы Солон: археологическая точка зрения» пытается найти ранее неизвестные аспекты этих преобразований, привлекая новейшие данные, полученные в ходе изучения вещественных памятников. Он говорит о группе граждан, обозначаемой в источниках как *какоί* и составлявшей, по его мнению, не менее половины населения Аттики. Он считает, что это был класс зависимых крестьян, которые обрабатывали принадлежавшие им участки, но также трудились и на аттическую элиту, выступая в качестве основной рабочей силы, требовавшейся в обширных поместьях богачей-аристократов. Солон своими реформами защитил собственные надельные *какоί* от посягательств представителей верхушки общества; однако обязанность возделывать поля *ἀγαθοί* с этих бедняков, очевидно, не была еще снята¹².

Форсдайк, со своей стороны, в статье «Земля, труд и экономика в солоновских Афинах: преодоление бреши между археологией и историей» рассматривает аналогичную проблематику. И хотя она привлекает не только археологический материал (а, пожалуй, в большей степени нарративный и также сравнительный), но приходит, в сущности, к выводам, весьма схожим с теми, которые сделал Бинтлифф;

¹⁰ Дж. Бинтлифф — крупнейший представитель течения «новой классической археологии», один из ближайших сподвижников основоположника этого течения Э. Снодграсса. Он, помимо прочего, является автором наиболее фундаментального на сегодняшний день труда по археологии Греции в целом: Bintliff, 2012.

¹¹ Исследовательница уже в заголовке своей статьи указывает свое намерение связать археологические данные с историческими. Подобный подход нам чрезвычайно импонирует. Не случайно ведь С. Форсдайк начала свою научную работу с изучения остракизма, а потом органично перешла на реформы Солон (переходный характер имеет уже книга: Forsdyke, 2005). В сущности, тем же путем двигался и автор этих строк.

¹² Однако же см. аргументы против односторонне-социологической трактовки терминов *какоί* и *ἀγαθοί* у авторов архаической эпохи (а это весьма популярная тенденция в антиковедении) в нашей работе: Суриков, 2014(1).

в результате две статьи хорошо дополняют друг друга. Форсдаик показала, что в начале VI в. до н. э. обработка земли в Аттике стала более интенсивной. Это вело к возрастающему спросу на рабочую силу. Именно она была в это время в дефиците, а не земля, как часто утверждается в исследовательской литературе. Как раз земельного голода, стенохории обширный афинский полис в эпоху архаики совершенно не ощущал. Нужны были рабочие руки; в результате эксплуатация бедной части населения резко возросла.

* * *

Итак, обосновав важность и актуальность обращения на современном этапе к теме «Солон и археология», мы далее попытаемся вкратце продемонстрировать (скорее наметить), что именно можно сказать по соответствующему кругу вопросов. Наверное, предварительно все-таки стоит оговорить, что необходимо помнить о весьма существенной специфике археологического материала с источниковой точки зрения, о том, что он требует особых к себе подходов, а главное — способен давать весомые результаты только по некоторым сферам бытия любого рассматриваемого социума. Его ответы на ставимые учеными вопросы, так сказать, выборочны. Бесполезно, например, исследовать *sub specie archaeologiae* конкретную политическую историю того или иного периода. Тут требуются — в совокупности! — иные данные: нарративные, эпиграфические, нумизматические, подчас помогают и ономастические¹³. Археология зато способна дать ценнейшие сведения (такие, какие никогда не даст никакой нарратив) об общем характере развития региона (в нашем случае — Аттики, территории афинского полиса) на взятом хронологическом отрезке.

Как раз с наиболее общего плана мы и начнем. Археологическая история Аттики VI в. до н. э. (послесолоновского времени) несравненно более «документирована» по сравнению с предшествующим столетием (досолоновским временем), дает многократно более яркую, выразительную, богатую картину. Для VII в. до н. э. эта картина достаточно скудна¹⁴; Афины, в течение геометрического периода

¹³ Относительно важности этих последних, поскольку их привлечение является пока делом менее традиционным, позволим себе указать на несколько наших работ последнего времени: Суриков, 2007(1); 2009; 2012; 2014(2).

¹⁴ См. о вырисовывающемся контрасте: Hall, 2014, p. 190 ff.

(равным образом в его начале и в его конце) являвшиеся одним из наиболее значимых центров греческого мира¹⁵, с какого-то момента вдруг как бы «сдулись» (или «окуклились»? — есть и такая версия имевших место процессов, возможно, даже более верная). А после Солона (и, несомненно, в результате его действий — или, скорее, в результате действий Солона и его своеобразного преемника Писистрата) Аттика как-то резко «поднимается с колен» в плане археологии.

Как бы то ни было, мы сейчас смело и уверенно сформулируем следующий тезис. Представим себе (в порядке минутной фантазии), что по истории архаических Афин не сохранилось бы ровно никаких источников, кроме чисто археологических (в сущности, именно такова ситуация с подавляющим большинством из тысячи с небольшим греческих полисов)¹⁶; даже и в таком гипотетическом случае, исключительно из данных археологии уже было бы предельно ясно, что на рубеже VII–VI вв. до н. э. с государством афинским произошло нечто очень и очень важное, что в этот период имели место какие-то этапные перемены¹⁷.

Обращаясь теперь к конкретике, мы должны оговорить, что крайне ограниченный объем работы позволяет нам тут коснуться (да и то не вдаваясь в обстоятельную детализацию) лишь некоторых моментов.

Коснемся, в частности, вопроса «Солон и агора». Агора (площадь народных сходок и, как правило, «по совместительству» торговая площадь) была, как всем прекрасно известно, одним из главных конституирующих элементов любого эллинского полиса. Но вот уже

¹⁵ Общую характеристику тогдашнего состояния греческого мира, построенную именно на археологическом материале и включающую соображения о положении Аттики на различных этапах данного хронологического отрезка, см. в статьях: Суриков, 2014(3); 2014(4).

¹⁶ Теперь, благодаря эпохальному исследованию [An Inventory... 2004], мы знаем точное число греческих полисов, зафиксированных для архаической и классической эпох: 1035 (сюда, конечно, включены полисы не только «исконной Эллады», но и зоны колонизации). Огромное достижение! Раньше как-то приходилось на лекциях абстрактно говорить студентам, что полисов было «несколько сот».

¹⁷ Настолько этапные, что в западной историографии с конца 1980-х гг. завучала идея, согласно которой в VII в. до н. э. Афины перестали-де быть полисом, а Солон вновь сделал их таковым, или, точнее, возродил в качестве такового. См. Суриков, 2013 — в этой статье содержится наша полемика с только что обрисованной точкой зрения; там же и указания на литературу.

такие параметры агоры, как ее размеры и местоположение, в значительной степени зависели от политической системы государства.

Солоновские реформы сделали Афины менее олигархическими, чем они были до того, и в какой-то степени стали первым шагом на пути формирования афинской демократии (хотя, подчеркнем, нельзя называть Солона ее «отцом», как то нередко делалось и в античности, и в наше время¹⁸). Так как же отразились эти преобразования на судьбе агоры?

До Солона в Афинах имелась так называемая «старая агора», очень небольшая по площади, ютившаяся, судя по всему, на восточном склоне Акрополя¹⁹ (позже по традиции именно там оставался афинский пританей²⁰). А вот в VI в. до н. э. агора перемещается на совершенно новое место, а именно на то, где она потом и оставалась до самого конца античности. Речь идет, естественно, о «классической Агоре», занявшей значительную часть квартала Керамик, разместившейся там, где раньше были в основном некрополи. Она прекрасно изучена с археологической точки зрения²¹.

Перенос агоры иногда связывают с Писистратом. Но для нас совершенно очевидно, что эта акция была прямым порождением солоновских реформ. В их ходе резко возросло количество граждан, допущенных к участию в народном собрании. Соответственно, и площадь собраний (а экклесия заседала именно на агоре вплоть до 450-х гг. до н. э. и только после этого — в специально обустроенном экклесиастерии на Пниксе) должна была стать значительно крупнее. В этом, думается нам, должен лежать ключ к решению обозначенной проблемы.

Затронем теперь такой вопрос, как афинская расписная керамика (артефакты этого рода тоже, естественно, добываются в результатах археологических раскопок, легальных или нелегальных). Пожалуй, прозвучит банальностью следующее утверждение (оно даже не нуждается в каких-либо ссылках): если в VII в. до н. э. в области вазопи-

¹⁸ Сошлемся на наиболее подробный анализ проблемы, относительно недавний: Raaflaub, Ober, Wallace, 2007, p. 49 ff.

¹⁹ О ее местоположении см., например: Robertson, 1998; Papadopoulos, 2008, p. 36; Hall, 2014, p. 84.

²⁰ Который не следует путать с Толосом — круглым в плане зданием, построенным позже уже на «новой агоре».

²¹ И, соответственно, о ней есть море литературы. Сошлемся хотя бы на обобщающие работы: Thompson, Wycherley, 1972; Camp, 1986.

си всецело «царствовал» Коринф (во всяком случае, если говорить о Балканской Греции), то в следующем столетии эту «пальму первенства» у него всецело перехватили Афины. Афинская черно- и (затем) краснофигурная живопись²² затмевает всю предшествующую.

Как объяснить эту коллизию? Мы связываем ее с тем, что Солон резко облегчил переселение в Афины ремесленников из других городов, и результаты не заставили себя долго ждать. Именно в результате этой реформы в Афины перебрался ряд вазописцев из такого крупного в ту пору художественного центра, как Коринф, и, соответственно, после этого афиняне в области вазописи начали опережать коринфян²³.

О проблеме «Солон и погребения» тоже необходимо сказать несколько слов. Производят огромное эстетическое впечатление появившиеся в Афинах именно в VI в. до н. э., в послесолоновское время, чрезвычайно монументальные и пышные надгробия, зачастую с использованием рельефной или круглой скульптуры²⁴. Таковых не было до VI в. до н. э., таковых не встречалось и после указанного столетия. В чем же причина?

Солон, в числе прочих своих реформ, провел и такую, которая резко ограничивала роскошь погребальных ритуалов (см.: [Суриков, 2004, с. 102 слл.; Blok, 2006]). Аристократов фактически ущемили в проявлениях своего богатства и великолепия непосредственно во время похорон, и теперь они стали как бы «отыгрываться», возводя на могилах своих умерших родственников настоящие произведения искусства, вне сомнения, крайне дорогостоящие²⁵. Новый перелом наступает на рубеже VI–V вв. до н. э. С этого времени и вплоть до Пелопоннесской войны подобного рода роскошные надгробия практически совершенно исчезают, что, не приходится сомневаться, связано с фактом установления афинской демократии при Клисфене.

²² Недавно о развитии этих стилей в Аттике в период поздней архаики была подготовлена интересная работа: Самар, 2011.

²³ В связи с динамикой развития искусства (в том числе вазописного) рассматриваемого периода см.: Hurwit, 1985.

²⁴ Об этих памятниках см.: Richter, 1944. Зачастую на могилах ставились статуи курсов, о которых см.: Richter, 1942.

²⁵ Э. Снодграсс даже считает, что погребальное законодательство Солона фактически стимулировало строительство надгробных памятников как моральную компенсацию за запрет иного рода расходов на похороны [Snodgrass, 1980, p. 146]. Ср.: Sourvinou-Inwood, 1996, p. 370.

Хотелось бы, уже подходя к концу данной небольшой статьи, заметить еще вот о чем: отрицательный результат есть тоже результат. Если мы чего-то при всех усилиях *не* находим — это точно так же должно быть чем-то обусловлено.

Имеем здесь в виду известные *ѳροι*, упоминаемые как в стихах самого Солона, так и в позднейших источниках. Мы понимаем их как закладные камни, поставленные на участках неоплатных должников в ознаменование того, что их земля заложена кредитору в обеспечение долга (см. с аргументацией: Суриков, 2007(2), там же и ссылки на литературу о *ѳροι*). Проблема заключается в том, что ни один такой *ѳрос* солоновского времени так и не был обнаружен. Уж каких только гипотез не предлагалось в данной связи! Одной из самых недавних и, пожалуй, наиболее экзотической выглядит та, которая была выдвинута Дж. Обером [Ober, 2006].

Необходимо отметить, что основная сфера интересов Обера — политика и идеология в классических, демократических Афинах, и в этой области американскому антиковеду действительно мало равных. Но вот эпоха Солона, судя по всему, известна ему значительно меньше, что, впрочем, отнюдь не мешает его смелой попытке одним ударом «разрубить гордиев узел» такого сложнейшего, многократно дискутировавшегося вопроса, как природа досолоновских *ѳροι* — закладных или пограничных камней, убранных афинским законодателем.

Обер, опровергая или просто отбрасывая существующие точки зрения, предлагает взамен собственную, — на наш взгляд, расплывчатую и неудобопонимаемую — трактовку, в результате которой пресловутые *ѳροι* буквально дематериализуются. По мнению Обера, никаких таких камней в собственном смысле, возможно, никогда и не было, а Солон имеет в виду под *ѳροι* ограничения, наложенные афинской элитой на демос, а теперь им снятые с целью сделать граждан полиса более равными между собой. Наверное, и такая гипотеза тоже имеет право на существование, как и любая другая, но мы, откровенно говоря, видим мало аргументов в ее поддержку. Вместо аргументов у Обера в основном появляются исторические параллели, причем преимущественно из области... арабо-израильского конфликта!

Итак, чего только не писали в связи с тем, что не найдены *ѳροι* времен Солона! А ведь, думается нам, в данном случае «ларчик просто открывался». Пресловутые закладные камни были по солоновскому приказу добросовестно уничтожены. Так, чтобы и следа от них не

осталось! В этом, собственно, и заключался смысл той реформы афинского законодателя, которую называют сисахфией. И она возымела долгосрочный эффект²⁶: новые ёрои появились в Аттике только в IV в. до н. э., да и то в совершенно иной связи [Fine, 1951; Finley, 1985].

* * *

Разумеется, тема «Солон и археология» подразумевает гораздо большее число аспектов, которые могли бы быть затронуты. Однако мы и так уже превышаем отпущенный нам лимит, и остается надеяться только на то, что в дальнейшем (в частности, в большой книге о Солоне и его реформах, над которой мы сейчас работаем) нам удастся затронуть и другие ракурсы той же проблематики.

Библиография

- Ленцман Я. А. Достоверность античной традиции о Солоне // Древний мир: сб. статей. Академику В. В. Струве / Под ред. Н. В. Пигулевской. М., 1962. С. 579–586.
- Самар О. Ю. Развитие стиля аттической вазописи в позднеархаический период (530–490 гг. до н. э.): дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 497 с.; прил.
- Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М: Языки славянской культуры, 2004. 144 с.
- Суриков И. Е. Древнейшие афинские монеты (Warrenmünzen): проблемы интерпретации и датировки // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 43–51.
- Суриков И. Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // Древности Боспора. 2007. Т. 11. С. 380–393.
- Суриков И. Е. Досолоновские «шестидольники» и долговой вопрос в архаических Афинах // ВДИ. 2007. № 3. С. 28–46.
- Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. 2009. Вып. 3. С. 102–127.
- Суриков И. Е. [Рецензия] // ВДИ. 2010. № 1. С. 207–214. Рец. на кн.: Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston, 2006.
- Суриков И. Е. Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. 2012. Т. 1. С. 51–67.
- Суриков И. Е. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 2013. № 4. С. 23–43.

²⁶ Вообще говоря, все реформы Солона начали работать в средне- или долгосрочной перспективе, а на первых порах население их только ругало.

- Суриков И. Е. Понятия АΓΑΘΟΣ и ΚΑΚΟΣ в архаической Греции (по данным лирической поэзии) // *Antiquitas aeterna*. 2014. Вып. 4. С. 21–42.
- Суриков И. Е. Ономастика и история Афинской морской державы (некоторые замечания) // *ПОЛУТРОПОС*: сб. науч. статей памяти А. А. Молчанова / Под ред. Т. Н. Джаксон, А. В. Акопяна. М., 2014. С. 105–116.
- Суриков И. Е. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX–VIII вв. до н. э.) // *Мнемон*. 2014. Вып. 14. С. 27–50.
- Суриков И. Е. Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Вторая половина (VII–VI вв. до н. э.) // *Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 2014. № 5. С. 52–63.
- Суриков И. Е. Некоторые проблемы поэзии Солона // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. № 2 (48). С. 3–23.
- Almeida J. A.* Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden; Boston: Brill, 2003. XVIII, 284 p. (*Mnemosyne Suppl.*; 243).
- Anhalt E. K.* Solon the Singer: Politics and Poetics. Lanham: Rowman, 1993. XIII, 159 p.
- Bintliff J.* Solon's Reforms: An Archaeological Perspective // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / Ed. by J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois. Leiden; Boston, 2006. P. 321–333.
- Bintliff J.* The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD. Oxford: Wiley Blackwell, 2012. XXV, 518 p.
- Blok J. H.* Solon's Funerary Laws: Questions of Authenticity and Function // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / Ed. by J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois. Leiden; Boston, 2006. P. 197–247.
- Camp J. M.* The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. London: Thames & Hudson, 1986. 232 p.
- David E.* Solon, Neutrality and Partisan Literature of Late Fifth-Century Athens // *Museum Helveticum*. 1984. Vol. 41, fasc. 3. P. 129–138.
- Develin R.* Athenian Officials 684–321 B. C. Cambridge: Univ. Press, 2003. XIX, 556 p.
- Fine J. V. A.* Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1951. 216 p. (*Hesperia Suppl.*; 9).
- Finley M. I.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens. 2 ed. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1985. 376 p.
- Forsdyke S.* Exile, Ostracism, and Democracy: The Politics of Expulsion in Ancient Greece. Princeton: Univ. Press, 2005. XIV, 344 p.
- Forsdyke S.* Land, Labor and Economy in Solonian Athens: Breaking the Impasse between Archaeology and History // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / Ed. by J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois. Leiden; Boston, 2006. P. 334–350.
- Frings I.* Der Weise und der König. Solon und Kroisos bei Herodot und Lukian. Toruń: Uniw. M. Kopernika, 1996. V, 46 S. (*Xenia Toruniensia*; 2).

- Hall J. M.* A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. XXI, 366 p.
- Hansen M. H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. 1989. Vol. 40. P. 71–99.
- Hurwit J. M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B. C. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1985. 367 p.
- An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Ed. by M. H. Hansen and T. H. Nielsen. Oxford: Univ. Press, 2004. XV, 1396 p.
- Irwin E.* Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge: Univ. Press, 2005. XIII, 350 p.
- Keesling C. M.* Solon’s Property Classes on the Athenian Acropolis? A Reconsideration of *IG* II.831 and *Ath. pol.* 7.4 // *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II* / Ed. by K. F. Daly and L. A. Riccardi. Lewisburg, 2015. P. 115–135.
- Lardinois A. P. M. H.* Have we Solon’s Verses? // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / Ed. by J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois. Leiden; Boston, 2006. P. 15–35.
- Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge: Univ. Press, 1987. IX, 262 p.
- Mossé C.* Comment s’élabore un mythe politique: Solon, “père fondateur” de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. Vol. 34, N 3. P. 425–437.
- Mülke Chr.* Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar. Leipzig: Saur, 2002. 414 S.
- Noussia-Fantuzzi M.* Solon the Athenian, the Poetic Fragments. Leiden; Boston: Brill, 2010. XIV, 579 p. (Mnemosyne Suppl.; 326).
- Ober J.* Solon and the *Horoi*: Facts on the Ground in Archaic Athens // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / Ed. by J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois. Leiden; Boston, 2006. P. 441–456.
- Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene*. 1973. Vol. 11. P. 31–65.
- Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 B. C. London; N. Y.: Routledge, 1996. XX, 396 p.
- Papadopoulos J. K.* The Archaic Wall of Athens: Reality or Myth? // *Opuscula*. 2008. Vol. 1. P. 31–46.
- Polignac F. de.* Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago: Univ. Press, 1995. XV, 187 p.
- Raaflaub K. A., Ober J., Wallace R. W.* Origins of Democracy in Ancient Greece / with chapters by P. Cartledge and C. Farrar. Berkeley: Univ. of California Press, 2007. XI, 242 p.
- Richter G. M. A.* Kouros: A Study of the Development of the Greek Kouros from the Late Seventh to the Early Fifth Century B. C. Oxford: Univ. Press, 1942. XXI, 428 p.

- Richter G. M. A.* Archaic Attic Gravestones. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1944. XVI, 166 p. (Martin Classical Lectures; 10).
- Robertson N.* The City Center of Archaic Athens // *Hesperia*. 1998. Vol. 67, N 3. P. 283–302.
- Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // *Historia*. 1958. Bd. 7, Ht. 4. S. 398–424.
- Sauge A.* “L’Iliade”, poème athénien de l’époque de Solon. Bern: Lang, 2000. XVIII, 667 p.
- Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. London: Dent & Sons, 1980. 236 p.
- Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / Ed. by J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois. Leiden; Boston: Brill, 2006. XI, 476 p. (Mnemosyne Suppl.; 272).
- Sourvinou-Inwood C.* ‘Reading’ Greek Death: To the End of the Classical Period. Oxford: Clarendon Press, 1996. XIV, 489 p.
- Stehle E.* Solon’s Self-reflexive Political Persona and its Audience // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / Ed. by J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois. Leiden; Boston, 2006. P. 79–113.
- Stroud R. S.* The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley: Univ. of California Press, 1979. 62 p.
- Thomas C. G., Conant C.* Citadel to city-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B. C. E. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1999. XXIV, 199 p.
- Thompson H. A., Wycherley R. E.* The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1972. XXIV, 257 p. (The Athenian Agora; 14).
- Thompson N.* Most Favored Status in Herodotus and Thucydides: Recasting the Athenian Tyrannicides through Solon and Pericles // The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought / Ed. by S. Salkever. Cambridge, 2009. P. 65–95.

ДРЕВНИЙ РИМ

УДК 94(37) ГРНТИ 03.09.23

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АГРАРНОГО КРИЗИСА В РИМЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ II В. ДО Н. Э.

Гвоздева Инна Андреевна, Никишин Владимир Олегович
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

THE SOCIAL AND JURIDICAL CONSEQUENCES OF THE AGRARIAN CRISIS IN ANCIENT ROME IN THE LAST THIRD OF THE II CENTURY B.C.

Gvozdeva Inna Andreevna, Nikishin Vladimir Olegovich
M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: Статья посвящена аграрным преобразованиям братьев Гракхов. Революционный характер этих преобразований заключался в том, что Гракхи решились на конфискацию излишков, превышавших земельный максимум. Наделяя римских граждан землёй из фонда *ager publicus*, Гракхи консервировали полисную структуру римской *civitas*.

Ключевые слова: Гракхи, *ager publicus*, *ager Romanus*, аграрная реформа, земельный максимум, лимитация, центуриация, агрименсура, гракханские лимиты, аграрная комиссия.

Abstract: This article is devoted to the agrarian reforms of brothers Gracchi. The revolutionary character of these reforms consisted in that Gracchi dared to confiscate surpluses, which exceeded the agrarian maximum. By giving allotments from the fund of *ager publicus* to the Roman citizens Gracchi conserved the polis' structure of the Roman *civitas*.

Keywords: Gracchi, *ager publicus*, *ager Romanus*, the agrarian reform, the agrarian maximum, limitation, centuriation, *agrimensura*, *gracchan limits*, agrarian comission.

* 129075, Москва, 2-я Новоостанкинская ул., д. 25, кв. 73; tbgzvozdeva@rambler.ru.
(И. А. Гвоздева).

129327, Москва, Анадырский проезд, д. 29, кв. 44; cicero74@mail.ru (В. О. Никишин).

Поколение внуков Сципиона Африканского стало свидетелем системного кризиса Римской республики, «кризиса без альтернативы» [Межеричский, 2016, с. 194]¹. В историографии он зачастую анализируется с точки зрения несоответствия традиционной полисной структуры римской *civitas* новым политическим реалиям (имеется в виду в первую очередь формирование Римской средиземноморской державы). Однако не подлежит никакому сомнению то, что этот кризис был в значительной степени порождён состоянием аграрного вопроса в Риме. Чрезмерное распространение крупного земле- и рабовладения со всеми присущими им злоупотреблениями привело к массовому разорению и обезземеливанию италийского крестьянства (речь идёт не только о римских гражданах, но и о союзниках Рима, латинах и италиках — *socii nominisque Latini*) [Lintott, 1994, p. 54]². Ситуация «земельного голода» поставила на повестку дня необходимость поиска ресурсов для наделения землёй беднейших слоёв сельского плебса. Поскольку крестьянство составляло костяк римского ополчения (*militia*), проблема наделения землёй малоземельных и безземельных крестьян была непосредственно связана и с обеспечением боеспособности римской армии, и с поддержанием внутривнутриполитической стабильности в государстве. Между тем сложное социально-экономическое положение италийского крестьянства (как граждан, так и союзников) демонстрировало явную тенденцию к дальнейшему ухудшению. Военские качества призывного контингента, за плечами которого оставались разорённые, пришедшие в упадок хозяйства и заложенные участки земли, оставляли желать лучшего. В результате во 2-й пол. II в. до н. э. мы наблюдаем явную деградацию римской военной машины: серьёзные проблемы с воинским набором (Polyb. XXXV. 4; Appian. Iber. 84), обусловленные неуклонным уменьшением числа римских граждан³, обернулись

¹ Как полагал Э. Бэдиан, после Ганнибаловой войны началась деградация римской правящей элиты, которая год от года утрачивала лидерские качества и всё более погрязала в коррупции; впрочем, случались и счастливые исключения из общего правила [Badian, 1972, p. 687].

² Сенат пытался разрешить аграрную проблему: на 1-ю пол. II в. до н. э. пришлось реализовать ширококомасштабной программы по наделению землёй плебеев и выведению колоний (Liv. XXXIV. 45; Vell. I. 14–15). В этой программе приняли участие до 100 тыс. римских граждан, латинов и италиков [Лапырёнок, 2013(1), с. 233–234].

³ В 159–136 гг. до н. э. убыль граждан составила 20 381 чел. [см.: Заборовский, 1985, с. 94].

затяжной войной с испанскими племенами (154–133 гг. до н. э.), а также бесславными и зачастую неудачными военными операциями против восставших рабов на Сицилии (136–132 гг. до н. э.)⁴.

Обострение аграрного вопроса в Риме было обусловлено спецификой структуры римского общества. Дело в том, что патриции (привилегированный класс-сословие) ещё в архаический период получили преимущественное право оккупации общественного земельного фонда (*ager publicus*). Это право стало следствием той правовой уступки (*concessus*), которую осуществила римская *civitas* в пользу патрицианских родов (речь идёт о праве оккупации земли, перешедшей из состава *ager Romanus* в фонд *ager publicus*). В результате общественное поле превратилось в объект оккупации патрициев и стало практически недоступно для плебеев⁵, что, собственно, во многом и породило пресловутый аграрный вопрос в Риме. При этом важно отметить, что, по-видимому, во II в. до н. э. крупные земельные владения (в частности, в Центральной Италии) формировались на основе не столько *ager publicus*, сколько *heredium*, поскольку инвестировать в частную собственность было гораздо разумнее и более перспективно, нежели в арендованные участки общественной земли; таким образом, крупные землевладельцы концентрировали в своих руках земельную собственность преимущественно за счёт скупки небольших крестьянских наделов [Roselaar, 2010, p. 200 sqq.]. Тем не менее проблема оккупации *ager publicus*⁶ существовала, и братья Гракхи пытались решить эту проблему путём перераспределения общественного земельного фонда в пользу малоземельных и безземельных крестьян на условиях наследственной аренды. Поскольку к 133 г. до н. э. почти весь *ager publicus* уже был оккупирован

⁴ По мнению Э. Бэдиана, именно «военный» фактор (рабские восстания, войны в Испании и на Сицилии, военные действия в Македонии и Иллирии) сыграл решающую роль в мотивации Тиберия Гракха [Badian, 1972, p. 681 sqq.]. Неудивительно, ведь речь шла о весьма серьёзных угрозах «национальной безопасности» (*national security*) Рима [ibid. 688. Ср.: Заборовский, 1985, с. 100–101; Lintott, 1994, p. 54–55].

⁵ Со временем богатые и влиятельные плебеи, вошедшие в состав римской элиты благодаря закону о браках Гая Канулея (445 г. до н. э.), получили доступ к общественной земле и с тех пор выступали единым фронтом с представителями патрицианских родов против любых посягательств на те владения, которые они уже, видимо, считали своей собственностью.

⁶ В Южной Италии римские союзники (включая местные элиты) практически только этим земельным фондом и пользовались [Roselaar, 2010, p. 202].

посессорами, единственным способом решения проблемы было законодательное установление земельного максимума с последующей конфискацией излишков для раздачи плебеям. Таким образом, реформаторы стремились восстановить *ager publicus* в его первоначальном состоянии. Тиберий Гракх начал аграрную реформу, которую после него продолжали его единомышленники и в первую очередь младший брат Гай.

На этом переломном этапе римской истории вопросы землеустройства и землепользования стояли как никогда остро. Правившая Римом сенатская олигархия упорно придерживалась прежнего политического курса, не собираясь осуществлять никаких радикальных преобразований в аграрной сфере, что в перспективе должно было с неизбежностью привести Римскую республику к гибели [Badian, 1972, p. 687]. Между тем необходимость реформ была очевидна для наиболее дальновидных представителей нобилитета (в частности, для Сципиона Эмилиана), однако далеко не каждый из них мог отважиться публично выступить с программой решительных и энергичных мер для исправления сложившейся ситуации. Так, консул 140 г. до н. э. Гай Лелий, верный друг и соратник Сципиона Эмилиана, намеревался, но так и не осмелился, выступить в сенате с аграрным законопроектом (*Plut. Tib. Gr.* 8.3), предусматривавшим раздачу общественной земли малоземельным крестьянам⁷.

Гражданского мужества хватило у 29-летнего нобилия Тиберия Семпрония Гракха, который, став плебейским трибуном, выступил в комициях с проектом аграрной реформы (133 г. до н. э.)⁸. Эта рефор-

⁷ Суть законопроекта неизвестна. Скорее всего, инициатива Лелия могла относиться к 145 г. до н. э., когда тот был претором [Briscoe, 1974, p. 127; Заборовский, 1985, с. 97]. Впрочем, А. Линтотт полагает, что Лелий разработал упомянутый законопроект в бытность свою консулом, т. е. в 140 г. до н. э. [Lintott, 1994, p. 60]. Работая над своим законопроектом, Лелий вполне мог опираться на прецедент — *lex Flaminia* 232 г. до н. э.

⁸ Тиберия поддерживали такие влиятельные сенаторы, как принцепс сената Аппий Клавдий Пульхр (примерно в 137 г. до н. э. старший из братьев Гракхов женился на его дочери), Публий Лициний Красс Муциан (в будущем тесть Гая, младшего брата Тиберия), Квинт Цецилий Метелл Македонский, Публий Муций Сцевола, Гай Порций Катон (племянник Сципиона Эмилиана) и др. [Briscoe, 1974, p. 127 sqq.]. Этой группировке противостояло большинство сената во главе со Сципионом Эмилианом [ibid. P. 132]. Несмотря на то что Сципион Эмилиан был женат на сестре Тиберия, отношения зятя с шурином, видимо, безнадежно испортились после того, как в 136 г. до н. э. Сципион и Лелий оказали давление на консула Фурия Фила и добились денонсации договора с нумантинцами, в заключении которого решающую роль

ма ознаменовала собой подлинную революцию в системе римского землевладения, равно как и «начало конца» общественной пашни в Римской республике [Roselaar, 2010, p. 222]⁹. Аграрное законодательство 133–111 гг. до н. э. С. Т. Розелар характеризует как процесс приватизации *ager publicus* [ibid.]¹⁰. По подсчётам современных исследователей, в общей сложности гракханская центуриация охватила площадь в 1 307 200 югеров, или 3268 кв. км [Roselaar, 2010, p. 252]. В чём же заключалась пресловутая «революционность» гракханских мероприятий? В том, что они «создавали “крепких хозяев” с участками в 30 югеров, на которых можно было вести более усовершенствованное и независимое хозяйство» [Штаерман, 1996, с. 73]¹¹. В целом движение братьев Гракхов стало важной вехой в истории римского республиканского строя: с этого времени в Риме берёт начало практика применения вооружённой силы против политических оппонентов (App. Bell. Civil. I. 2; Dion. Hal. Ant. Rom. II. 11.3).

Суть задуманных Тиберием Гракхом преобразований сводилась к перераспределению фонда *ager publicus*¹², который на протяжении всей республиканской эпохи оставался источником острых социальных конфликтов. Правовой статус этой древнейшей экономической категории был определён нормами *ius quiritorium*, распространявшимися на патрицианскую часть римской *civitas*. В сфере *ius civile* — права всего *populus Romanus* — означенная категория оставалась неопределённой. В этой связи важно понять, что именно античные авторы думали о происхождении *ager publicus*. В большинстве своём они склонялись к мнению, что этот земельный фонд был создан и пополнялся римлянами за счёт их завоеваний. Большая часть *ager Romanus*, возникшего в результате римской экспансии, предназначалась для общественного

сыграл Тиберий Гракх (Cic. Har. resp. 43). См.: Briscoe, 1974, p. 125, n. 4; Lintott, 1994, p. 61. Р. Сайм полагал, что Тиберия с его аграрной программой выдвинула сенатская группировка, враждебная Сципиону Эмилиану [Syme, 1939, p. 12].

⁹ «Революция» тогда же началась и в политическом плане: ещё Р. Сайм писал о том, что деятельность братьев Гракхов положила начало столетию «римской революции», имея в виду период гражданских войн, ознаменовавших крах Римской республики и переход к режиму принципата [Syme, 1939, p. 16].

¹⁰ Впрочем, *ager publicus* продолжал существовать и после 111 г. до н. э.

¹¹ По мнению Э. Бэдиана, 30 югеров — это максимальный размер гракханского надела, тогда как средний и минимальный размеры нам неизвестны [Badian, 1972, p. 704].

¹² *Ager publicus* сосуществовал с другими категориями земель, в частности с гентильными и частными землями.

пользования (*ager publicus*) (Liv. IV. 51.5–6; Plut. Rom. 17). Основоположник римского земельного права Фронтин рассматривал *ager publicus* как часть завоёванного римлянами *ager Romanus*; этой категории он присвоил особый вид границы по рельефу местности — *arcifinius* (CAR. S. 5). Рассматривая *ager publicus* как результат завоевания, О. Берендс выводит его из состава *ager Romanus* [Behrends, 2004, p. 8–9]. Гигин Старший считал основной правовой характеристикой участков *ager Romanus* их охрану от посягательств со стороны соседей (CAR. S. 78). Крупный итальянский историк и правовед А. Бурдесе полагал, что упоминание соседей (*vicini*) у агрименсоров непосредственно связано с правом *оскупации*, которое позволяло патрициям захватывать земли из фонда *ager publicus* [Burdese, 1974, p. 18–19]. Что же касается агрименсоров, то, по мнению Кл. Моатти, в I–II вв. они, по сути, уже не различали *ager publicus* и *ager Romanus* [Moatti, 1992, p. 66–68]. Между тем в архаический период *оскупация* общественной земли была публичной акцией, демонстрировавшей принадлежность осуществлявшего её физического лица к гражданскому коллективу. Землю из фонда *ager publicus* римская *civitas* предоставляла патрицианским родам как «уступление» (*concessus*), поскольку они располагали *ius colendi* на общественной земле [ibid. P. 50, 60, 65]. В результате оккупации создавалась основная экономическая категория римской архаики — квиритский *посессион* (App. Bell. Civ. I. 7; Plut. Tib. Gr. 8.1–2; Col. De re rust. I. 3.11–13).

Судьба *ager publicus* изначально определялась безраздельным доминированием в римской *civitas* патрицианской элиты. В общественном сознании республиканского Рима результаты оккупации, восходившие к архаическим временам, были неприкосновенны и пересмотру не подлежали. До Гракхов сам принцип распределения *ager publicus* опирался на «заветы предков» (*mores maiorum*), и отойти от этой традиции было сложно. Выразителем данной (консервативной) точки зрения в I в. до н. э. был Цицерон, который в своём трактате «Брут» высказался об аграрном законе Тиберия Гракха, дерзнувшему ревизовать традиционную систему землепользования, как об «ошибочном и бесполезном» (*vitiosa et inutili lege*) (Cic. Brut. 136). Неудивительно, ведь Тиберий Гракх намеревался пересмотреть результаты древней оккупации, что само по себе могло серьёзно дестабилизировать социально-экономическую, политическую и правовую обстановку в Римской республике. Возникает вопрос: какова же была юридическая база реформаторской программы Тиберия?

Как уже было сказано, право оккупации земель из фонда *ager publicus* было основано на принципе *concessus*. Это означало, что в случае необходимости гражданская община в лице комиций могла вернуть оккупированные участки в общее пользование. Тем не менее вплоть до 130-х гг. до н. э. участки *ager publicus* находились преимущественно во владении т. н. *veteres possessores* — хозяев квирических посессионов, границы которых оформлялись по рельефу местности (*arcifinius*). Это обстоятельство обусловило искусственную консервацию социально-экономических отношений, что в условиях нехватки земли неизбежно вело к обострению социальных конфликтов. Тем временем развивавшееся *ius civile* требовало внедрения индивидуального *usus* в пику безраздельному господству гентильной земельной собственности [Behrends, 1992, S. 252], которая, как и посессионы, была оформлена исключительно естественной границей на местности. Было очевидно, что наделение землёй италийских крестьян необходимо провести по другому принципу, т. е. посредством *adsignatio* — передачи земельного надела в собственность. Прецедентов в римской истории было немало (Liv. XXXII. 29.3–4; XXXIV. 45.1–5; Vell. XIV. 2–XV. 5), однако на площадях *ager publicus* в таких масштабах *adsignatio* не применялась ни разу. Таким образом, гракханские преобразования имели вполне солидную правовую базу. При этом аграрная реформа Тиберия Гракха означала подлинную революцию в системе римского землевладения, равно как и «начало конца» общественной пашни в *res publica Romana* [Roselaar, 2010, p. 222; Syme, 1939, p. 16].

Главным злом Тиберий считал обезземеливание крестьян, которых разорял дешёвый труд рабов, наводнивших Италию (App. Bell. Civil. I. 9; Plut. Tib. Gr. 8.7; 9.4). С целью свести на нет этот процесс, восстановив слой мелких землевладельцев [Roselaar, 2010, p. 229–230], старший Гракх, опираясь на юридическую категорию *concessus* и используя право государства предоставлять земли из фонда *ager publicus* в пользование любому гражданину, в 133 г. до н. э. внёс в комиции аграрный законопроект¹³, в соответствии с которым

¹³ Есть версия, что аграрных законов было два: первый, *lex Sempronia de modo agrorum*, устанавливал земельный максимум и создавал аграрную комиссию, второй же наделял эту комиссию империем и судебными полномочиями (*summum imperium iudiciumque*), первый закон — *lex agraria*, второй — *lex iudiciaria* (Liv. Per. 58. Ср.: Vell. II. 2.2–3; Cic. Acad. II. 13. Макробий пишет об одном аграрном законе: Macr. Sat. III. 14.6). См.: Лапырёнок, 2016, с. 40–41.

вводился земельный максимум: каждый из прежних владельцев общественной земли (*veteres possessores*)¹⁴ мог сохранить в своём распоряжении (т. е. получить в собственность, без уплаты ренты) 500 югеров и вдобавок по 250 югеров на каждого из сыновей (App. Bell. Civil. I. 9), но в общей сложности не более 1000 югеров на семью (Liv. Per. 58; Ps.-Aurel. Vict. Vir. ill. 64.3)¹⁵. Излишки вместе с постройками и насаждениями следовало вернуть государству за определённую компенсацию¹⁶. Из вновь образованного земельного фонда предполагалось раздавать участки по 30 югеров (эта величина фигурирует в *lex agraria* 111 г. до н. э.) безземельным и малоземельным гражданам¹⁷. Участки не подлежали отчуждению (т. е. купле-продаже), а их владельцы должны были платить в казну налог — *vectigal*¹⁸. Таким образом, речь не шла о создании полной и безусловной земельной собственности (*dominium*, или *proprietas*). Тем не менее то обстоятельство, что земельный участок находился в частном пользовании, означало его интенсивную обработку и тесную «привязку» к хозяину (последний, разумеется, стремился к приватизации надела). По мнению С. Т. Розелар, в 133 г. до н. э. в соответствии с *lex Sempronia agraria* гракханские наделы получили статус *ager privatus vectigalisque*; сделано это было для того, чтобы новые собственники смогли пройти ценз, поскольку при проведении ценза учитывались только земли, имевшие статус *ager privatus*, и получили возможность служить в армии [Roselaar, 2010,

¹⁴ В данном случае речь шла не о земле, которую граждане на законных основаниях арендовали у государства, а об участках, оккупированных в результате самозахвата.

¹⁵ Э. Бэдиан ставит под сомнение эту цифру, считая, что подлинный земельный максимум составлял не 1000, а 500 югеров [Badian, 1972, p. 703].

¹⁶ Компенсация полагалась за конфискованную усадебную недвижимость (Plut. Tib. Gr. 9.2). Законопроект Тиберия был достаточно умеренным в этом плане: в своё время Катон Старший, будучи цензором, без какой бы то ни было компенсации разрушал частные постройки, возведённые на общественной земле (Liv. XXXIX. 44.4).

¹⁷ С. Т. Розелар сомневается в том, что величина гракханских наделов составляла 30 югеров: по её мнению, во-первых, это слишком много, а во-вторых — в источниках нет точных указаний на сей счёт [Roselaar, 2010, p. 232, n. 30]. Как пишет Е. М. Штаерман, «вероятно, надел в 30 югеров был минимумом для зажиточного, “крепкого хозяина”» [Штаерман, 1996, с. 60].

¹⁸ По сообщению Плутарха, плебеи, получившие земельные наделы при Гае Гракхе, вносили в казну *vectigal* (Plut. C. Gr. 9.2). Логично предположить, что эта мера действовала и при Тиберии.

р. 233. Ср.: Лапырёнок, 2016, с. 74, прим. 140]. Безусловно, запрещение покупать и продавать полученные от государства наделы имело своей целью затормозить процесс разорения и обезземеливания мелких сельских производителей. В целом *lex Sempronia agraria* установил «общие принципы межевания», которых впоследствии придерживался и Гай Гракх [Мякин, 2010, с. 14]. Ассигнация Тиберия разительно отличалась от *oscipatio*, т. к. проводилась после расчёта *divisi* всей площади и каждого участка на *modus*. Границы такой ассигнации были чётко проведены и обозначались межевыми камнями, которые представляли собой каменные цилиндры (*CAR. S. 130; SRF. I. S. 249–250; II. S. 325*) [см.: Гвоздева Т. Б., Гвоздева И. А., 2016(1), с. 79–86]. Теперь на земле могла проследиваться заметная разница этих участков, в отличие от *possessiones* на *ager publicus* — индивидуальных владений, подтверждённых лишь *fides* (их границы «покоились» на *auctoritas* республиканской элиты) [Behrends, 1992, S. 249, 252].

Учитывая сопротивление прежних владельцев (*veteres possessores*), для выявления и выделения земельных излишков Тиберий Гракх применил новый способ межевания — лимитацию, или деление прямыми межами — лимитами. Лимит к тому времени уже вошёл в практику римского землеустройства. От предшествующего межевания лимитация отличалась тем, что её делители проводились прямыми линиями на большом расстоянии в точно определённом географическом направлении [Гвоздева Т. Б., Гвоздева И. А., 2015, с. 98–108]. Лимиты-декуманы проводились с востока на запад, лимиты-карды — с севера на юг. Деление выявленных излишков земли могло проводиться или только декуманами, или только кардами (т. е. лимиты не пересекались друг с другом) [Гвоздева Т. Б., Гвоздева И. А., 2016(2), с. 75–84]. Пересечение же лимитов, которое создавало новую единицу площади — квадратную центурию, могло осуществляться лишь на крупных массивах изъятых земель категории *ager publicus* [Гвоздева, 1988, с. 19–26]. Гракханская аграрная реформа ввела в практику римского землеустройства новый вид лимитов — *limites Gracchani* (по имени братьев Гракхов) [Hinrichs, 1974, p. 58–59]. Гракханские лимиты прослеживаются в разных районах Италии, а именно в Апулии, Калабрии, Лукании, Бруттии [*ibid.* S. 60]. Тиберий Гракх применил лимиты, чтобы зафиксировать границы новых наделов, переходивших во владение (без права отчуждения) безземельных крестьян (межевание здесь в выгодную сторону отличалось от неразделённых

agri occupatorii) [Гвоздева, 1999, с. 72–79]. Результаты гракханских ассигнаций зафиксированы в Тарквиниях, Свессе Аврунков, Велитрах (L. с. 219, 237, 238). Гракханские лимиты укрепили правовую базу нового межевания и расчёты его на *modus* для крестьян, наглядно продемонстрировав новый способ передачи земли в собственность.

Сторонниками аграрной реформы Тиберия Гракха были безземельные и малоземельные крестьяне из числа римских граждан¹⁹ (App. Bell. Civil. I. 10), противниками — *veteres possessores*, которые давно привыкли считать занятые ими участки *ager occupatorius* своей нераздельной собственностью (loc. cit. Ср.: Flor. II. 3.13.7)²⁰. Под разными предложениями прежние посессоры всячески затягивали судебные разбирательства, возникавшие в процессе работы аграрной комиссии (App. Bell. Civil. I. 21). С. Т. Розелар полагает, что до 133 г. до н. э. *veteres possessores* могли продавать свои участки общественной пашни (*ager occupatorius*²¹); в 133 г. до н. э. они потеряли такую возможность и вновь обрели её после вступления в силу *lex agraria* 111 г. до н. э. В дальнейшем те *veteres possessores*, чьи участки не дотягивали до максимума в 500 югеров, смогли покупать землю у других владельцев общественной земли [Roselaar, 2010, p. 259]. Те посессоры, которые получали участки *ager occupatorius* на правах *ager privatus* взамен конфискованных у них земельных владений [Лапырёнок, 2016, с. 77], считались *pro vetere possessore*. Все эти участки, по-видимому, стали безраздельной собственностью (*proprietas*) своих владельцев в 111 г. до н. э. с неограниченными возможностями отчуждения [Roselaar, 2010, p. 274]. Как правило, собственные имущественные интересы, связанные с оккупированными участками *ager publicus*, владельцы защищали через контроверсию

¹⁹ При подготовке аграрной реформы интересы италийских союзников Рима никак не были учтены [Badian, 1972, p. 701; Лапырёнок, 2016, с. 52]. Стоит отметить, что италийки, будучи перегринами (*peregrini*), если и получали от римской администрации землю, то лишь во владение, а не в собственность [Lintott, 1994, p. 64].

²⁰ С начала II в. до н. э. сенат неоднократно принимал административные меры с целью оградить общественные земли от незаконных захватов [Штаерман, 1996, с. 61–62]. Вместе с тем, когда возникала нужда в деньгах, сенат либо продавал часть *ager publicus* участками по 50 югеров [там же, с. 61], либо сдавал в аренду; владельцы этой земли платили *vestigal* [там же, с. 68].

²¹ По мнению Р. В. Лапырёнка, фонд *ager occupatorius* стал «важнейшим источником для формирования крупной земельной собственности» [Лапырёнок, 2013(1), с. 234–235].

de loco, по которой оспаривалось местоположение участка, а не его граница (CAR. S. 8–9; 33–34) [Behrends, 1992, S. 269]. Под разными предложениями прежние посессоры всячески затягивали судебные разбирательства, возникавшие в процессе работы аграрной комиссии (App. Bell. Civil. I. 21). И это при том, что по закону veteres possessores получали денежную компенсацию за понесённые ими издержки²².

К концу II в. до н. э. римская наука землеустройства (agrimensura) чётко определила разницу между полями *divisi* и теми, которые не подверглись межеванию [Гвоздева, 2017, с. 7–17]. Землемеры неоднократно подчёркивали, что *adsignatio* — передача земли в собственность гражданам — проводилась только на полях *divisi* после расчёта их на *modus*. Предшествующая этой практике оккупация проводилась без межевания и являла собой прямой захват любого количества земли без применения *modus*. Кл. Моатти, безусловно, права, рассматривая *oscipatio* как реализацию права собственности в архаический период, создавшую определённую базу для квирических посессионов [Moatti, 1992, p. 59–60]. Так же рассматривал создание архаических посессионов и А. Бурдесе. Он считал, что главным содержанием борьбы плебеев с патрициями являлся их протест против бесконтрольной *oscipatio* патрициями *ager publicus* [Burdese, 1952, p. 27]. О. Берендс оправдывал подобный способ создания квирических посессионов сакральной природой архаической римской *civitas* [Behrends, 2004, p. 6–10]. Действительно, посессионы строились лишь на одной юридической гарантии — *fides*, оставляя плебеев вне этих экономических отношений [Hinrichs, 1974, S. 178–179].

Для технического осуществления реформы была учреждена аграрная комиссия с империем и судебными полномочиями — видимо, сроком на 5 лет [Лапырёнок, 2016, с. 229]²³ в составе самого Тиберия, его брата Гая и принцепса сената Аппия Клавдия Пульхра, тестя Тиберия (*triumviri agris iudicandis adsignandis*). Вскоре Тиберий провёл в комициях постановление о передаче для нужд аграрной комиссии доставленной в Рим казны умершего пергамского царя Аттала III (Liv. Per. 58; Oros. Hist. V. 8.4; Flor. II. 3.15.2; Ps.-Aurel. Vict. Vir. ill. 64.5). Эта мера усугубила конфликт между гракханцами

²² Компенсация полагалась за конфискованную усадебную недвижимость (Plut. Tib. Gr. 9.2).

²³ Т. Г. Мякин считает, что гракханская комиссия имела право не только наделять граждан землёй, но и выводить колонии (*agris dividendis coloniisque deducendis*) [Мякин, 2010, с. 14].

и нобилитетом: противники Тиберия открыто называли его «царём», имея в виду стремление инициативного трибуна к единоличной власти (Cic. Lael. 41)²⁴. К тому же деятельность аграрной комиссии (размежевание, конфискация и передел государственных земель) породила множество конфликтов²⁵; прежде всего, у триумвиров возникли немалые трудности с определением статуса земель, поступавших в раздачу (App. Bell. Civil. I. 10; 18). Наконец, в разгар полевых работ крестьяне, главная опора Гракха, не смогли поддержать его на форуме (App. Bell. Civil. I. 14; Plut. Tib. Gr. 16.2²⁶). В результате вступивший в смертельную схватку с правящей элитой, нарушивший традицию и целый ряд неписаных норм, ставший тем самым «возмутителем спокойствия» Тиберий Гракх был убит своими врагами. Но гибель инициатора реформы не прервала работу аграрной комиссии (App. Bell. Civil. I. 18; Val. Max. VII. 2.6b; Liv. Per. 59; Dio Cass. XXIV. 84.2). Она продолжала заниматься распределением ранее отмежёванных земель [Лапырёнок, 2016, с. 46].

Итак, Тиберий Гракх, стремясь поднять уровень боеспособности римской армии, предоставил безземельным и малоземельным крестьянам возможность получить наделы земли из фонда *ager publicus*, к тому времени по большей части оккупированного наследниками тех патрицианских родов, которые с незапамятных времён имели

²⁴ По мнению Э. Бэдиана, именно тогда Гракх впервые по-настоящему серьёзно нарушил закон, посягнув на финансовые прерогативы сената [Badian, 1972, p. 713]. В дальнейшем Тиберий вёл себя как тиран, чья власть характеризуется Э. Бэдианом как *regnum* [ibid. P. 722. Cp.: Lintott, 1994, p. 68].

²⁵ Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что к 133 г. до н. э. значительные площади *ager publicus* были незаконно захвачены владельцами крупных стад, нуждавшимися в летних и зимних пастбищах; ни штрафы, ни интердикты не останавливали нарушителей [Штаерман, 1996, с. 68].

²⁶ Существует мнение, что труды Аппиана и Плутарха несут на себе ярко выраженный отпечаток «гракханской пропаганды», а потому не могут дать объективную картину ситуации, сложившейся в римском обществе к 133 г. до н. э. [Gabba, 1954, p. 6–9; Roselaar, 2010, p. 8]. По мнению Е. М. Штаерман, «Гракхи... для греков были борцами за демократию, за народ, погибшими от рук корыстолюбивых аристократов, некогда губивших и защитников демоса в Греции... Для римских же авторов Гракхи были первым делом бунтовщиками, действовавшими противозаконно и потому независимо от их целей заслуживавшими осуждения» [Штаерман, 1996, с. 71]. Э. Бэдиан уточняет: Гракхи «почти сразу же стали главными героями традиции популяров», тогда как оптиматы считали их «подонками» [Badian, 1972, p. 677]. Соответственно, над источниками, посвящёнными гракханскому движению, «поработала» пропаганда [ibid. P. 678].

приоритетное право доступа к этой земле (*veteres possessores*). Опираясь на законное право государства вернуть в общественное пользование земли, в своё время уступленные патрициям архаической римской *civitas*, реформатор установил земельный максимум и вместе с коллегами по аграрной комиссии начал перераспределять освободившийся земельный массив. Для проведения этой реформы Тиберий использовал такое достижение римской агрименсуры, как лимитация. Делители-лимиты, снабжённые межевыми камнями, чётко отделяли землю, передаваемую крестьянам в ассигнацию, от архаической оккупации, существовавшей в виде *arcifinius*. Тем самым реформатор на практике продемонстрировал не только новый способ деления, но и ввёл лимитацию в римское земельное право. Действуя от имени государства, Гракх продемонстрировал намерение на законном основании передать общественные земли в собственность граждан, имевших на них полное право. Однако при этом он ограничил процесс оформления частной собственности на вновь создаваемые участки запретом их отчуждать. Таким образом, аграрная реформа Тиберия Гракха, с одной стороны, показала на деле всю сложность ситуации, сложившейся в римском правовом поле к концу республики, а с другой — дала мощный импульс дальнейшему развитию как агрименсуры, так и земельного права в Древнем Риме.

После гибели Тиберия Гракха²⁷, вызвавшей раскол в сенате (*Cic. Rep. I. 31*), комиссия триумвиров продолжала свою деятельность (*App. Bell. Civil. I. 18; Val. Max. VII. 2.6b; Liv. Per. 59; Dio Cass. XXIV. 84.2*), что уже в скором времени принесло свои плоды: ценз 125/124 г. до н. э. показал прирост количества граждан на 75 913 чел.²⁸ Найденные археологами гракханские межевые столбы (*cippi*,

²⁷ Как полагал Э. Бэдиан, убийство Тиберия Гракха носило характер ритуального заклания (*immolatio*), предполагавшего применение в качестве орудия умерщвления дерева и камней, но не железа [Badian, 1972, p. 725–726].

²⁸ Согласно подсчётам Я. Ю. Заборовского, в результате деятельности гракханской комиссии количество римских граждан увеличилось всего лишь на 17,2 тыс. чел. [Заборовский, 1985, с. 20]. С. Т. Розелар полагает, что рост гражданского населения в Риме вообще не был напрямую связан с решением Гракхами проблемы малоземелья [Roselaar, 2010, p. 228]. Возможно, этот рост произошёл из-за понижения (примерно в 129 г. до н. э.) ценза для V имущественного класса с 4 тыс. до 1500 ассов в результате цензовой реформы (см.: Polyb. VI. 19.2; Gell. XVI. 10.10–13). См.: Лапырёнок, 2016, с. 86–89, 134. О проблеме ценза 125/124 г. до н. э. см.: Ларутинок, 2012, S. 7–51. По мнению Р. В. Лапырёнка, «в результате проведения цензовой реформы не наносилось вреда имущественным интересам состоятельных граждан

или *termini Gracchani*) фиксируют имена триумвиров 132–130 г. до н. э. Публия Лициния Красса Муциана (погиб в 130 г. до н. э.), Аппия Клавдия Пульхра (ум. в 130 г. до н. э.) и самого Гая Гракха²⁹. В 129 г. до н. э., поскольку предназначенный для раздачи фонд *ager ossuratorius* практически иссяк, аграрная комиссия взялась за земли союзников Рима — италиков и латинов, *socii nominisque Latini* [Mouritsen, 1998, p. 144–145]³⁰.

В результате деятельности комиссии крупные посессоры из числа союзников потеряли часть своей земли (правда, взамен они получили правовые гарантии для участков площадью от 500 до 1000 югеров, которые в дальнейшем стали их собственностью), средние и мелкие землевладельцы также лишились части своих земельных владений, впоследствии получив в качестве частичной компенсации другие земли, но худшего качества (*App. Bell. Civil. I. 18*), тогда как бедняки ничего не приобрели; неудивительно, что в отношениях между римлянами и союзниками, которых Аппиан называет «италиотами» (*App. Bell. Civil. I. 7; 9; 11–13; 19; 21*), стала нарастать напряжённость [Roselaar, 2010, p. 247 sqq.]³¹. В 129 г. до н. э., в ответ на жалобы союзников, по предложению Сципиона Эмилиана комиции лишили аграрную комиссию судебных полномочий, передав их консулам, в результате чего деятельность аграрной комиссии оказалась фактически парализована (*App. Bell. Civil. I. 19*) [Roselaar, 2010, p. 241]. Р. В. Лапырёнок вполне обоснованно считает, что до конца 129 г. до н. э. «аграрная комиссия занималась лишь распределением ранее отмежёванной земли» [Лапырёнок, 2016, с. 46]. Взамен, видимо, триумвиры получили от сената продление своего империя ещё на 5 лет (результат компромисса между гракханцами и сенатом) [Лапырёнок, 2016, с. 229; Лапырёнок, Сморчков, 2014, с. 56].

и италиков, вследствие чего не нарушалось социальное равновесие, которое было однажды поставлено под сомнение в результате деятельности Тиберия Гракха» [Лапырёнок, 2010, с. 236].

²⁹ Для 123–122 гг. до н. э. на межевых столбах зафиксированы имена Гая Гракха, Марка Фульвия Флакка и Гая Папирия Карбона. Эти камни найдены в Южной Италии, в частности, в Пицене, Кампании, Лукании и Апулии [см.: Roselaar, 2010, p. 240 sqq.].

³⁰ Союзники не участвовали в аграрной программе Тиберия Гракха [Badian, 1972, p. 681, n. 36; Лапырёнок, 2016, с. 32].

³¹ Местные элиты не хотели перемен, выступая «за сохранение статус-кво во взаимоотношениях с римлянами» [Лапырёнок, 2016, с. 67].

Привлечь союзников на сторону гракханцев попытался консул 125 г. до н. э. Марк Фульвий Флакк. Он разработал законопроект (*rogatio de civitate sociis danda*), в соответствии с которым латинские общины получали римское гражданство, а италики — право провокации, которое обеспечивало им правовую защиту от произвола римских магистратов (*App. Bell. Civil. I. 21; Val. Max. IX. 15.1*). Этим он вызвал не только недовольство сената, но и бурное негодование плебса, поскольку римские граждане, даже самые бедные, вовсе не желали делить свои привилегии с кем бы то ни было³². В результате законопроект даже не был внесён в комиции, а Флакк счёл за благо покинуть Рим, возглавив поход в Трансальпийскую Галлию.

Аграрную реформу, начатую Тиберием, продолжил его младший брат Гай, ставший плебейским трибуном 10 декабря 124 г. до н. э. К тому времени деятельность аграрной комиссии фактически прекратилась. Как отмечает Р. В. Лапырёнок, «в 125 или 124 гг. до н. э. все триумвиры (Гай Гракх, Марк Фульвий Флакк и Гай Папирий Карбон. — *Авт.*) занимались чем угодно, но только не межеванием и переделом земли» [Лапырёнок, 2016, с. 50]. К 123 г. до н. э. резервы *ager occupatorius* в Италии были практически исчерпаны³³; чтобы не задевать интересы союзников, в 122 г. до н. э. Гай провёл в комициях закон о выведении колоний³⁴. Эта тема стала лейтмотивом аграрной политики младшего Гракха [Лапырёнок, 2016, с. 179]. Весьма существенным было то обстоятельство, что в гракханской программе по выведению колоний в Италии и провинциях приняли участие не только римские граждане, но и союзники [Мякин, 2010, с. 15 слл.]. В соответствии с законом Гая была образована аграрная комиссия для выведения колоний (*triumviri agris dandis adsignandis*). В Италии³⁵ колонии были обустроены в Таренте и Капуе (*Plut. C. Gr. 8.3; Ps.-Aurel. Vict. Vir. ill. 65.3*); колонисты получали участки со статусом

³² Ещё в 126 г. до н. э. плебейский трибун Марк Юний Пенн провёл в комициях закон, в соответствии с которым выселению из Рима подлежали все те, кто имел прав римского гражданства [см.: Лапырёнок, 2014(1), с. 239 слл.].

³³ Оставался ещё *ager Campanus* — земельный фонд, который Цицерон оценил примерно в 50 тыс. югеров (*Cic. Att. II. 16.1*).

³⁴ Как пишет Т. Г. Мякин, «Гай Гракх, не предлагая собственного “рамочного” аграрного закона, лишь только провёл несколько законов о выводе колоний, исходя из тех полномочий, которыми наделил аграрных триумвиров закон Тиберия Гракха» [Мякин, 2010, с. 15].

³⁵ О деятельности гракханской аграрной комиссии в Италии см.: Hinrichs, 1974, S. 58–61; Roselaar, 2009, S. 198–214.

dominium ex iure Quiritium [Лапырёнок, 2016, с. 197]³⁶. Максимальный размер участков составлял 200 югеров, преобладали же, по-видимому, участки размером до 30 югеров [Мякин, 2010, с. 16]. В Северной Африке предполагалось основать колонию Юнонию, где землю должны были получить 6 тыс. римских граждан и союзников (App. Bell. Civil. I. 24; Plut. C. Gr. 10.2 — 11. 2; Vell. II. 7.7–8). Эти участки получали правовой статус *ager privatus vectigalisque* [Лапырёнок, 2016, с. 222]. В 122 г. до н. э. Гай Гракх на 2,5 месяца отправился в Африку обустроить Юнонию (App. Pun. 136).

Лейтмотивом аграрной реформы Тиберия Гракха (133 г. до н. э.) была конфискация земельных излишков из фонда *ager publicus* с последующим их переводом в категорию *agri divisi* для раздачи плебеям. Таким образом, в результате *adsignatio* земледелец получал свой участок в качестве *ager privatus*, но из общественного земельного фонда. Продолжая начатую братом реформу, Гай по-прежнему от имени республики распределял среди граждан общественную землю. Выступая от лица государства, Гай, видимо, исходил из того, что республика в лице римского *populus* контролирует все категории земель, существовавшие на территории Италии, включая земли, находившиеся в пользовании союзников. Особое внимание Гай уделял правовой защите земель пагов и *civitates* — италийских общин, не имевших прав римского гражданства. Как правило, это были луга для совместного выпаса скота, сохранявшие огромное значение в сельском хозяйстве Италии [Штаерман, 1978, с. 23]. Эти земли по своему статусу резко отличались от категории *ager publicus*. Ведь *ager publicus* принадлежал римскому народу (*populus Romanus*), в то время как общественные поля италиков принадлежали конкретному пагу или деревне, жители которых с точки зрения римского земельного права именовались *vicini*, т. е. соседи. Как правило, такая общинная земля предназначалась для выпаса скота всех жителей пага или деревни. Гай Гракх присвоил подобным землям категорию *exserti*; это означало, что они не подлежали конфискации, поскольку не являлись собственностью римского народа. Члены италийских общин (*vicini*) сообща владели этими землями; пастбище, предназначенное для совместного выпаса скота, в римском праве именовалось *ager compascuus* [там же, с. 29].

³⁶ *Ager Campanus* при этом остался неприкосновенным (Cic. Leg. agr. II. 81) [см.: Лапырёнок, 2013(2), с. 46 слл.].

Комиссия Гая продолжала аграрные преобразования Тиберия, но если у Тиберия было лишь общее представление о перераспределении фонда общественной земли, то перед Гаем стояли уже более сложные проблемы. Он должен был со всей определённоностью установить: какие категории земель не подлежали конфискации и каким образом следовало их уберечь от раздела; наконец, надо было как-то определиться в отношении земель, находившихся в пользовании союзников, тем более что в соответствии с правом и традицией из-под юрисдикции аграрной комиссии выводились поля типа *ager censorius*, *ager quaestorius*, *ager in trientabulis* [Roselaar, 2008, p. 580 sqq.; idem., 2016, p. 242]. Все эти ограничения сильно усложняли работу аграрной комиссии. Более того, разрабатывая план земельных конфискаций в Италии, Гай одновременно должен был продумывать механизм наделения землёй отдельных граждан (земли категории *ager viritanus*) наряду с дедукциями в колониях. Об этой стороне деятельности младшего Гракха пишет Плутарх (Plut. C. Gr. 5–6). Комиссия Гая проводила изъятия земельных площадей в соответствии с действующим законодательством, о чём свидетельствует, в частности, закон 111 г. до н. э. (*Lex agr. 6*). Безусловно, в раздел не поступали те категории земель, которые находились вне юрисдикции аграрной комиссии, однако известно, что в состав латифундии могли входить земли разных правовых статусов, поэтому с неизбежностью под удар должны были попадать земли, находившиеся в наследственном владении (*heredia*).

Lex agraria 111 г. до н. э. отчасти проясняет ситуацию с преобразованиями Гая Гракха, поскольку, по сути, является реакцией на гракханские реформы. По мнению Ф. Т. Хинрикса, стремясь заручиться поддержкой союзников, латинов и италиков (*socii nominisve Latini*) в борьбе против сената, Гай провёл в комициях закон, в соответствии с которым земли из фонда *ager publicus*, находившиеся во владении союзных общин, объявлялись неприкосновенными [Hinrichs, 1966, S. 256]. Любопытно, что наши источники ничего не говорят о недовольстве союзников действиями комиссии Гая; более того, по сведениям Аппиана, спустя три десятилетия во владении италиков находилось ещё немало незаконно захваченных ими римских общественных земель (*App. Bell. Civil. I. 36*)³⁷. Получается, что в угоду

³⁷ В этой связи, правда, очень трудно представить себе, что римские посессоры абсолютно спокойно отнеслись к предложению Гракха оставить союзников в покое [см.: Лапырёнок, 2014(2), с. 31].

соображениям политической выгоды Гай порой поступал вопреки элементарной справедливости, принося интересы сограждан в жертву интересам союзников. Впрочем, в историографии существует мнение, что на самом деле союзники наряду с гражданами были обязаны расставаться с излишками земли [Johannsen, 1971, S. 200].

В 123–122 гг. до н. э. Гаю пришлось уточнять общее положение Тиберия об изъятии излишков *ager publicus* и переносить его на такие категории земель, как *heredium* (возможно, даже применительно к группам негражданского населения). Как мы видели, в то время категория *veteres possessores* включала всех владельцев участков *agri occupatorii*, чьи размеры превышали земельный максимум. Особенностью работы аграрной комиссии Гая Гракха было то, что она неизбежно затрагивала интересы хозяев частных владений (*privati*). Деятельность Гая по выведению колоний требовала конфискации общественных земель, которая неминуемо затрагивала и частные владения. Младший Гракх, видимо, считал, что конфискация частных земель для нужд государства допустима и даже законна. Работа аграрной комиссии нередко задевала старинные имения, чьи пределы были обозначены лишь природными границами в соответствии с рельефом местности. Такой участок с точки зрения римской агрименсуры представлял собой неизмеренный *locus*. Поэтому для конца II в. до н. э. характерна практика применения в судебном процессе контрверсии *de loco* [Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б., 2017(1), с. 91–101]. Этот тип аграрных контрверсий сохранил все признаки архаического судебного процесса *legis actio*. Характерно, что сочинения римских землемеров, созданные в начале эпохи Принципата, подчёркивают тот факт, что контрверсия *de loco* продолжала опираться на архаический судебный процесс, хотя уже во времена Гракхов в Риме господствовал формулярный процесс (*CAR. S. 5, 33–35, 61*). Аргументацией в контрверсии *de loco* служили сведения из обычаев местностей о природной границе *arcifinius*. По сложившейся традиции в научной литературе контрверсия *de loco* рассматривалась как вещный иск, однако изыскания Ф. Т. Хинрикса показали, что этот иск от архаики до классики содержал достаточно пограничных элементов [Hinrichs, 1974, S. 193, 197; Гвоздева, 2001, с. 3–16].

Поскольку во II в. до н. э. Рим ещё сохранял многие признаки полисной структуры, закон и традиция требовали компенсации для граждан, лишившихся своих земельных владений. Информацию на сей счёт содержит закон 111 г. до н. э. (*Lex agr. 16, 17, 18, 23, 24*).

В этой связи получили распространение земельные участки категории *redditus*. Глагол *reddere* означает возврат к прежнему состоянию после наказания (*Cic. Ver. II. 2.90*). Категорию *redditus* Гай начал применять как возмещение за конфискованную землю в том случае, если конфискация была незаконной. Итак, *redditus* — это «возвращённый» участок. Предполагалось, что он мог быть равен по площади конфискованному, но вот какой статус приобретал «возвращённый» участок — этот вопрос оставался открытым [Roselaar, 2010, p. 222]. Возмещение за конфискованные участки, превышавшие земельный максимум, могло осуществляться в разных местах нового поселения и по частям (*Lex agr. 13–14*). Именно эти обстоятельства способствовали увеличению количества контroversий *de fine*. Согласно *CAR*, *controversia de fine* проводилась в соответствии с архаическим легисакционным процессом (*CAR. S. 5, 27, 61*) [Гвоздева, 2000, с. 71–76]. Столь длительное существование архаического судебного процесса лишний раз показывает, что *arcifinius* — способ проведения границ в соответствии с рельефом местности — сохранял своё значение и в конце республики [Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б., 2017(2), с. 30–35]. Так, римские граждане, земельные владения которых подверглись конфискации, получали т. н. «возвращённые» участки (*redditi*) в качестве *privati* из фонда *ager publicus*. Однако создание таких *privati* для союзников было невозможно. Поэтому всякое изъятие части земель какого-либо пага или *civitas*, когда намечались границы полей типа *exsertus*, влекло за собой изменение соотношения земельных площадей, находившихся в распоряжении римских граждан и союзников. Это обстоятельство оказало существенное влияние на жизнь всего населения древней Италии [Тоунбее, 1965, p. 549].

Если обратиться к статусу участков, изъятых из италийского земельного фонда, то становится очевидным, что в этом случае судебный процесс требовал участия магистрата. Ведь подобные акции резко отличались по своему характеру от оккупаций в архаический период. Именно поэтому в Италии на данном этапе повсеместно происходит смена легисакционного процесса формулярным, поскольку лишь преторский интердикт мог защитить границы «возвращённых» участков [Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б., 2017(2), с. 30 слл.]. Однако особенность римского земельного права заключается в том, что отдельные контroversии, такие как *de fine* и *de loco*, по-прежнему осуществлялись в соответствии с *legis actio*. Весьма показательным является резкое разграничение в *CAR*, с одной стороны, древних

типов контрверсий о границе и месте участка и исков типа *de possessione*, проводимых только в рамках формулярного процесса, с другой (*CAR. S. 6, 40, 63–64*).

Судьбу *redditi* («возвращённых» участков) в конце II в. до н. э. можно проследить по сведениям Аппиана, который сообщает об антигракханском законе, разрешавшем продавать участки данного типа (*App. Bell. Civil. I. 27*). Как мы видели, Гай Гракх всеми силами стремился сохранить целостность и неделимость фонда *ager publicus* [*Roselaar, 2010, p. 259*]. Поэтому его «возвращённые» участки скорее соответствовали категории *possessio perpetua*, или «вечному владению», обеспечивавшему гарантию от нового изъятия [*De Ligt, 2001, p. 127*]. Чрезвычайно важным мероприятием Гая стало введение для *redditi* налогового иммунитета (*Lex agr. 19–20*). Особое внимание на это обращает С. Т. Розелаар [*Roselaar, 2010, p. 236*]. Неотчуждаемые *redditi* могли передаваться по наследству. Данное обстоятельство некоторые специалисты истолковывают как попытку Гая Гракха примириться с италиками, возместив им часть земель, отнятых в качестве наказания за переход на сторону Ганнибала в годы Второй Пунической войны [*Williamson, 2005, p. 172*].

В процессе наделения плебеев землёй участки, поступавшие в раздачу, стали отделяться лимитами. Это нововведение является целиком заслугой Гая Гракха. *Limes* к тому времени уже был достаточно хорошо известен в теории и практике римского землеустройства, однако повсеместно ещё не применялся. Отныне делители-лимиты стали называться «гракханскими»; были упорядочены и приведены в систему ширина этих лимитов и способы их обозначения (*CAR. S. 134*). Начиная с эпохи Гракхов получили известность особые межевые камни — столбики (*cippi*). Вероятно, деление полей лимитами (*limitatio*) было задумано ещё Тиберием. Но оно могло осуществляться посредством проведения делителей лишь в одном направлении [*Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б., 2016(2), с. 75 слл.*]. В случае наделения *viritim* (т. е. на каждого человека) подобная лимитация вполне отвечала своей задаче [*Roselaar, 2010, p. 242*]. Гай, утвердив свою лимитацию, подчёркивал, что все участки — *privati* — были выделены из фонда *ager publicus* (*Lex agr. 7*). Эти участки можно рассматривать как некий переход от архаической оккупации *ager publicus* к созданию *possessionses* через аренду [*Claiborne, 2011, p. 35*].

Стремление Гая сохранить целостность *ager publicus*, гарантировав его от дальнейшей приватизации, нашло своё выражение в том,

что предназначенные к раздаче земельные участки получили статус типа *ager publicus privatusque* — «общественно-частное поле». Эта земля сохраняла статус *publicus*, но как *privatus* могла передаваться по наследству. Отсюда можно сделать вывод, что Гай не давал подобным землям абсолютной гарантии от конфискации, поскольку они происходили из фонда *ager publicus*. Таким образом, в период трибуната Гая Гракха (123–122 гг. до н. э.) государство сохраняло полный контроль в отношении *ager publicus* [Roselaar, 2010, p. 235]. Деятельность братьев Гракхов препятствовала образованию полной собственности на землю. Но в то же время тип поля *ager publicus privatusque*, наделённый налоговым иммунитетом, стал серьёзным шагом к созданию в Риме абсолютной (частной) собственности на землю.

После гибели Гая Гракха олигархам удалось свернуть ненавистную аграрную реформу. В 119 г. до н. э., после самоубийства последнего из триумвиров, Гая Папирия Карбона, прекратила существование давно уже фактически бездействовавшая аграрная комиссия. На протяжении десяти лет появились три аграрных закона, которые в основном завершили процесс приватизации *ager publicus* в Италии³⁸. Закон 121 г. до н. э. разрешил *veteres possessores* продавать их участки (*App. Bell. Civil. I. 27*); закон 119/118 г. до н. э. (предположительно, предложенный плебейским трибуном Спурием Торием: *App. Bell. Civil. I. 27*; *Cic. De orat. II. 284*; *Brut. 136*) окончательно прекратил все межевания, раздачи и переделы общественных земель и сделал частной собственностью те гракханские наделы, владельцы которых отныне должны были платить *vectigal* (*Plut. C. Gr. 9.2*); наконец, *lex agraria* 111 г. до н. э. (*Tabula Bembina*) отменил *vectigal* [Roselaar, 2010, p. 260 sqq.]³⁹. После 111 г. до н. э., положившего конец земельным раздачам, беднейшее крестьянство могло получить землю благодаря военной службе; в этом смысле военная реформа Гая Мария «явилась неким противовесом закону 111 года» [Штаерман, 1996, с. 74]. Таким был закономерный финал

³⁸ Впрочем, общественные земли в Италии сохранялись и после этого [Lintott, 1994, p. 64].

³⁹ По мнению Е. М. Штаерман, закон 111 г. до н. э. имел своей целью в том числе и «сохранение нужного крестьянам *ager publicus* для бесплатного выпаса определённого числа скота, запрещение новой оккупации и выделения новых *compassua*» [Штаерман, 1996, с. 73]. Дискуссию о трёх аграрных законах 121–111 гг. до н. э. см.: Лапырёнок, 2016, с. 75–76, прим. 142–143.

бурного и драматичного процесса, растянувшегося на несколько десятилетий и ставшего важным этапом в углублении структурного кризиса Поздней республики.

Итак, в последней трети II в. до н. э. в полной мере проявились те кризисные явления в жизни римского общества, преодолеть которые стремились братья Гракхи. Углублявшийся кризис политических структур республиканского Рима показал и насущную необходимость радикальных перемен в социально-экономической сфере. Реформаторам пришлось исходить из того, что старинный *ager publicus*, принадлежавший всему *populus Romanus*, в значительной степени был оккупирован посессорами (как гражданами, так и союзниками) и на деле не вполне соответствовал понятию «общественное поле». Как бы то ни было, впервые в римской истории государство на практике смогло реализовать своё право, конфисковав земельные излишки, которые своими размерами превышали нормативные *agri occupatorii*. Революционный характер преобразований заключался в том, что Гракхи решились на проведение конфискаций (важно отметить, что при этом предусматривались компенсации, поскольку нарушения владельческих прав в ходе реформы были неизбежны).

Все действия братьев Гракхов сводились к тому, чтобы воссоздать категорию *ager publicus* и продолжать наделение граждан землёй из общественного фонда, тем самым консервируя полисную структуру римской *civitas*. В ходе этого процесса в основном использовались земельные ресурсы самой Италии, возможности провинций в этом отношении только намечались. Категория полей *privati* получила дальнейшее развитие, но сохранила свою генетическую связь с *ager publicus*. При этом в практике римского землеустройства появились поля типа *excerptus* и *redditus*. Эти новые категории полей наглядно продемонстрировали тот факт, что римское землеустройство могло, с одной стороны, быть достаточно гибким, а с другой — практически идеально соответствовать социальной политике государства.

Библиография

- Гвоздева И. А.* Центурия — тип меры площади в римском землеустройении // Вестник Львовского государственного университета. Сер. История. Вып. 24. Львов, 1988. С. 19–26.
- Гвоздева И. А.* «Finis» и «rigor» в аграрном праве древнего Рима // ДВАМ. Вып. 2. М.: ЭкоПресс, 1999. С. 72–79.

- Гвоздева И. А.* *Controversia de fine* в *Corpus Agrimensorum Romanorum* // Труды кафедры древних языков: к 50-летию кафедры / Труды исторического факультета МГУ. Вып. 15. Сер. III. *Instrumenta studiorum*. № 6. М.; СПб.: Алетей, 2000. С. 71–76.
- Гвоздева И. А.* Аграрный спор *de loco* в сочинениях римских землемеров // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2001. № 2. С. 3–16.
- Гвоздева И. А.* *Agrimensura* — наука римского землеустройства периода Республики // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. Т. 9. № 1. М., 2017. С. 7–17.
- Гвоздева Т. Б., Гвоздева И. А.* *Strigatio-scamnatio* — этап развития римского земельного права // Современный юрист. № 4(13). М., 2015. С. 98–108.
- Гвоздева Т. Б., Гвоздева И. А.* Ветеранские ассигнации в римском земельном праве // Современный юрист. № 1(14). М., 2016. С. 79–86.
- Гвоздева Т. Б., Гвоздева И. А.* *Limites quintarii* — категория римской агрименсуры и земельного права // Современный юрист. № 3(16). М., 2016. С. 75–84.
- Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б.* *Controversia* — категория римского земельного права // Современный юрист. М., 2017. № 1(18). С. 91–101.
- Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б.* Архаический и формулярный процесс в земельном праве Древнего Рима // Аграрное и земельное право. 2017. № 2(146). С. 30–35.
- Заборовский Я. Ю.* Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1985. 198 с.
- Лапырёнок Р. В.* Ценз 125/124 гг. до н. э.: новые подходы к решению проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. 2013. №1(1). С. 233–237.
- Лапырёнок Р. В.* Гракхи и *ager Campanus* // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. История. Международные отношения. Т. 13(2). 2013. С. 46–49.
- Лапырёнок Р. В.* «Италийский вопрос» в 126–125 гг. до н. э.: от закона М. Юния Пенна до разрушения Фрегелл // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. 2014. №2(1). С. 239–244.
- Лапырёнок Р. В.* К вопросу о категориях *ager publicus*, получивших иммунитет на основании аграрного закона Гая Гракха // Проблемы истории, филологии, культуры. №1(43). 2014. С. 29–37.
- Лапырёнок Р. В.* Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н. э. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 296 с.
- Лапырёнок Р. В., Сморгачев А. М.* Кризис 129 г. до н. э. и судьба аграрной реформы Тиберия Гракха // ВДИ. 2014. №3. С. 47–58.
- Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
- Мякин Т. Г.* Гракхи и народ (к идеологии гракханского движения). Статья вторая // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 9. Вып. 1: История. Новосибирск, 2010. С. 11–18.

- Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М.: Наука, 1978. 226 с.
- Штаерман Е. М.* История крестьянства в древнем Риме. М.: Наука, 1996. 204 с.
- Badian E.* Tiberius Gracchus and the Beginning of the Roman Revolution // ANRW. T. I. 1972. Bd. 1. P. 668–731.
- Behrends O.* Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms // O. Behrends & L. Capogrossi Colognesi (Hrsg.). Die Römische Feldmeßkunst. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Phil.-hist. Kl. 3 Folge. 193). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1992. S. 192–284.
- Behrends O.* Les conditions des terres dans l'Empire romain // Éd. M. Clavel-Lévêque et Georges Tirolagos. De la terre au ciel. Paysages et cadastres antiques. T. II. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2004. P. 5–8.
- Briscoe J.* Supporters and Opponents of Tiberius Gracchus // *JRS*. Vol. 64. 1974. P. 125–135.
- Burdese A.* Studi sull' ager publicus. Torino: Giappichelli, 1952. 146 p.
- Claiborne M.* The Gracchan Agrarian Reform and the Italians (Diss.). Saint Louis: Washington University Open Scholarship, 2011. 148 p.
- De Ligt L.* Studies in legal and agrarian history III: Appian and the Lex Thoria // *Athenaeum*. Vol. 89. 2001. P. 121–144.
- Gabba E.* Studi su Dionigi di Alicarnasso. III: La proposta di legge agraria di Spurio Cassio // *Athenaeum*. N. S. 42. 1964. P. 29–41.
- Hinrichs F. T.* Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. // *ZRG*. Bd. 83. 1966. S. 252–307.
- Hinrichs F. T.* Die geschichte der gromatischen Institutionen. Untersuchungen, zu Landverteilung, Landvermessung, Bodenverwaltung und Bodenrecht im römischen Reich. Wiesbaden: Steiner Verlag, 1974. 252 p.
- Johannsen K.* Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. Diss. München: Privately Printed, 1971. 437 S.
- Lapyrionok R. V.* Der Kampf um die Lex Sempronia agraria. Vom Zensus 125/124 v. Chr. bis zum Agrarprogramm des Gajus Gracchus. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2012. 160 S.
- Lintott A.* Political History, 146–95 B. C. // *CAH*. 2nd ed. Vol. IX. The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B. C. / Eds. J. A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 40–103.
- Moatti C.* Étude sur l'occupation des terres publiques à la fin de la République Romaine // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. Vol. 3. 1992. P. 57–73.
- Mouritsen H.* Italian Unification: A Study in Ancient and Modern Historiography (Bulletin of the Institute of Classical Studies Supplement 70). L.: Institute of Classical Studies, 1998. 203 p.
- Roselaar S. T.* Regional Variations in the Use of the Ager Publicus // *People, Land, and Politics. Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy*

- 300 BC — AD 14 / Eds. L. de Ligt & S. Northwood. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 573–602.
- Roselaar S. T.* References to Gracchan Activity in the Liber Coloniarum // *Historia*. Bd. 58. 2009. P. 198–214.
- Roselaar S. T.* Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396–89 BC. (Oxford Studies in Roman Society & Law) N. Y.: Oxford University Press, 2010. 480 p.
- Syme R.* The Roman Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1939. 568 p.
- Toynbee A. J.* Hannibal's Legacy. The Hannibalic War's Effects on Roman Life. Vol. II. Rome and her Neighbours after Hannibal's Exit. L.: Oxford University Press, 1965. 752 p.
- Williamson C.* The Laws of the Roman People. Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005. 506 p.

**О ВОССТАНОВЛЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ,
НАИЛУЧШЕМ ГОСУДАРСТВЕ И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
АВГУСТА**

Межеричский Яков Юрьевич
независимый исследователь, Кёльн*

**ABOUT THE RESTORED REPUBLIC,
THE BEST STATE AND THE ROMAN EMPIRE
OF AUGUSTUS**

Mezheritskiy Jakov Yurjevitch
independent researcher, Cologne

Аннотация: Римская империя, основы которой заложил Август, являлась сложным образованием. Ядром державы стала (*quasi*) *civitas*. Внутри *civitas* провозглашалось восстановление основ *res publica*. Стабильность обеспечивала смешанная конституция. Принцепс был составной частью и опорой этой «формы республики». В провинциях единоличная власть императора могла усиливаться без особых правовых ограничений.

Ключевые слова: Август, Цицерон, республика, империя, монархия, гражданская община, сложное государство, *civitas*, *res publica*, *res publica restituta*, *optimus status civitatis*, *senatus populusque Romanus*, *imperium populi Romani*, *imperium Romanum*.

Abstract: The Roman empire, the foundation of which was laid by Augustus, was a complex formation. (*Quasi*) *civitas* became the core of the state. Inside the *civitas*, the restoration of the basis of the *res publica* was proclaimed. Stability was provided by the mixed constitution. Princeps was an integral part and pillar of this “form of the republic”. But in the provinces the emperor’s sole power could be strengthened without special legal restrictions.

Keywords: Augustus, Cicero, republic, commonwealth, empire, monarchy, community, complex state, *civitas*, *quasi civitas*, *res publica*, *res publica restituta*, *optimus status civitatis*, *senatus populusque Romanus*, *imperium populi Romani*, *imperium Romanum*.

* Cologne, Germany; iakovmezh@mail.ru; iakovmezh@gmail.com

1. Проблематика

Октавиан-Август считал «восстановление (возвращение народу) республики» одной из своих важнейших заслуг перед Римом (RGDA 34.1). Но поскольку в историографии основание Империи часто приравнивается к учреждению монархии, значительная часть историков принимают данную формулировку за лживую пропаганду и обман. Заблуждение усугубляется, когда латинское *res publica* понимают как форму правления¹.

Вопрос о характере римского государства при Августе и его преемниках — один из самых запутанных в историографии. Режим именуется монархией, вождизмом, диктатурой и военной диктатурой (также военной диктатурой рабовладельцев), монархией, принципатом и двойным принципатом². Некоторые авторы ограничиваются констатацией непостижимого «дуализма» или просто — «парадоксальности принципата»³.

В докладе предпринята попытка выявить характер новой сложной государственности⁴ — основанной Августом Римской империи. Автор исходит из принципиального различия ее составных частей: римской гражданской (квази)общины и провинций, традиционно считавшихся «империей Римского народа».

2. *Res publica*

Ключ к пониманию особенностей режима следует искать прежде всего в адекватной интерпретации термина *res publica*. Его содержание применительно к рассматриваемому времени восстанавливается на основе прочтения Марка Туллия Цицерона — старшего современника Августа. Главным источником является трактат, который так и называется — «*De re publica*»⁵. К сожалению, в русском издании

¹ См., напр.: Judge, 1974, p. 279 ff.; Токарев, 2011, с. 12, 131; Брагова, 2016, с. 93 слл. Ср.: Межеричкий, 2016, с. 284 сл. Общие новые обзоры по политике Августа: там же, с. 61–122; Hurlet, Dalla Rosa, 2009, p. 169–233; Timpe, 2011; Hurlet, 2015, p. 159–258.

² Перечисление определений установившегося при Августе режима см. также в работах: Castritius, 1982, S. 10 ff.; Eder, 1990, p. 71 ff.; Махлаюк, 2017, с. 176–179.

³ О «парадоксальности» говорит, например: Alston, 2015, p. 113 ff., 240 etc.; cf.: Syme, 1939, p. 323 (“The principat baffles definition”); Galinsky, 2012, p. 64 ff. (предлагает определения: «восстановленная республика», «компромисс», «конституционное правление», «гибрид», «конституция плюс»).

⁴ О понятии «сложное государство» см.: Евсеенко, 2005, с. 29–52. К сожалению, эпоха Империи осталась за рамками специального рассмотрения автора.

⁵ Этому трактату, также в связи с политическим мировоззрением Цицерона, посвящена большая литература. Почти исчерпывающий обзор до 1970 г.: Schmidt,

(также в заглавии) без должных пояснений используется калька — «О республике»⁶. Это создает ошибочное представление, будто речь идет о форме государства.

Благо, сам Цицерон позаботился о том, чтобы разъяснить значение центральной для римского политического сознания категории. Уже самое короткое определение расставляет все по местам: “*Est... res publica res populi*” (Сис. гер. I.39)⁷ — «общественное достояние принадлежит народу» (точнее: «все, относящееся к сфере публичного, принадлежит (Римскому) народу»). *Res*, в данном контексте, — многозначное существительное, абстракция, обозначавшая не только материальные предметы: стены города Рима, улицы, храмы. Имелась в виду также духовная жизнь — то, что было не менее важным для самоидентификации ее членов: религия, традиции, убеждения. В центре системы традиционных римских ценностей находилась *civitas*. Дефиниция Цицерона подразумевает, что Римский народ (субъект) как единое целое стоит над(о) всем и владеет всем, что относится к *res publica* (объект).

Центральное место коллектива граждан в системе ценностей отражалось и в официальном наименовании римского государства — «Сенат и Римский народ» (*senatus populusque Romanus*). В нем отпечатались как факт народного суверенитета, так и представление о неотчужденности государства от общины граждан⁸. Разумеется, тогда это была уже не традиционная община времен Цинцинната. Точнее

1973, S. 263–333. Библиографию за 1960–1975 гг. см.: Suerbaum, 1977, S. 307–392 (римская политическая мысль в целом), 345–356 (Цицерон); также см. прикижную библиографию, напр.: Karust, 2011, p. 177–190; Hodgson, 2017, p. 277–300.

⁶ См.: Цицерон, 1966, перевод В. О. Горенштейна. Так же переводил *res publica* у Светония М. Л. Гаспаров, см. далее, примеч. 24. О (странной) наклонности передавать *res publica* на русском как «государство» пишет О. В. Хархордин, который не без оснований оставил термин непереуведенным [Хархордин, 2009, с. 4 сл.].

⁷ В данном трактате приравнивание *res publica = res populi* встречается неоднократно: I. 41. 43. 48; III. 43. 45; ср. также употребление *res populi* как тождественное *res publica*. См.: Suerbaum, 1977, S. 1, Anm. 2. В работе содержится важный анализ этого и смежных понятий у Цицерона (с. 1–70, этот раздел переведен на русский язык в книге: Хархордин, 2009, с. 171–246). Cf.: Schofield, 1995 passim.

⁸ О том, что римское государство и есть римский народ см: Mommsen, 1887, S. 3–6 (также о терминах *civitas*, *populus*, *quires*, *populus Romanus quirites* (*quiritium*). См. также: Siber, 1952, S. 10; Lybtow, 1955, S. 469–477; Kunkel, 2005, S. 18 f. В то же время эти понятия не идентичны (см.: Suerbaum, 1977, S. 3; Хархордин, 2009, с. 175 сл.). У римлян не было понятия, тождественного нашему «государство». Государство выступало на международной сцене как Римский народ, подчеркивая его величие и достоинство, но в понимании граждан оно входило в понятие *res*

было бы называть ее квазиобщиной, *quasi civitas*⁹. Но если общины как таковой уже не было, целый ряд стереотипов и ценностных ориентиров сохранялся еще долгое время спустя, тем более что римское гражданство обеспечивало немало привилегий. Сформировавшаяся в глубокой древности парадигма *civitas* глубоко укоренилась в массовом сознании, определяя особый путь Рима во всемирной истории¹⁰. Описанное фундаментальное, связанное с *civitas* значение слов *res publica* — «коллективное достояние Римского народа» — следует иметь в виду, когда мы говорим о лозунге *res publica restituta*.

Специфическое содержание понятия *res publica* ясно проявляется в указаниях на ее разновидности¹¹. Следуя в основном за общепринятой греческой классификацией, Цицерон называет три простые правильные государственные формы: царская власть, правление оптиматов и народоправство. Эти *res publica* могут иметь разное количество правителей, но их роднит главное — служение согражданам. Оратор говорит как о «царской республике» (*regalis res publica*, III.47) так и об «управляемой народом» (*popularis res publica*, III.48)¹². Но правильные

publica. См также: Межеричкий, 2016, с. 218–237; Дементьева, 2017, особ. с. 58 (о соотношении понятий *civitas* и *res publica*).

⁹ Замечание применительно к рассматриваемому времени относится ко всему тексту. Здесь нет возможности специально остановиться на этом вопросе. Несовместимость выросшего римского гражданства с важнейшими типичными признаками полиса отмечал С. Л. Утченко (напр.: Утченко, 1977, с. 35 — о «крушении Рима-полиса» в результате Союзнической войны). Проблематика основательно рассмотрена в критической статье В. В. Дементьевой, которая придерживается противоположного мнения и не согласна с нашим употреблением термина «квази-цивitas» (Дементьева, 2017).

¹⁰ Трудно представить себе «общину», насчитывавшую миллионы (десятки миллионов) человек. И невозможно отрицать наличие мыслительных структур, идеологических штампов, юридических и поведенческих норм, которые сохраняли свою действительную силу на протяжении столетий.

¹¹ Для указания на различные правильные формы *res publica* и *civitas* Цицерон использует словосочетания: *status rei publicae* (I. 42, 68; II. 57, 60, 62 etc.), *genus rei publicae* (I. 44, 45, 64, 65 etc.), *modus rerum publicarum* (I.46, 69), *forma rei publicae* (I.53 etc.), *constitutio rei publicae* (I.69). Более универсальны словосочетания с *civitas*: *status civitatis*, *genus civitatis*, *forma civitatis*. См. примеч. 12. Подробнее см.: Drexler, 1957, S. 266; Suerbaum, 1977, S. 17 f. mit Anm. 50.

¹² Г. Дрекслер считает такие словосочетания «в принципе невозможными», поскольку исходит из распространенного понимания *res publica* как обозначения формы государства (Drexler, 1957, S. 265 f.) См. полемику с ним В. Зюрбаума, с которым мы в данном случае полностью согласны (Suerbaum, 1977, S. 11f. mit Anm. 35; 22). Цицероновы выражение *regalis res publica* можно точнее перевести: «устроенная на принципах *res publica* гражданская община во главе с царем». Оратор пишет также

формы государства вырождаются в испорченные, или извращенные: тиранию, олигархию (тирания клики) и охлократию (тирания толпы) (I.42–46 etc.). Тогда правители действуют только в своих собственных интересах, а гражданам уготована участь рабов.

3. *Res publica amissa*

Понятие *res publica* могло относиться к различным государственным формам. Но это совсем не значит, что оно было приложимо к любой¹³. В конце третьей книги «*De re publica*» ясно говорится о том, что при трех «испорченных» формах государства «республики» не существует (III.43–45). По словам Сципиона, если правит тиран¹⁴, речь должна идти не просто о плохой «республике», — в этом случае ее нет (*nullam esse rem publicam*)¹⁵. В числе примеров приводятся режим «тридцати тиранов» в Афинах (404 г. до н. э.) или третий год правления децемвиров в Риме — 449 г. до н. э. (De rep. III.44).

Подобные оценки Цицерон прилагал и к состоянию дел в современном ему Риме. Характерно словосочетание «утраченная республика» (*res publica amissa*)¹⁶. Из ряда высказываний следует, что Цицерон, говоря о *res publica amissa*, имел в виду традиционные порядки и установления. Их разрушение было равносильно потере отчизны как таковой¹⁷. В «*De re publica*» автор сокрушается, признавая, что из-за собственных пороков «...мы сохраняем республику

о сочетании трех простых форм «республики»: царской, оптиматской и народной (II.41). Цицерон даже утверждает, что *regnum* — лучшая из трех простых форм «республики» (Cic. rep. I.54; II.43 etc.). Ср.: Suerbaum, 1977, S. 21, Anm. 59 (лит.).

¹³ Некоторые из исследователей, которые проводят границу между римским и современным понятием «республика», удовлетворяются тем, что переводят *res publica* как «государство» вообще. Это также может вводить в заблуждение. Ср.: Suerbaum, 1977, S. 16 ff.; Meier, 1997, S. 1, Anm. 3.

¹⁴ Речь идет о Дионисии Сиракузском. Это имя носили отец и сын, которые правили, в том числе Дионисий II, с перерывами, с 405 по 344 г. до н. э.

¹⁵ Для таких и других случаев применим имевший более широкий смысл термин *civitas*, который для сферы международных отношений имел значение, близкое к нашему «государство», без указания на внутреннее устройство. Тогда используются словосочетания с *civitas: status civitatis, genus civitatis, forma civitatis*. Подробнее см.: Drexler, 1957, S. 266; Suerbaum, 1977, S. 17 f. mit Anm. 50.

¹⁶ Выражение *res publica amissa* использовал уже в III в. до н. э. Гней Невий, которого цитирует Цицерон (Naev. praetext. 7f. = Cic. Cato 20: Cedo, qui vestram rem publicam tantam amisistis tam cito?). Данная проблематика основательно рассматривается в монографии Кристиана Майера: Meier, 1997, начинающейся с анализа интересующего нас выражения (S. 1 mit Anm. 1). См. также: Heuss, 1976, S. 78 f.

¹⁷ Письмо к Аттику от 20 января 60 г. (Cic. Att. I.18.6, comp. 19.1 sq.).

(*rem publicam*) лишь по имени, по существу же мы ее давно потеряли»¹⁸. Из констатации факта утраты «республики» следовал вывод о необходимости бороться за ее восстановление. В этом идейном поле сформировалась идеология «восстановления республики».

4. «Восстановление республики»

Лозунг охотно использовался различными группировками и сторонами конфликтов, также триумвирами¹⁹. На заключительном этапе гражданских войн Октавиан смог убедиться в живучести и силе «римского духа», основанного на ценностях *civitas*. Потому, победив, не собирался отказываться от идеологии *res publica restituta*. В условиях мирного времени она начала приобретать новые очертания. Если на заключительном этапе гражданских войн ударение делалось на патриотизм, то теперь на повестке дня стояли задачи установления прочного социального мира, консолидации общества на основе ценностей *civitas*. Эта программа реализовывалась в серии мероприятий и установлений.

Победителем были отменены чрезвычайные распоряжения времени триумvirата и восстановлено действие прежней конституции. Обеспечивались защитой законов безопасность граждан и их ответственность. Восстановлено почитание отеческих богов и святых, идеализировались «нравы предков». В этом русле лежали и законы по укреплению семьи. Моральное возрождение и выполнение религиозных обрядов должны были вернуть Риму покровительство богов. Так к римским гражданам возвращалась доблесть, а Риму — прежнее величие. Если попытаться найти общий знаменатель этих мероприятий, то им окажется программа «восстановления республики». Она включала реанимацию некоторых черт «древней» общины, объединенной законами, обычаями и принципами гражданской солидарности²⁰.

К январю 27 г. до н. э. относится символический акт «восстановления республики». На заседании сената Октавиан объявил о сложении

¹⁸ Cic. rep. V.1 sq. (= Aug. civ. II.21). Еще некоторые пассажи Цицерона, где говорится об «утраченной республике»: Cic. Att. 1.18.6 (*amissa re publica*); Q. fr. 1.2.15 (*rem publicam funditus amisimus*); Att. 4.18.2; rep. 5.2; Att. 9.5.2; off. 2.29; fam. 2.5.2 (*ei oppressa*); Att. 8.11 D 6; *nulla*: de or. 1.38; Q. fr. 3.4.1; 5.4; fam. 9.9.3; off. 1.35; Cf.: Meier, 1997, S. 1, Anm.1; Vogt, 1963, S. 50, 76.

¹⁹ О трактовках выражения *res publica restituta* см.: Wirszubski, 1950, p. 107–123; Judge, 1974, p. 279 ff.; Eder, 1990, p. 89–120; Castritius, 1982, S. 22–51; Kienast, 2009, S. 90 ff. etc. О стремлении Октавиана открыто не нарушать «республиканские» порядки и обычаи см.: Межеричкий, 2016, с. 171 сл., 179; о взаимных обвинениях Антония и Октавиана в нежелании «восстановить республику» там же, с. 176, 188 сл.

²⁰ См. там же, с. 189, 280; Kienast, 2009, S. 81 ff.

с себя всех чрезвычайных полномочий и «возвращении *республики* сенату и народу Рима»²¹. Позднее в своих «Деяниях» он утверждал, что с этого времени не обладал властью (*potestas*) большей, чем коллеги по консулату, превосходя всех лишь своей *auctoritas* (авторитетом, неформальным влиянием). Восстановление правильной формы *civitas*, достойной считаться «республикой», было величайшей заслугой, за которую Октавиан был удостоен ряда отличий, включая особое имя «Август» (RGDA 34).

Но которую из «правильных» форм государства задумал установить Август в «восстановленной республике»?

5. Наилучшее государственное устройство

В 52-й книге своей «Истории» Кассий Дион рассказывает, как по просьбе Октавиана его ближайшие соратники приводят доводы в пользу демократии (Агриппа) и монархии (Меценат). В заключение историк сообщает, что Октавиан установил монархию. Трактовка Кассия Диона вызывает сомнение не только потому, что содержание речей составлено через два с половиной столетия после событий. Она не выдерживает критики по существу. В то время в Риме учреждение монархии было исключено. Для Октавиана на этот счет не могло быть аргумента более убедительного, чем участь Юлия Цезаря. Тем не менее в повествовании Кассия Диона отразился факт безусловно имевшего в Риме место дискурса²².

Более ранний и документированный отзвук обсуждения можно встретить и в Светониевой биографии Августа. В начале 28-й главы сообщается, что Октавиан дважды задумывался о «восстановлении республики» (*de reddenda re publica bis cogitavit*): сразу после победы над Антонием и ещё раз — после тяжелой болезни (23 г. до н. э.?). Но по зрелом размышлении, поняв, что и ему будет небезопасно оказаться частным лицом, и «республику» неразумно доверять своему волю многих, он оставил власть за собой (Suet. Aug. 28.1). Об этом решении Октавиан якобы многократно объявлял и даже засвидетельствовал в эдикте, отрывок из которого приводит далее Светоний²³.

²¹ Dio LIII.2.6–22, cf.: RGDA 34.1; Vell. II.89; Suet. 28.1 etc. См. Межеричкий, 2016, с. 287–294 (с дальнейшими комментариями и лит.)

²² Разгромив Антония и Клеопатру, Октавиан в августе 29 г. до н. э. вернулся в Рим. Тема будущего государственного устройства была на повестке дня.

²³ Suet. Aug. 28.2 = Malcovati, 1969. Edicta X = Bringmann, Wiegandt, 2008, Nr. 118, S. 131 f. Некоторые специальные работы: Ceausescu, 1981, S. 348–353; Girardet, 2000, S. 231–243; Wardle, 2005, p. 181–201. По мнению Д. Уордла, Светоний цитировал

Но внимательное чтение этого фрагмента помогает обнаружить нюансы, по-видимому, ускользнувшие от самого биографа²⁴:

«Итак, да будет мне дано установить “республику” (на месте пребывания) целой и неизменной, дабы я, пожиная желанные плоды этого свершения, почитался творцом наилучшего государственного устройства (*ut optimi status auctor dicar*), и при кончине унес бы с собой надежду, что заложенные мною основания “республики” останутся непоколебленными»²⁵. Важно отметить, что этим декретом Август в качестве своих главных достижений подчеркнул, наряду с восстановлением «республики», также учреждение наилучшего государственного устройства. В античной политической мысли выражение «*optimus status*» имело вполне определенное значение. Так определялась смешанная форма государства, или «смешанная конституция» (*mikté politeia*)²⁶.

Полибий еще в середине II в. до н. э. «установил», что Рим управляется наилучшим государством своего времени. Согласно описанию греческого историка, в Риме консулы воплощали монархический элемент, сенат — аристократический, а народные собрания — демократический. Об этой форме государства, конечно, пишет и Цицерон, который вкладывает хвалебную оду смешанной форме государства в уста самого авторитетного участника диалога «*De re publica*» — Сципиона Эмилиана²⁷.

Данная модель государственного устройства несомненно была знакома Октавиану-Августу и должна была лучше всего соответствовать

не собственно эдикт, а фрагмент молитвы и обета Октавиана богам (*votum*), затем опубликованные как эдикт (с. 194).

²⁴ При цитировании придется внести минимальные исправления в имеющийся русский перевод М. Л. Гаспарова, в котором выражение *res publica* один раз переведено как «государство», в другой — просто опущено. В предыдущей главе (28.1) трижды используется калька — «республика» [Светоний, 1964, с. 46]. Ср. примеч. 6.

²⁵ Suet. Aug. 28.2 (= Malcovati 1969, Edikta n. X, p. 65 = Bringmann, Wiegandt. 118 F, S. 131 f.): *Ita mihi salvam ac sospitem rem p. sistere in sua sede liceat atque eius rei fructum percipere, quem peto, ut optimi status auctor dicar et moriens ut feram mecum spem, mansura in vestigio suo fundamenta rei p. quae iecero*. Уордл, кроме своего, приводит ещё 12 переводов декрета, некоторые из которых существенно отличаются друг от друга (Wardle, 2005, p. 194 f., n. 46).

²⁶ См.: Plat. rep. VIII.543A — 545C; Aristot. pol. II.3.10 etc. В римском контексте это был *optimus status rei publicae*. В эдикте речь идет не просто о некоем «прекрасном состоянии» государственных дел, а об учреждении наилучшего (смешанного) государственного устройства. Ещё точнее: «наилучшего устройства республики». Ср.: Чернышов, 1992, ч. 2, с. 9; Wardle, p. 188 f.

²⁷ Cic. de rep. I.69; comp.: I. 45; 70; II. 65 sq. etc.

его замыслам. С одной стороны, она хорошо вписывалась в «реставрационно-республиканскую» идеологию, а с другой — позволяла укреплять личную власть, поскольку включала монархический элемент. Что было не менее важно, подобное «наилучшее» устройство соответствовало честолюбивым планам и притязаниям Августа, который желал войти в историю в качестве мудрого основателя государства²⁸.

Текст, следующий у Светония за сообщением о декрете, по существу повествует о реализации намерений. Это почти 17 глав (Suet. Aug. 29.1–46.1), занимающих центральное место в жизнеописании Августа. Они не случайно завершаются фразой: «Вот каким образом он устроил дела в Городе» (46.1). Светоний пишет о благоустройстве Рима, восстановлении религиозных установлений и храмов, о поддержании общественного порядка, законодательной деятельности, реформах сената и пересмотре его состава. Биограф не преминул также сообщить об усилиях Августа по привлечению граждан к управлению «республикой» (*res publica*), указав на специальные привилегии для сенаторов и всадников (*ibid.* 37–40).

Политическое устройство римской гражданской квазиобщины времени Августа напоминало «смешанную конституцию». В Городе функционировали народные собрания, сенат и суд, избирались и принимали решения магистраты. Правда, фактические возможности традиционных институтов в сравнении с эпохой Республики оказались урезанными. Полномочия консулов (и тем более других римских магистратов) распространялись только на Город, в меньшей мере на Италию. Консулат утратил высшую военную власть (*imperium*)²⁹.

Данью реальности стала также исключительная роль принцепса (он же император)³⁰. Август пользовался огромным авторитетом. Используя ресурсы провинций, он осуществлял дорогостоящие проекты в интересах широких слоев гражданства. Август был главной опорой всей государственной конструкции, гарантом установившегося порядка и мира, к нему в конечном счете сходились все нити управления Городом, Италией и провинциями. Но с формальной, государственно-правовой точки зрения в рамках *civitas* он выступал как один из граждан, выполняя функцию монархического элемента

²⁸ Цицерон считал достойными обожествления мудрых основателей и правителей государств: Cic. de her. I.12, com. VI. 13, 16. Этот мотив явно угадывается в цитируемом Светонием декрете Августа (Suet. Aug. 28.2).

²⁹ Girardet, 2007, 385 ff.

³⁰ Подробнее см.: Махлаюк, 2017, особ. с. 190 и слл.

в «наилучшем» государстве нового образца. Эта роль не противоречила ни представлениям о *res publica*, ни теории «смешанной конституции». Но прагматик Август почел за лучшее не афишировать свою власть (вопреки сообщению Светония), а использовать ее для укрепления Империи и своего в ней положения.

6. Август и основание Римской империи

До сих пор речь шла о государственном устройстве римско-италийской гражданской общности. Она была политическим ядром Средиземноморья. Но при всем значении римской *civitas*, это была меньшая часть державы³¹. Август вступил в управление сложным политическим образованием, включавшим сотни народов и племен, проживавших в десятках стран и регионов. Среди этого разнообразия принципиально различались Римский народ с его «восстановленной республикой» — и находившиеся в его власти провинции. Вне римской *civitas* оставалось едва ли не 9/10 населения «римского мира»³².

В ходе завоеваний сложилось так, что зависимые страны и народы оказались во власти (*imperium*) римской общины-государства, оставаясь за ее рамками. Эта «империя Римского народа» (*imperium populi Romani*) рассматривалась как источник налогов и объект грабежа. Не обладая гражданскими правами, провинциалы зависели от произвола наместников.

Август унаследовал и аккумулировал огромную власть завоевателей и наместников. Обладая *imperium*, он по поручению Римского народа контролировал положение во всех провинциях³³. В восточных провинциях, где когда-то правили эллинистические цари, таким же образом обожествлялись населением римские полководцы и наместники эпохи Республики. Тем более Августа воспринимали как единоличного правителя и воздавали ему божеские почести. Император воспринимался местным населением как монарх, официально им

³¹ Римская империя к концу правления Августа занимала территорию ок. 6 млн кв. км, из которых Италия — менее 300 тыс. кв. км. По весьма приблизительным оценкам население Империи составляло 50 — 70 млн, Италии — 7,5 млн чел. (из них граждан вместе с членами семей — ок. 5 млн).

³² М. Гельцер считал, что римское государство еще долгое время после Августа оставалось государством-общиной, а не государством-империей: Gelzer, 1944, S. 6 ff. На наш взгляд, при Августе начался процесс превращения одного в другое.

³³ Слово императора было решающим не только для «провинций Цезаря», но и для «провинций Римского народа» (именовавшихся со времен Моммзена «сенаторскими»). Это показал Ф. Миллар (Millar, 1989, p. 93 ff.).

не становясь³⁴. Форму нового государства за пределами Италии можно обозначить как «единовластие» (единодержавие, монархия). Власть императора реализовывалась не только в ритуале и правовых нормах³⁵. Такой огромной державой было бы невозможно успешно и долго править без эффективных механизмов и инструментов, начиная с сотрудничества императора и наместников с элитами, идеологии и заканчивая всегда готовыми к бою легионами.

По мере укрепления власти Августа в обеих частях державы, в Италии и в провинциях, ситуация постепенно менялась, шел медленный процесс унификации. Все свободное население Империи, римские граждане и перегрины, тем или иным образом становились клиентами или подданными императора³⁶. Иерархическая структура: Римский народ и его провинции — сохранилась. Но обе части державы оказались теперь под началом одного человека — принцепса для первых и императора для вторых.

Так восстановленная «квазицивitas» с ее *res publica* и «смешанной конституцией» стала ядром новой государственности — Римской империи. Это название обозначает сложное государственное устройство, но еще не монархию (как форму государства). Формирование монархии в полном смысле слова тормозилось прежде всего наличием (*quasi*) *civitas* в центре, но также и множества городов с «полисными» традициями на периферии.

Библиография

- Брагова А. М. Понятие «государство» в сочинениях Цицерона // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 93–97.
- Дементьева В. В. Римская *civitas* республиканской эпохи // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 130–175.
- Дементьева В. В. Категориальный аппарат изучения «Римской революции»: понятие «*quasi civitas*» в исследовании Я. Ю. Межеричко // ВДИ. 2017. № 3 (77). С. 752–768.

³⁴ Отсутствовал ряд характерных признаков монархии, в частности, не было ни закона о престолонаследстве, ни самого престола. А. Л. Смышляев обратил внимание на гражданственный стиль поведения римских наместников в провинциях. Его можно сравнить с «республиканской» обходительностью принцепса в столице. И все же *auctoritas principis* невозможно спутать с *civilis dominatio* (при том, что второе не обязательно понимать как «гражданственная тирания» — почему не «гражданственное единодержавие»?); Ср.: Смышляев, 2017, с. 40 сл.

³⁵ О всеобъемлющей юрисдикции проконсулов (как полномочных представителей центрального правительства и в конечном счете — Римского народа) сообщает Ульпиан: «нет в провинции такого дела, которое не мог бы решить он сам» (D.1.16.7.2 etc. Цит. по: Смышляев, 2017, с. 33).

³⁶ См.: Premerstein, 1937; Jacques, Scheid, 1998, S. 34 f.

- Евсеенко Т. П.* От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 264 с.
- Махлаюк А. В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху Принципата // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 176–226.
- Махлаюк А. В.* Реставрация как революция (Я. Ю. Межеричкий. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016) // ВДИ. 2017. № 2 (77). С. 450–458.
- Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 974 с.
- Светоний Транкви́лл, Гай.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1964. 376 с.
- Смышляев А. Л.* «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти // Исторический вестник. Т. 19. Рим: *dominatio civilis* / Под общ. ред. А. Л. Смышляева. М., 2017. С. 10–49.
- Токарев А. Н.* Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2011. 268 с.
- Утченко С. Л.* Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 256 с.
- Хархордин О. В.* (ред.) *Res publica: История понятия*; пер. с нем. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 280 с.
- Цицерон.* Диалоги: О государстве. О законах / Пер. В. О. Горенштейна; отв. ред. С. Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 224 с.
- Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1992. Ч. 1–2.
- Alston R.* Rome's revolution. Death of the republic & birth of the empire. Corby; N. Y.: Oxford University Press, 2015. XV, 385 p.
- Bringmann K., Wiegandt D.* (hrsg.) Augustus. Schriften, Reden und Aussprüche. Darmstadt: WBG, 2008. 336 S. (Texte zur Forschung; 91).
- Castritius H.* Der roemische Prinzipat als Republik. Husum: Matthiesen, 1982. 120 S. (Historische Studien; 439).
- Ceausescu P.* Das programmatische Edikt des Augustus // Rheinisches Museum. 1981. Bd. 124. S. 348–353.
- Drexler H.* Res publica // Maia. 1957. Bd. 9. S. 247–281; 1958. Bd. 10. S. 3–37.
- Eder W.* Augustus and the Power of Tradition: the Augustan principate as a binding link between republic and empire // Between republic and empire. Interpretations of Augustus and his principate / Ed. K. A. Raaflaub, M. Toher. Berkeley et al., 1990. P. 71–122.
- Galinsky K.* Augustus: introduction to the life of an emperor. Cambridge: University Press, 2012. XXIV, 200 p.
- Girardet K. M.* Das Edikt des Imperator Caesar in Suetonius Augustus vita 28.2: politisches Programm und Publikationszeit // ZPE. 2000. Bd. 131. S. 231–243.
- Girardet K. M.* Die Entmachtung des Konsulates im Übergang von der Republik zur Monarchie und die Rechtsgrundlagen des augusteischen Prinzipats // Girardet K. M. Rom auf dem Weg von der Republik zum Prinzipat. Bonn, 2007. S. 385–424.

- Gelzer M.* Gemeindestaat und Reichsstaat in der römischen Geschichte (1924) // Gelzer M. Vom römischen Staat. Zur Politik und Gesellschaftsgeschichte der römischen Republik. Leipzig, 1944. Bd. 1. S. 6–28.
- Heuss A.* Ciceros Theorie vom römischen Staat. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1976. 80 S.
- Hodgson L.* Res publica and the roman republic: ‘without body or form’. Oxford: Oxford University Press, 2017. VIII, 316 p.
- Hurler F., Dalla Rosa A.* Un quindicennio di ricerche su Augusto. Un bilancio storiografico // Studi classici e orientali. Pisa, 2009. T. 55. P. 169–233.
- Hurler F.* Auguste: les ambiguïtés du pouvoir. Paris: Armand Colin, 2015. 286, VIII p.
- Jacques F., Scheid J.* Die Struktur des Reiches. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1998. XIV, 497 S.
- Judge E. A.* “Res publica restituta”: a modern illusion? // Polis and imperium: Studies in honour of E. T. Salmon / Ed. J. A. S. Evans. Toronto, 1974. P. 279–311.
- Kapust D. J.* Republicanism, rhetoric, and Roman political thought: Sallust, Livy, and Tacitus. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2011. VIII, 196 p.
- Kienast D.* Augustus — Prinzeps und Monarch. Darmstadt: WBG, 2009. 612 S.
- Kunkel W., Schermaier M. J.* Römische Rechtsgeschichte. 14. Aufl. Köln u. a.: Böhlau, 2005. XIV, 335 S.
- Lübnow U.* Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1955. 716 S.
- Malcovati E.* (ed.) Imperatoris Caesaris Augusti operum fragmenta / Ed. E. Malcovati. Ed. 5. Augustae Taurinorum: Paravia, 1969. LXV, 202 p.
- Meier Chr.* Res publica amissa: eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. LVII, 332 S.
- Millar F. G. B.* “Senatorial” provinces: an institutionalized ghost // Ancient World. 1989. Vol. 20. P. 93–97.
- Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. 3.1. 3. Aufl. Leipzig, 1887. XVIII, 832 S. (Nachdruck: Basel; Stuttgart: Benno Schwabe, 1963).
- Schmidt P. L.* Cicero “De re publica”. Die Forschung der letzten fünf Dezennien // ANRW. T. I. 1973. Bd. 4. S. 262–333.
- Schofield M.* Cicero’s definition of res publica // Cicero the philosopher: 12 papers / Ed. by J. G. F. Powell. Oxford, 1995. P. 66–83.
- Siber H.* Römisches Verfassungsrecht in Geschichtlicher Entwicklung. Lahr: Schauenburg, 1952. VIII. 434 S.
- Suerbaum W.* Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff. 3. Ausg. Münster: Aschendorff, 1977. XXVII, 429 S.
- Syme R.* The Roman revolution. Oxford: Clarendon press, 1939. XI, 568 p.
- Vogt J.* Ciceros Glaube an Rom. Stuttgart: Kohlhammer, 1935. 101 S. (Neudruck: Darmstadt, 1963).
- Wardle D.* Suetonius and Augustus’ “Programmatic Edict” // Rheinisches Museum. 2005. Bd. 148. P. 181–201.
- Wirszubski Ch.* Libertas as a political idea at Rome during the late republic and early principate. Cambridge: University Press, 1950. XI, 182 p.

**ЗРЕЛИЩА В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

Миролюбов Иван Андреевич
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

**THE PROBLEM OF SPECTACLES IN THE REIGN
OF CONSTANTINE THE GREAT**

Miroljubov Ivan Andreyevich
M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: Статья посвящена проблеме зрелищ в эпоху Константина Великого, которая не получила достойного комплексного освещения в науке. Исходя из христианского характера религиозной политики Константина Великого, исследователи часто связывали указ о замене традиционного наказания в виде отдачи в гладиаторы на ссылку в рудники (от 325 года) с полным запрещением гладиаторских боев. Кроме того, автор представленной статьи обращает внимание и на широко распространенные в правление Константина гонки на колесницах, предлагая рассматривать ипподром в качестве сосредоточения общественной жизни в эпоху правления этого императора.

Ключевые слова: император Константин Великий, зрелища, гладиаторские бои, Поздняя Римская империя, доминат.

Abstract: The present article is devoted to the problem of spectacles in the reign of Constantine the Great, which did not receive comprehensive coverage in science. Proceeding from the Christian nature of the Constantine's the Great religious policy, some researchers habitually associated a decree from 325 AD with a complete ban on gladiatorial battles. However in fact the decree only substituted the penalty: «ad metallum» instead of «ad ludum». In addition, the author of the presented article focuses his attention to the chariot races. This kind of spectacles was widespread in the reign of Constantine and the hippodrome is considered to be a center of public life in that epoch.

Kew words: emperor Constantine the Great, spectacles in Ancient Rome, gladiatorial games, Later Roman Empire, Dominate.

* 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; ancient@hist.msu.ru

Проблема зрелищ во времена Константина Великого рассматривалась в науке несколько однообразно. В качестве основного источника по этому вопросу принимался указ императора от 1 октября 325 г., в котором он заменяет распространенное наказание *ad ludum* (т. е. заключение человека в школу гладиаторов) на *ad metallum* (отправка на рудники). В науке нередко встречается христианское толкование этого закона, согласно которому император вообще запретил гладиаторские бои. Этой точки зрения придерживаются Т. Д. Барнс [Barnes, 1981, p. 53] и Ч. М. Одал [Odahl, 2010, p. 203]. При этом тот факт, что практика проведения гладиаторских боев продолжалась и после указа Константина (как то убедительно продемонстрировал в своей статье Д. Поттер [Potter, 2009, p. 596–606]), исследователями оказался оставлен без должного внимания и объяснения. Прочим видам зрелищ в правление Константина, например гонкам колесниц, уделялось скромное внимание. Не рассматривались зрелища и с точки зрения социальной политики, между тем как Константин, придя к власти после 18 лет гражданских войн, стремился добиться общественного консенсуса через завоевание симпатий разных социальных групп. Пышные зрелища в этом смысле были одним из наиболее действенных инструментов.

Тенденция к завоеванию широких общественных симпатий отразилась в действиях Константина сразу, как только в 306 г. он был провозглашен императором легионами его отца, императора Констанция Хлора. Выказав знаки внимания императору Галерию, который на тот момент обладал формальным старшинством, он одновременно — как свидетельствует современник событий Лактанций (Lact. De mort. pers. 24.9) — провозгласил режим веротерпимости на подконтрольных ему территориях, а затем, демонстративно устранившись от внутривластного кризиса, занялся насущным вопросом обороны Рейна. Между тем как императоры-тетрархи и узурпаторы погрязли во взаимных конфликтах¹, Константин осуществил две кампании против франков (306/307, 310 гг.) и одну против бруктеров (308 г.), а также, возможно, посетил Британию (первая половина 307 г.) [Kienast, 2004, S. 298]. Столица Константина этого периода, Августа Тре-

¹ Следуем здесь оценке Павла Орозия, который отмечает деятельность Константина на фоне занятых усобицами императоров-тетрархов и узурпаторов этого периода (Oros. Hist. VII.28.5). Этот момент, удачно характеризующий положение Константина в первые годы его правления, мы специально рассматривали [Миролюбов, 2016, с. 64].

веров [Odahl, 2010, p. 82–83], выпускает монеты, легенда на которых указывает на «повсеместные победы», а самого Константина величает «победителем всех народов» (RIC, vol. VI, p. 221–222). В этот же период Константин устраивает в Августе Треверов зрелища, в ходе которых франкские вожди — Аскаррик и Мерегаис — были брошены зверям (Pan. Lat. VII.11; X.16). Панегирист особо отмечает, что Константин насмеялся над поверженными и предаваемыми позорной казни противниками (Pan. Lat. X.16.6). Сообщающий об этом же Европий удовлетворенно замечает, что устроитель торжеств, Константин, пользовался любовью солдат и провинциалов (Eutrop. Brev. X.3.1).

Отметим, что ситуация с франкскими вождями уникальна — в источниках нет более красочного описания устроенной Константином травли, при этом с указанием на его собственную эмоциональную реакцию. Однако сам факт проведения при Константине кровавых зрелищ подтверждается не только данными нарративной традиции, но и документальными источниками. 1 августа 315 г. Константин издает грозный указ против тех, кто «причиняет страдание родителям через отчуждение живых детей» (т. е. похитителей). Отмечая, что прежде таких преступников наказывали ссылкой на рудники и «прочими известными наказаниями», Константин предписывает отныне раба и вольноотпущенника на ближайших же зрелищах отдать зверям, свободного же приписать к гладиаторской школе на том условии, что, «прежде чем он что-либо совершит, дабы защитить себя, он был бы уничтожен мечом»² (CTh. IX.18.1). Обратим внимание, за какое именно преступление Константин решил карать таким наказанием. Разлучение детей с родителями не было для самого императора отвлекенной темой. Он воспитывался при дворе Диоклетиана и Галерия, отлученный от выросшей его матери и находившегося на западе империи отца. Со стороны Галерия Константину пришлось выдержать немало издевательств (в том числе зафиксированную в нарративной традиции травлю зверями³). Возможно, что память об этом эпизоде своей биографии, а также о том, что Константин Хлор забрасывал Галерия письмами с требованиями вернуть сына⁴,

² То есть подлежащих данному наказанию людей безоружными посылали против гладиаторов [Reitzenstein-Ronning, 2015, p. 285].

³ Этот вопрос мы рассмотрели в специальной статье [Миролюбов, 2017, с. 571–579].

⁴ Об этих письмах Констанция Хлора к Галерию сообщает Лактанций (Lact. De mort. pers. 24.3) и Аноним Вalezия (Origo imp. Const. 2.2).

определенным образом повлияла на Константина при подписании строгого указа 315 г.

Фиксация в документе «гладиаторских школ» (*ludus gladiatorum*) подтверждает существование таковых при Константине в 315 г. Гладиаторы пополнялись как за счет преступников (и Константин пополнил их ряды через похитителей детей), так и за счет контрактников. Через 10 лет, 1 октября 325 г., находясь в Берите, Константин пишет префекту претория Востока Максиму письмо, в котором патетически замечает, что «в эпоху гражданского мира и домашнего спокойствия нет места кровавым зрелищам». В этой связи император предлагает заменить наказание *ad ludum* на ссылку в рудники (*ad metallum*), чтобы тяжесть наказания могла быть осознана преступником без крови (CTh. XV.12.1). Категорическое начало документа, очевидно, сподвигло христиан увидеть в этом полную отмену гладиаторских боев. Так, Евсевий отмечает, что Константин запретил приносить жертвы перед статуями богов, вопрошать гадателей⁵, воздвигать статуи божеств, совершать посвящения в таинства и «осквернять города убийствами гладиаторов» (Euseb. Vita Const. IV.25). Толкование Евсевия, как мы видели, оказало определенное влияние на современных исследователей. Однако отметим, что о полном запрете в документе речи не идет: Константин выражает неодобрение в отношении гладиаторских боев, а также, по верному замечанию Ж. Каркопино [Каркопино, 2008, с. 341], перекрывает один из источников пополнения гладиаторских школ.

Между тем, известно, что в 328 г. дядя оратора Либания вполне открыто проводил гладиаторские бои в Антиохии⁶ (*Lib. Orat. I.5*). Около 335 г. сам Константин пишет письмо жителям Гиспеллума⁷, где повелевает не только построить храм рода Флавиев, но и устраивать торжества, в программе которых указаны гладиаторские бои (*CIL V.5265*). Школы гладиаторов упоминаются в указах сына им-

⁵ Зосим отмечает, что этот запрет касался только тех вопросов, которые касались судьбы самого Константина (Zos. Hist. Nov. II.29.4). Надежность этого свидетельства безусловна; можем предположить, что Зосим определенным образом отшутился по поводу сообщений христианских авторов о запрете Константином языческих практик.

⁶ На это в рамках рассмотрения вопроса о зрелищах в эпоху Константина обратил внимание Р. Ван Дам [Van Dam, 2008, p. 33].

⁷ Т. Д. Барнс, впрочем, полагает, что рескрипт был составлен сыном Константина, Константом, под контролем которого находилась Италия [Barnes, 2014, p. 20–23].

ператора, Юлия Констанция, а также императоров Аркадия и Гонория (СTh. XV.12.2–3). Мы могли бы говорить о запрете отдачи в гладиаторы в качестве наказания, но и здесь исследователь столкнется с проблемой. Через несколько десятилетий после Константина император Валентиниан в своих указах (СTh. IX.40.2; 8) запрещает подвергать христиан и членов дворцовой администрации наказанию через отдачу в гладиаторы. Это указывает на существование подобной практики, что свидетельствует о неисполнении указа Константина Великого от 325 г.

Указ 325 г., думается, должен восприниматься как рекомендация или пожелание. Сам 325 год был знаковым в жизни Константина. Во-первых, это был первый год его единоличного правления: недавно был повержен, а затем убит его противник Лициний. Император готовился к празднованию двадцатилетия своего правления, начав с восточного города Никомедии, где открыл работу Первого Вселенского собора, торжественный *cursus* по империи, который завершился в июле 326 г. в Риме [Kienast, 2004, S. 300]. Теперь у Константина были все возможности для того, чтобы развернуть активную деятельность по переустройству жизни Римского государства. Широта этих планов отражена не только в активном законодательстве императора, но и в характеристике Константина как любителя новшеств, которую ему дал племянник Юлиан (*Res Gest.* XXI.10.8). Во-вторых, мы можем предполагать влияние на Константина христианской морали. Еще Т. Моммзен отмечал, что с начала 320-х с монет пропадает до того весьма уважаемое императором божество *Sol Invictus* [Моммзен, 2002, с. 503]. Отмечая 20-летие правления в Риме, Константин, по сообщению Зосима, отказался от совершений положенных случаю жертвоприношений на Капитолии, удалился на Восток и стал подыскивать место для новой столицы (*Hist. Nov.* II.29.5). Основание Константинополя сопровождалось экстатическим опытом; о видениях во сне, бывших императору, упоминает церковный историк Эрмий Созомен (*Hist. Eccl.* II.3). Более того, сам Константин в одном из своих распоряжений называет Константинополь «городом, который мы одарили вечным именем по велению Бога» (СTh. XIII.5.7). Очевидно, желание перемен с учетом христианских настроений и сподвигло Константина осудить кровавые зрелища. Однако полный их запрет вряд ли был возможен, и Константин не мог этого не понимать. Многовековая традиция была одной из важнейших составляющих римской общественной жизни, и, несмотря на всю репутацию

новатора, Константин вряд ли бы решился на подобное разрушение устоев. Ф. Ф. Зелинский в свое время весьма остроумно отметил [Зелинский, 2002, 404], что Константин выступал в качестве публичной фигуры и в своей религиозной политике стремился не превратить язычников в «пасынков государства». Таким образом, личная симпатия Константина к христианству еще не могла стать достаточным основанием для проведения мероприятий подобного рода и государственного масштаба.

Впрочем, сам император остался до некоторой степени верен своему решению. Августа Треверов, первая столица Константина, Рим, завоеванный им в 312 г., Сердика, которую император назвал «своим Римом» в начале 320-х гг., располагали амфитеатрами. Однако в новой столице, Константинополе, такого сооружения построено не было. Зосим и Иоанн Малала, подробно рассказывающие о застройке города, указывают, что император много внимания уделил ипподрому⁸. Зосим сообщает, что император украсил ипподром с особенной роскошью (Hist. Nov. II.31.1). Тот факт, что Зосим указывает ипподром сразу после императорского дворца, подчеркивает важность этого здания. Иоанн Малала (Malal. Chron. XII, p. 320–321 Dindorf 1831) сообщает дополнительную, весьма ценную подробность: ипподром не только находился в непосредственной близости от дворца, но и был соединен с ним особенным переходом, который приводил императора из дворца сразу же в императорскую ложу. Именно отсюда, по сообщению Малалы (Malal. Chron. XII, p. 321–322 Dindorf 1831), Константин смотрел гонки на колесницах в день освящения Константинополя, впервые надев диадему; здесь же он повелел отмечать «день рождения» города. Кульминацией этого мрачного, отдающего язычеством и фетишизмом торжества [Буркхард, 2003, с. 339; Bardill, 2012, p. 151–158] был вынос воинами со свечами в руках статуи Константина с богиней-покровительницей города на ладони, которой все, включая правящего императора, должны были поклониться, встав на колени. По всей видимости, Константин и своим сыновьям привил большую любовь к гонкам. Обращает на себя внимание, что его сын Констанций, торжественно посетив Рим в 357 г., устроил именно конные ристания. Аммиан Марцеллин отмечает, что император был впечатлен вольностью римлян и даже

⁸ О Константинопольском ипподроме смотри подробный очерк Мюллера-Винера [Müller-Wiener, 1977, S. 64–71].

предоставил обстоятельствам исход состязаний, а не определил победителя сам, как делал в иных городах (Amm. Marc. Res. Gest. XVI.10.13–14). Отсюда можно сделать вывод, что император Констанций по примеру отца придавал большое значение именно конным состязаниям.

Говоря о зрелищах в эпоху Константина Великого, необходимо рассмотреть их и с точки зрения социального аспекта. Подобные мероприятия, проводившиеся при большом скоплении народа, могли стать площадкой для прямого общения императора и жителей империи (представленных городскими низами). Хотя время Константина и является периодом окончательного установления домината — системы, в которой император превращался из «первого среди равных» в абсолютного господина [Сергеев, 1941, с. 647–648; Машкин, 2006, с. 587–588; Ковалев, 2002, с. 771–772; Loewenstein, 1973, р. 403–405], все же любопытно внимание Константина к диалогу и взаимодействию с населением. В 313 и 325 гг. (CTh. X.4.1; IX.1.4) он издает указы, призывающие население жаловаться на несправедливости чиновников, причем обещает личное участие в расследовании, а чиновникам грозит публичным сожжением за чинимые злодеяния и отсечением рук за казнокрадство (CTh. I.16.7). Псевдо-Аврелий Виктор, рассказывая о занятиях Константина, сообщает, что император выслушивал жалобы провинциалов. Вероятно, что поток жалоб был велик, и многие просители стремились свести личные счеты и клеветали на представителей администрации — в связи с чем император должен был выпустить ряд распоряжений против клеветников (Epitome de caes. 41.14). Пришлось бороться и с другой крайностью — замалчиванием жалоб, в связи с чем в 331 г. он обязывал «префектов претория и комитов (comes), назначенных в провинции, доносить голоса наших провинциалов до нашего внимания» (Cod. Iust. I.40.3).

Однако имел место и прямой диалог. Евнапий в «Жизнеописании софистов» упоминает о возмущении жителей Константинополя во время зрелищ: «пьяный демос <...> [Константин] разместил поближе к себе, чтобы они, с похмелья, рукоплескали ему в театрах. Константину нравилось, когда возбужденный народ возносил ему хвалы и выкрикивал его имя, хотя бы даже по своей глупости они его с трудом выговаривали». Однако из-за перебоев с поставками хлеба «демос, мучимый голодом, собрался в театре. Пьяные, эти люди вовсе не были настроены на похвалы, и император утратил

присутствие духа»⁹ (Eunap. Vitae soph. 462–463). Вину возложили на философа Сопатра, которого вскоре казнили.

Подводя итог, мы должны сказать, что Константин жил в сложное время, на рубеже эпох. Дав христианству право свободного исповедания и своей симпатией превратив его в наиболее привилегированный культ, Константин не мог не осознавать необходимость отмены кровавых зрелищ: вне зависимости от того, верим ли мы в его личные убеждения или нет. Вместе с тем он должен был осознавать невозможность моментального отказа от многовековой практики устройства боев. Стремясь к общественной консолидации и всеобщему примирению, так необходимому после долгого периода кровопролитных усобиц, раздоров, децентрализации и деградации императорской власти, Константин предпринял попытку смешения разнородных элементов. Заявив свое неприятие к кровавым игрищам в целом, он ограничился нестрогим запретом на пополнение рядов гладиаторов за счет преступников в 325 г. Христианам, набравшим силу при императорском дворе, это дало надежду на полную отмену гладиаторских поединков, однако, к радости и удовольствию широких масс, сами игрища не пострадали. Лично Константин предпочел переключиться на устройство конных ристаний, высокий статус которых был подкреплён включением в официальную программу торжеств по случаю освящения Константинополя. Ипподром стал центром общественной и политической жизни «нового Рима»: здесь отмечался день рождения города, происходило поклонение основателю, здесь Константин напрямую общался с населением и здесь же он впервые предстал перед населением в новом наряде и с диадемой на голове¹⁰.

Библиография

- Буркхард Я.* Век Константина Великого. М.: Центрполиграф, 2003. 367 с.
Зелинский Ф. Ф. Римская империя. СПб.: Алетейя, 2000. 489 с.
Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М.: Молодая гвардия, 2008. 420 с.

⁹ Текст Евнапия приводим в переводе Е. В. Дарк и М. Л. Хорькова [Римские историки... 1997, с. 239–240].

¹⁰ О том, что Константин впервые надел диадему во время торжественного освящения Константинополя в 330 г., сообщает Иоанн Малала (Malal. Chron. XIII, p. 321 Dindorf 1831). Несмотря на то, что диадема появляется на монетных изображениях Константина после 324 г., мы считаем возможным принять датировку Малалы. Подробнее этот вопрос мы рассмотрели в статье: Миролюбов, 2018, с. 52–58.

- Ковалев С. И.* История Рима. СПб.: Полигон, 2002. 864 с.
- Машкин Н. А.* История Древнего Рима. М.: Высшая школа, 2006. 753 с.
- Миролюбов И. А.* Константин Великий в «Истории против язычников» Павла Орозия // ПИФК. 2016. № 4. С. 62–70.
- Миролюбов И. А.* Константин Великий в клетке со зверем // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. Т. 21. С. 571–579.
- Миролюбов И. А.* О практике ношения диадемы Константином Великим // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 1. С. 52–58.
- Моммзен Т.* История времен римских императоров. СПб.: Ювента, 2002. 632 с.
- Римские историки IV века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 414 с.
- Сергеев В. С.* Очерки истории Римской империи. Ч. 2. М.: ОГИЗ — Гос. социально-экономич. изд-во, 1941. 461 с.
- Bardill J.* Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age. New York: Cambridge University Press, 2012. XXX, 440 p.
- Barnes T. D.* Constantine and Eusebius. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1981. VIII, 458 p.
- Barnes T. D.* Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden; Oxford; Chichester: Blackwell Publishing Ltd., 2014. XIV, 266 p.
- Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. XXVIII, 399 S.
- Loewenstein K.* The Governance of Rome. The Hague: Martinus Nijhoff, 1973. XXX, 500 p.
- Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinopolis, Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhundert. Tübingen: Wasmuth, 1977. 534 S.
- Odahl Ch. M.* Constantine and the Christian Empire. London; New York: Routledge, 2010. XXIII, 410 p.
- Potter D.* Constantine and the Gladiators // The Classical Quarterly. 2010. Vol. 60, N 2. P. 596–606.
- Reitzenstein-Ronning C.* Performing Justice: The Penal Code of Constantine the Great // Contested Monarchy Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD / Ed. by J. Wienand. New York, 2015. P. 265–288.
- Van Dam R.* Roman Revolution of Constantine. New York: Cambridge University Press, 2008. XVI, 441 p.

**ВАРВАРИЗАЦИЯ ВМЕСТО АККУЛЬТУРАЦИИ,
ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ РЕАЛИЗОВАЛСЯ ПРОЕКТ АВГУСТА**

Никишин Владимир Олегович
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

**BARBARIZATION INSTEAD OF ACCULTURATION,
OR WHY AUGUSTUS' PROJECT WASN'T REALIZED**

Nikishin Vladimir Olegovich
M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

Аннотация: Статья посвящена истории клиентных царств в составе Римской империи в I в. н. э., во главе которых стояли римские ставленники, получившие воспитание и образование в Риме при императорском дворе. Автор анализирует причины постепенной ликвидации клиентных царств, на месте которых возникали новые провинции.

Ключевые слова: клиентные царства, зависимые цари, заложники, «проект Августа», «союзник и друг римского народа», греко-римская цивилизация, римские ставленники, варваризация, аккультурация.

Abstract: This article is devoted to the history of client kingdoms in the structure of the Roman Empire in the 1st century AD, at the head of which were the Roman creatures, who received training and education in Rome at the imperial court. The author analyses causes of gradual liquidation of client kingdoms, instead of which the new provinces were created.

Keywords: client kingdoms, friendly kings, hostages, Augustus' project, "socius et amicus populi Romani", Greco-Roman civilization, Roman creatures, barbarization, acculturation.

У античных авторов мы находим немало примеров того, как отпрыски варварских правящих династий по тем или иным причинам оказывались в Риме, получали там греко-римское воспитание и образование, чтобы в дальнейшем занять престол на родине в качестве римских ставленников. Далекое не всегда этот политический

* 119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; cicero74@mail.ru

сценарий воплощался в жизнь. Первые примеры такого рода относятся ко II в. до н. э. Так, Ливий сообщает о приезде в Рим в 172 г. до н. э. малолетнего (*puer*) каппадокийского царевича Ариарата, старшего сына царя Ариарата IV Евсевия и Антиокиды, дочери заклятого врага Рима Антиоха III¹ (*Liv. XLII.19.3–6. Ср.: Diod. XXXI.19.7*). По словам историка, отец «направил сына в Рим на воспитание, чтобы тот с детства привык к римским порядкам и к римлянам» (*Liv. XLII.19.4. Пер. Н. Н. Трухиной*). Существует обоснованное мнение, что Ариарат IV, намереваясь передать престол младшему сыну, Митридату (будущему Ариарату V), отправил старшего отпрыска в Рим, чтобы тем самым избавить своего любимца от потенциального конкурента [Габелко, 2009, с. 107–108]. Дальнейшая судьба старшего сына Ариарата IV неизвестна; не подлежит сомнению лишь то, что царём Каппадокии он так и не стал [см. там же, с. 108, примеч. 76].

Как правило, царские дети жили в Риме на положении заложников². При этом они вращались в высших кругах общества, завязывая полезные знакомства, которые могли пригодиться в будущем [Braund, 1984, p. 9–10], посещали школы вместе с представителями римской знати, изучали греческий и латынь [Matthews, 1989, p. 40]. Как писал во времена Траяна Ювенал, «только взгляни, что делают связи: заложником прибыл — здесь человеком стал» (*aspice quid faciant commercia: venerat obses, hic fiunt homines*) (*Iuv. Sat. II.166–167. Пер. Д. С. Недовича*). Одним из таких заложников (*obsides*) был Деметрий, младший сын македонского царя Филиппа V, отправленный в Рим после поражения своего отца в Третьей Македонской войне (*Polyb. XVIII.39.5; Liv. XXXIII.13.14; Plut. Flam. 9*). В 191 г. до н. э., проведя в Риме пять лет, Деметрий вернулся на родину (*Polyb. XXI.2.3; Liv. XXXVI.35.13; App. Maced. 9.5; Sutr. 20*). Годы, проведённые в Вечном городе, не прошли для царевича бесследно: видевшие во вчерашнем заложнике будущего царя Македонии сенаторы не сомневались в преданности Деметрия интересам Рима (*Liv. XXXIX.47.10*).

¹ Таким образом, по происхождению Ариарат был наполовину перс, наполовину греко-македонянин, т. е. полуварвар.

² Нередко правители вассальных царств в целях обеспечения собственной безопасности отправляли своих родственников в качестве заложников сразу в два лагеря, как поступил, к примеру, царь Адиабены Изат II: некоторых членов своей династии вместе с их семьями он отправил в Рим, других — в Парфию (*Ios. Ant. Iud. XX.2.4*).

В дальнейшем явные знаки благоволения, которые сенат выказывал своему протее, его же и погубили (Liv. XXXIX.48.1) [подробнее об этом см.: Edson, 1935, p. 191–202].

Впрочем, члены эллинистических династий, судя по всему, не очень-то поддавались романизации, хотя порой их пребывание в Риме затягивалось на долгие годы. Так, после поражения, понесённого Антиохом III в войне с римлянами, в Италию в качестве заложника отправился сперва его младший сын Антиох (будущий Антиох IV Эпифан³, см.: Liv. XLII.6.9; XLIV.19.8; Per. XLI), а затем сменивший Антиоха его племянник Деметрий (сын Селевка IV, будущий Деметрий I Сотер. См.: 1 Макк 1.10; App. Syr. 45; Athen. X.438d). Годы, проведённые Антиохом Эпифаном в Риме (в общей сложности не менее 10 лет), где он вращался среди римской элиты, не прошли даром, и, став царём, он сохранял лояльность по отношению к Риму [Ранович, 1950, с. 128]. Известно, что Антиох IV любил переодеваться в тогу и, сидя в курульном кресле, вершил суд (Polyb. XXVI.1.3–5; Liv. XLI.20.1; Diod. XXIX.32.1). Кроме того, как пишет Ливий, царь устраивал гладиаторские игры, приохотив к кровавым зрелищам местную молодёжь (Liv. XLI.20.11–13).

Что касается Деметрия, то он провёл в Риме около 16 лет (178–162 гг. до н. э.) и считал себя вправе называть сыновей сенаторов «братьями», а самих сенаторов — «отцами». Тем не менее, его кандидатура на престол Селевкидов не устраивала сенат, который решил поддержать двоюродного брата Деметрия, малолетнего Антиоха V Эвпатора (Polyb. XXXI.12.37–38; App. Syr. 46). Не смирившийся с таким поворотом дела Деметрий в 162 г. до н. э. с помощью своего друга Полибия бежал из Рима и вскоре, осуществив переворот у себя на родине, взошёл на престол (Polyb. XXXI. 20.61–22.72; Athen. X.440b; Ios. Ant. Iud. XII.10.1; App. Syr. 47). Характерно, что убийство легитимного правителя Антиоха V и его регента Лисия, осуществлённое по приказу Деметрия I (Ios. Ant. Iud. XII.10.1; App. Syr. 47), не помешало сенату сперва признать узурпатора законным царём (Polyb. XXXII.4.8), а впоследствии поддержать притязания на власть детей Антиоха IV (Polyb. XXXIII.18.9). Здесь, как и во многих других случаях, сенат не изменял своей традиционной политике *divide et impera*. В конечном счёте Деметрий погиб в борьбе с очередным узурпатором (Ios. Ant. Iud. XIII.2.4).

³ Находился в Риме в 189–178 гг. до н. э.

Д. С. Браунд предположил, что нумидийский царь Адгербал, брат Гиempсала I и двоюродный брат Югурты, носивший как бы унаследованный от отца и деда титул *socius et amicus populi Romani* (Sall. Bell. Jug. 14.2), в юности тоже жил и воспитывался в Риме [Braund, 1984, p. 23]. В изложении Саллюстия Адгербал обращается к сенаторам с такими словами: «Отцы-сенаторы, отец мой Миципса, умирая, велел мне помнить, что только управление Нумидийским царством поручено мне, законная же верховная власть над ним — в ваших руках; в то же время [я должен] стараться и в мирное время, и во время войны быть возможно более полезным римскому народу и видеть в вас своих родных, своих близких...» (*vos mihi cognatorum, vos affinium loco ducerem*) (Sall. Bell. Jug. 14.1. Пер. В. О. Горенштейна). Здесь напрашивается аналогия с Деметрием Сотером, который (см. выше) тоже видел в сенаторах и их отпрысках «своих родных, своих близких». Таким образом, допущение, что будущий вассальный царь Нумидии Адгербал в ранней юности какое-то время жил в Риме, является, на наш взгляд, вполне обоснованным.

Прошло более ста лет, возможно, самых бурных в истории Рима, и вот уже Август, утвердившись в роли властителя огромной Средиземноморской державы, взял на вооружение практику романизации отпрысков чужеземных властителей. Если в республиканскую эпоху подобных случаев было крайне мало и ни о какой продуманной политике сената в этом направлении говорить не приходится, то Август начинает проводить политический курс, направленный на создание целой системы зависимых от Рима клиентных монархий [Braund, 1984, p. 10]. Положение вассальных правителей (*inservientes reges*, как их назвал Тацит⁴. См.: Tac. Hist. II.81) по отношению к Риму представляло собой своего рода клиентелу, *clientela* [Harris, 1979, p. 135, n. 2], мало чем отличавшуюся от политического рабства, *servitus* [Braund, 1984, p. 23]. Недаром Тацит в «Агриколе» называет клиентных царей «орудиями рабства» (*instrumenta servitutis*) (Tac. Agr. 14.2). Как пишет об Августе Светоний, «царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя

⁴К примеру, только в сохранившихся книгах «Анналов» упоминается до 30 клиентных царей. См.: Gowing, 1990, p. 316.

их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими⁵) (Suet. Aug. 48. Пер. М. Л. Гаспарова).

Характерно, что император отнюдь не принуждал облечённых властью родителей присылать своих сыновей в Рим: инициатива всегда исходила от самих царей [Braund, 1984, p. 12]. Несомненно, Август рассчитывал в дальнейшем сделать из этих людей проводников политического и культурного влияния Рима в ряде сопредельных и/или подконтрольных Риму стран. В последние десятилетия I в. до н. э. «проект Августа» начал активно воплощаться в жизнь, причём в самых разных регионах: в Северной Африке и Парфии, за Рейном и на Дунае, в Южном Причерноморье и Иудее.

В Северной Африке правителем вассальной Мавретании на протяжении без малого полувека был Юба II — один из наиболее колоритных персонажей в длинной череде вассальных царей Рима. В 46 г. до н. э. малолетний царевич Юба, сын погибшего в борьбе с Цезарем нумидийского царя Юбы I, был привезён в Рим в качестве живого трофея, чтобы украсить собой африканский триумф Цезаря⁶ (App. Bell. Civil. II.101). Но в дальнейшем оказалось, что «он попал в счастливейший плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых учёных греческих писателей» (Plut. Caes. 55. Пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова. Ср.: App. Bell. Civil. II.101). Получив в Риме прекрасное образование [Roller, 2003, p. 59–75], Юба стал «самым учёным и образованным среди царей» (Plut. Ant. 87. Пер. С. П. Маркиша). В 25 г. до н. э. Август сделал его правителем клиентного царства Мавретании⁷ (Dio Cass. LI.15.6; LIII.26.2; Plut. Ant. 87; Strabo VI.4.2; XVII.3.7; Tac. Ann. IV.5). Где-то между 26 и 20 гг. до н. э. император женил своего протеже на титулярной царице Киренаики Клеопатре Селене, дочери Антония и Клеопатры VII⁸,

⁵ Некоторых из вассальных царей Август не забыл и в своём завещании (Dio Cass. LVI.32.2).

⁶ Впоследствии (когда и от кого именно, неизвестно) Юба получил права римского гражданства и имя Гай Юлий. См.: Braund, 1984, p. 45.

⁷ К тому времени трон Мавретании был вакантен уже на протяжении 8 лет (33–25 гг. до н. э.).

⁸ Поистине «интернациональный» брак: этнический нумидиец, натурализовавшийся в Риме и «облагороженный» греко-римским образованием, женился

к тому времени единственной прямой наследнице царского дома Птолемеев.

Интеллектуал на троне, Юба II прославился своей «интернациональной литературной деятельностью» [Моммзен, 1995, с. 459]⁹. Он был весьма плодовитым писателем. Ботаник и географ, историк и филолог, поэт и театрал, неутомимый компилятор и антиквар, Юба написал первую историю живописи (Phot. Bibl. 103a), а в своих «Подобиях» (Athen. IV.170e) сравнивал римскую и греческую терминологию. Высокую оценку его учёным трудам дал Плиний Старший (Plin. Nat. Hist. V.16), а Луций Ампелий назвал Юбу «в высшей степени учёным мужем» (rex literatissimus) (Ampel. 38.2). В Кесарии Мавретанской (см.: Strabo XVII.3.12; Eutrop. VII.10.3) заботами Юбы и Клеопатры Селены были построены театр, амфитеатр, форум, гавань, царский дворец с библиотекой, общественные бани, храмы, городские стены и система акведуков в пригородах. Царственная чета покровительствовала развитию наук и искусств [см.: Roller, 2003, p. 119–162]. Уникальное мультикультурное явление представлял собой мавретанский царский двор, где соединились африканское, греческое и римское культурные направления [см.: Desanges, 1989, p. 53–61].

Согласно оценке Т. Моммзена, ни Юба II (25 г. до н. э. — 23 г. н. э.), ни его сын и наследник Птолемей Филадельф (23–40 гг.), последний царь Мавретании, «не пользовались авторитетом у своих подданных и по личным своим качествам и по той причине, что были римскими ленниками» [Моммзен, 1995, с. 459]. В 5 г. против власти римлян и их ставленника, царя Юбы, восстали кочевые племена гетулов, недовольные притеснениями властей (Dio Cass. LV.28.3–4; Vell. II.116.2; Flor. II.31.40), поскольку с местными жителями римляне обращались, по словам Страбона, «то как с “друзьями”, то повражески» (Strab. XVII.3.12. Пер. Г. А. Стратановского). Только

на египетской царевне, дочери римлянина и греко-македонянки! Если Юба был проведён в триумфальной процессии Цезаря, то Клеопатра Селена, вошедшая в историю как Клеопатра Селена II (или Клеопатра VIII), оказалась в аналогичной роли во время александрийского триумфа Октавиана 15 августа 29 г. до н. э. (Dio Cass. LI.21.8; RGDA IV.3). Вероятнее всего, свадьба Юбы II и Клеопатры Селены состоялась в 20/19 г. до н. э., когда были отчеканены монеты с изображением этой царственной четы. См.: Braund(1), 1984, p. 175, n. 2.

⁹Об учёном царе см.: Gsell, 1927, p. 169–197. Сохранилось 104 фрагмента сочинений Юбы [Roller, 2003, p. 9, n. 20].

через год восстание с трудом подавил проконсул Африки Косс Корнелий Лентул (отец Гетулика). Движение под руководством нумидийца Такфарината (17–24 гг.) было подавлено уже после кончины Юбы (Тас. *Ann.* IV.23–26)¹⁰. Прошло немногим более полутора десятилетий, и в 40 г. последний отпрыск династии Птолемеев был казнён по приказу Калигулы (Suet. *Cal.* 35.1)¹¹. В 44 г. Клавдий разделил бывшее клиентное царство на две провинции — Мавретанию Цезарейскую и Мавретанию Тингитанскую. В 69 г. в условиях разразившейся в империи гражданской смуты наместник обеих мавретанских провинций, прокуратор Лукцей Альбин, попытался было играть самостоятельную политическую роль и даже будто бы принял имя Юбы со всеми атрибутами царской власти, но был убит (Тас. *Hist.* II.58).

В 9 г. до н. э. парфянский царь Фраат IV прислал в Рим в качестве заложников своих сыновей и внуков, всего восемь человек (RGDA XXXII.2; Suet. *Aug.* 21.3; Eutrop. VII.9; Strabo VI.4.2; XVI.1.28; Vell. II.94; Ios. *Ant. Iud.* XVIII.2.4; Oros. VI.21.29) [см.: Бокщанин, 1966, с. 164; Braund, 1984, p. 12]. По словам Тацита, Фраат сделал это «не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам» (Тас. *Ann.* II.1. Здесь и далее цит. в пер. А. С. Бобовича под ред. Я. М. Боровского и М. Е. Сергеенко). Когда спустя без

¹⁰ После смерти престарелого царя-эрудита в Мавретании его обожествили (Lactant. *Fals. Rel.* I.11; Min. *Fel.* 23), а в Афинах установили мемориальную статую (Paus. I.17.2).

¹¹ Видимо, смехотворный повод для казни Птолемея Филадельфа (царь появился в театре в пурпурном плаще (Suet. *Cal.* 35.1), который, стоит отметить, он носил по праву: по сообщению Тацита (Тас. *Ann.* IV.26), за заслуги в подавлении восстания Такфарината в 24 г. сенат в соответствии с древним обычаем наградил Птолемея как вассального царя, «друга и союзника» Рима триумфальными украшениями, *ornamenta triumphalia*) был лишь поводом и не более того. Истинной причиной расправы с последним мавретанским царём вполне могла быть попытка внука Клеопатры VII играть более самостоятельную политическую роль, чем его отец Юба II. Теоретически последний из Птолемеев мог рассчитывать на создание крупного клиентного царства в Северной Африке, когда под его скипетром объединились бы владения его родителей — Нумидия и Мавретания, Египет и Киренаика. См.: Wardle, 1994, p. 270–272. Наконец, не исключено участие Птолемея Филадельфа в заговоре Гетулика в 39 г. (если заговор имел место на самом деле). См.: Fishwick, 1971, p. 467–487; Faur, 1973, p. 249–271; Fishwick, Shaw, 1976, p. 491–494. По мнению Д. Браунда, причиной расправы с несчастным Птолемеем Филадельфом вполне могло быть стремление Калигулы завладеть богатствами мавретанских царей [Braund, 1984, p. 97].

малого шесть десятилетий, в 49 г., ко двору Клавдия прибыла очередная группа парфянских заложников (*obsides*), тот же Тацит так объяснил мотивацию парфян: «Для того и отдают они нам заложниками царских детей, чтобы иметь возможность, если властитель их родины станет им в тягость, обратиться к принцепсу и сенаторам и получить от них более приемлемого и усвоившего наши нравы царя» (Тас. *Ann.* XII.10). Очевидно, так ситуация виделась из Рима; на деле всё обстояло гораздо сложнее.

В 7 г. старший сын Фраата IV, Вонон [см.: Bivar, 1983, p. 68], получивший в Риме греко-римское воспитание и образование (Тас. *Ann.* II.1), с согласия Августа стал царём Парфии (RGDA XXXIII; *Ios. Ant. Iud.* XVIII.2.4). Для парфян он был «чужаком» (*externus*) (Тас. *Ann.* II.1), «отравленным вражескими навыками» (*hostibus artium infectus*) (*ibid.* 2. *Пер. авт.*). Сам Вонон I (7–12 гг.) опрометчиво не счёл нужным скорректировать своё поведение в чуждой для него культурной среде и тем самым только усугубил своё и без того шаткое положение: по словам Тацита, «чуждый обычаям предков (*diversus a maiorum institutis*), он редко охотился и был равнодушен к конным забавам; на улицах городов появлялся не иначе как на носилках и пренебрегал такими пирами, какими они были на его родине. Вызывали насмешки и его приближённые греки...» (*inridebantur et Graeci comites*) (Тас. *Ann.* II.2). Привитые Вонону греко-римским воспитанием доступность и обходительность (*prompti aditus, obvia comitas*) в глазах подданных царя выглядели не как добродетели (*virtutes*), а как пороки (*vitia*) (*loc. cit.*). «И поскольку всё это было несходно с их нравами (*quia ipsorum moribus aliena*), они питали равную ненависть и к дурному, и к хорошему в нём» (*loc. cit.*).

Прошло совсем немного времени, и против римского ставленника Вонона I выступил представитель младшей ветви династии Аршакидов, Артабан III (12–38 гг.), чья юность прошла среди воинственных кочевников-дагов, или дахов¹² (*apud Dahas adultus*) (Тас. *Ann.* II.3). В борьбе с ним Вонон терпит поражение и бежит в Великую Армению (*loc. cit.*). Такой исход военно-политического противостояния был символичен: «отравленного» греко-римской цивилизацией незадачливого Вонона I одолел лидер «национальной»

¹²Ниже Тацит называет дахов скифами (Тас. *Ann.* VI.41). См.: Балахванцев, 1998, с. 152 слл.

оппозиции Артабан III, которому удалось воссоздать могущество Парфянской державы [Colledge, 1967, p. 48]. Процарствовав несколько лет в Великой Армении (12–15 гг.), Вонон уехал в Сирию (Тас. Ann. II. 3; 4; Ios. Ant. Iud. XVIII.2.4), а в 19 г. был убит римлянами в Киликии (Тас. Ann. II.68; Suet. Tib. 49). Безусловно, у римского ставленника было больше шансов сохранить свой трон, если он получал «национальное» воспитание, как, например, Зенон¹³, возведённый римлянами на престол Великой Армении под именем Арташеса III: «Усвоив с раннего детства обычаи и образ жизни армян, он своими охотами, пиршествами и всем, что в особой чести у варваров, пленил в равной мере и придворных, и простолюдинов» (Тас. Ann. II.56).

Тот же Тацит противопоставляет жестокость «воспитанного среди скифов» Артабана III «мягкому характеру» (*ingenium*) получившего воспитание и образование в Риме (*Romanas per artes*) ещё одного представителя династии Аршакидов — внука Фраата IV, Тиридата (Тас. Ann. VI.41). Характерно, что «изнеженный на чужбине» (*externa mollitia*) (*ibid.* 43) римский ставленник Тиридат III (35–36 гг.) проиграл борьбу за власть царю Артабану (*ibid.* 44). Годом ранее по просьбе оппозиционно настроенной парфянской знати Тиберий отправил в Парфию очередного римского ставленника — престарелого Фраата, младшего сына Фраата IV, прожившего в Риме более 40 лет (*ibid.* 31–32). Однако Фраат¹⁴, едва добравшись до Сирии и сменив «образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер» (*Phraates apud Syriam dum omisso cultu Romano, cui per tot annos insueverat, instituta Parthorum sumit, patriis moribus impar morbo absumptus est*) (*ibid.* 32). Таким образом, в очередной раз конфликт между *cultus Romanus* и *instituta Parthorum* разрешился смертью человека, ставшего «чужим среди своих».

Сын злополучного Вонона I Мегердат, подобно отцу, был «воспитанником Рима» (*alumnus Urbis*) (Тас. Ann. XII.11. Ср.: Тас. Ann. XI.10; XII.10). Враги Мегердата из числа его соотечественников видели в нём «чужеземца и римлянина» (*alienigenam et Romanum*) (Тас. Ann. XII.14). На роль римского ставленника в Парфии Мегердат был выбран императором Клавдием в 48 г. Однако он пал жертвой

¹³ Сын понтийского царя Полемона I.

¹⁴ Его иногда именуют Фраатом VI, хотя он никогда не правил.

своего легкомыслия и чужого коварства: претендент на трон Аршакидов был побеждён на поле брани, вероломно захвачен в плен и искалечен (ему отрезали уши) по приказу своего более удачливого соперника царя Готарза II¹⁵ (loc. cit.).

В правление Юлиев—Клавдиев в Риме жили и воспитывались будущие вассальные армянские цари — Тигран III, Тигран V и Тигран VI. После убийства проримски настроенной армянской знатью царя Великой Армении Арташеса II¹⁶ вторгшиеся в страну римляне возвели на престол его младшего брата Тиграна III (20–8 гг. до н. э.), который в течение 11 лет жил и учился в Риме (Dio Cass. LIV.9.4–5; Suet. Tib. 9.1; Ios. Ant. Iud. XV.4.3; Tac. Ann. II.3; RGDA XXVII.2). От том, как стремительно романизовалась в Риме армянская молодёжь, в одной из своих сатир пишет Ювенал (Iuv. Sat. II.164–170). По словам А. Г. Бокщанина, Тигран III был «послушным агентом» римлян [Бокщанин, 1966, с. 157. См. также: Newell, 1926, p. 13 ff.; Sherwin-White, 1984, p. 323 ff.]. Внук Архелая I Филопатора, Тигран¹⁷, получивший воспитание в Риме, по воле Августа в 6 г. взойшёл на престол Великой Армении (RGDA XXVII.2), став Тиграном V, однако уже спустя несколько месяцев, по-видимому, под давлением «национально» ориентированной армянской аристократии, был вынужден разделить власть с дочерью Тиграна III, сестрой и супругой Тиграна IV царицей Эрато (6–12 гг.) [Novannisian, 1997, p. 62]. В 36 г. уже бывший царь Тигран V был казнён по приказу Тиберия (Tac. Ann. VI.40).

Наконец, в 60 г. Нерон посадил на армянский престол племянника злополучного Тиграна V — царя Тиграна VI (Tac. Ann. XIV.26). Будучи сыном Гая Юлия Александра и внуком Александра, одного из сыновей Ирода I Великого и мужа Глафиры, дочери Архелая I Филопатора, Тигран VI, царь Великой Армении в 60–63 гг., являлся, таким образом, правнуком двух вассальных царей — Ирода I и Архелая I¹⁸. Как пишет Тацит, «длительное пребывание в Риме заложником воспитало в нём (Тигране. — В. Н.) рабскую приниженность»

¹⁵ Сын Артабана III.

¹⁶ Сын царя Артавазда II, убитого по приказу Клеопатры VII в Александрии в 31 г. до н. э.

¹⁷ Его родителями были Александр, сын Ирода I Великого, и Глафира, дочь Архелая I Каппадокийского (Ios. Ant. Iud. XVII.1.2; XVIII.5.4).

¹⁸ Тацит, видимо, ошибается, когда называет его «внуком (nepos) царя Архелая» (Tac. Ann. XIV.26), если только речь не идёт об Архелее II.

(*usque ad servilem patientiam demissus*) (loc. cit.). По мнению историка, гордая парфянская знать должна была презирать Тиграна как римского ставленника, который не только был «чужеземцем» (*alienigena*), но и долгие годы жил в Риме как заложник (*obses*), что для Тацита было равносильно жизни в рабстве (*in mancipia*) (Тас. *Ann.* XV.1). Характерно, что власть в Великой Армении Тигран VI удерживал, опираясь на римский воинский контингент и помощь соседних вассалов Рима (Тас. *Ann.* XIV.26). Как только парфяне нанесли жестокое поражение римским легионам, Тиграну VI пришлось уступить армянский престол парфянскому ставленнику Тиридату I [см.: Бокщанин, 1966, с. 195 слл.].

Преемники Августа, и прежде всего Тиберий [Бокщанин, 1966, с. 173], взяли курс на ликвидацию клиентных царств, превращая их в провинции. Тиберий порой довольно жёстко поступал с вассальными правителями; в частности, он приказал задержать и лишил власти царя Каппадокии Архелая I Филопатора¹⁹ и фракийского царя Рескупорида III (Suet. *Tib.* 37.4; Тас. *Ann.* II. 42; 67; Dio Cass. LVII.17.4). На Архелая I (36 г. до н. э. — 17 г. н. э.) собственные подданные жаловались ещё Августу (Dio Cass. LVII.17.3), который даже был вынужден назначить в Каппадокию регента (*rector*, или *epitropos*²⁰) (Suet. *Aug.* 48; Dio Cass. LVII.17.5). В начале правления Тиберия Архелай, с которым у Тиберия были давние счёты (Тас. *Ann.* II.42), был слабоумным стариком, разбитым подагрой: на слушание дела в сенате его принесли на носилках (Dio Cass. LVII.17.4–6). Царь был осуждён, однако Тиберий не стал его казнить (*ibid.* 5). Вскоре Архелай I умер (17 г.), и Каппадокия стала римской провинцией²¹ (Тас. *Ann.* II.42; Strabo XII.1.4; Dio Cass. LVII.17.7).

Что касается Рескупорида III, то он был лишён власти, сослан и убит, поплатившись за вероломное убийство племянника, Котиса III (Тас. *Ann.* II.67). Сыновья последнего, Реметалк, Полемон и Котис²²,

¹⁹ Римляне расширили его владения за счёт Киликии Трахен и Малой Армении (Dio Cass. LIV.9.2; Strabo XIV.5.6).

²⁰ Д. С. Браунд считает, что здесь, по сути, речь идёт об опеке, *tutela* (Braund, 1984, p. 147).

²¹ Тацит в «*Анналах*» под 36 г. упоминает об Архелее II, за которым римляне, видимо, сохранили статус вассального царя в киликийских владениях его отца (Тас. *Ann.* VI.41).

²² Внуки Полемона I.

с 26 г. воспитывались в Риме при дворе Тиберия [см.: Сапрыкин, 1993, с. 32] вместе с Гаем Цезарем — будущим императором Калигулой²³, который, придя к власти, в 38 г. назначил друзей своей юности²⁴ правителями вассальных царств: Реметалка III — царём Фракии, Котиса IV — царём Малой Армении, Полемона II — царём Понта (Dio Cass. LIX.12.2; Strabo XII.3.29; Tac. Ann. XI.9; Tac. Hist. III.47). Последнему Клавдий в 41 г. даровал ещё и область в Киликии (Dio Cass. LX.8.2). Полемон II всячески подчёркивал свою лояльность династии Юлиев—Клавдиев: так, он был первым из понтийских царей, кто поместил портреты императора и его родственников на реверс своих монет [см.: Dahmen, 2010, p. 103].

Последний фракийский царь Реметалк III (38–46 гг.), «римлянин по духу и по взглядам» [Сапрыкин, 1988, с. 522]²⁵, в 46 г. пал жертвой заговора, после чего Фракия стала римской провинцией²⁶. В 47 г. Котиса IV сместил Клавдий (Tac. Ann. XI.9), а в 72 г., при Веспасиане, Малая Армения вместе с Каппадокией и Галатией вошла в состав обширного наместничества [Cumont, 1923, p. 114, notes; Reinach, 1914, p. 133 ff.]. Наконец, Полемон II оказался последним вассальным царём Понта: в 64 г. Нерон, заручившись «согласием» Полемона²⁷, ликвидировал Понтийское царство и присоединил его территорию к провинции Галатии (Suet. Ner. 18; Eutrop. VII.14.5; Aurel. Vict. Caes. 5.2).

Среди германских *reges* тоже были римские ставленники. Наиболее яркие примеры — Маробод и Италик. Рех маркоманнов Маробод [см.: Dobíáš, 1960, p. 155–166] в юности жил при дворе Августа и пользовался его расположением (Strabo VII.1.3). По-видимому, будущий «клиент Рима» [Pitts, 1989, p. 46] Маробод был незаурядной личностью. Веллей Патеркул так охарактеризовал его: «Варвар более по происхождению, чем по уму» (*natione magis quam ratione barbarus*) (Vell. II.108.2. Здесь и далее цит. в пер. А. И. Немировского

²³ «Вместе воспитанные сотоварищи» (Syll.³ 798.6/7).

²⁴ Все они обладали правами римского гражданства с именем Гай Юлий. См.: Braund, 1984, p. 41–42.

²⁵ Реметалк III, как и его братья, Котис IV и Полемон II, приходился праправнуком триумвиру Марку Антонию и троюродным племянником Гаю Калигуле, изображение которого было помещено на монетах Реметалка [Абрамзон, 1995, с. 203].

²⁶ Иногда эти события относят к 44–45 гг. См.: Златковская, 1951, с. 51–52.

²⁷ Потеряв корону Понта, Полемон II остался царём Киликии.

и М. Дашковой). Возможно, какое-то время он служил во вспомогательных частях римской армии [Pitts, 1989, p. 46]. Оказавшийся способным военачальником и дипломатом, Маробод ок. 8 г. до н. э. создал на территории Богемии мощный союз германских племён, что не могло не насторожить имперскую администрацию в Риме: по словам того же Веллея Патеркула, «заяв среди своих первое место... он решил увести свой народ подальше от римлян и разместить его там, где, укрывшись от более сильного оружия, смог бы сделать более могущественным своё собственное» (loc. cit.). Между тем для многих германцев Маробод оставался римским ставленником и «предателем родины» (*proditor patriae*) (Tac. Ann. II.45).

Создав сильное войско по римскому образцу, Маробод стал представлять реальную угрозу для Рима (Vell. II.109.1–4), поэтому Тиберий начал подготовку к превентивному удару по царству Маробода (*ibid.* 5). Впрочем, ввиду начавшегося в 6 г. Паннонского восстания Тиберию пришлось заключить с Марободом договор (Vell. II.109.5; Dio Cass. LV.28.6–7. Ср.: Tac. Ann. II.26). По-видимому, Маробод стал «союзником и другом римского народа» (косвенно об этом свидетельствует Тацит: Tac. Ann. II.63). В политическом плане пресловутая римская *amicitia* означала не более чем благожелательный нейтралитет в случае вооружённого конфликта одного из участников договора с третьей стороной [Pitts, 1989, p. 47]. Таким образом, Маробод стал вассалом Рима [Gowing, 1990, p. 323]. Побеждённый в 17 г. вождём херусков Арминием, спустя пару лет Маробод был свергнут враждебной ему германской знатью и бежал в Италию, получив от Тиберия милостивое позволение обосноваться в Равенне (Suet. Tib. 37.4; Tac. Ann. II.63; Vell. II.129.3). Здесь он прожил ещё 18 лет (Tac. Ann. II.63) и умер в 37 г. [см.: Ricci, 1993, p. 206]. Преемники Маробода, будучи креатурами Рима, во времена Тацита уже всецело зависели от римской поддержки (Tac. Germ. 42. Пер. А. С. Бобовича под ред. Я. М. Боровского и М. Е. Сергеенко). Так, благодаря Диону Кассию известно, что rex семнонов Масий ездил в Рим ко двору Домициана — видимо, за материальной помощью (Dio Cass. LXVII.5.3).

Rex херусков Италик — последний представитель древней династии, племянник легендарного Арминия²⁸ — родился в Риме

²⁸ Сын его брата Флава.

(о чём свидетельствует, в частности, его имя) и получил римское гражданство (Тас. Апп. XI.16). В 47 г. администрация Клавдия направила его «на чужеземное царствование» (*externum ad imperium*) в качестве очередного правителя-клиента (*loc. cit.*). В новой для себя обстановке Италик действовал более гибко, чем уже упомянутый Вонон I: сравнительно редко проявляя пресловутую греко-римскую обходительность (*comitas*) и сдержанность (*temperantia*), он завоевал популярность у своего окружения благодаря обильным возлияниям и буйному разгулу (*vinolentiam ac libidines*) (*loc. cit.*). Несмотря на это, противников Италика из числа германской знати не устраивало то обстоятельство, что Италик вырос «на чужой почве» (*hostili in solo*), а, следовательно, «отравлен» (*infectus*) греко-римским воспитанием и образованием, несвободой, чужим бытом и вообще «всем иноземным» (*alimonio servitio cultu, omnibus externis*) (*loc. cit.*). В дальнейшем Италик был изгнан, но сумел вернуться к власти; греко-римская культура не пошла ему впрок: Италик правил как тиран, всячески притесняя своих подданных (*Cheruscas adflictabat*) (Тас. Апп. XI.17). Сын и наследник Италика (с 60 г.), Хариомер, получавший финансовую помощь из Рима (Dio Cass. LXVII.5.1), «из-за своей дружбы с римлянами был отстранён от власти хаттами» (*loc. cit.* Пер. под ред. А. В. Махлаюка). Видимо, это произошло в 83 г., когда началась война хаттов с Домицианом.

Во времена Августа в Риме более или менее длительное время находились также отпрыски «союзника и друга римского народа» Ирода I Великого, который «введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и нерушимый строй жизни» (*Ios. Ant. Iud. XV.8.1*. Пер. Г. Г. Генкеля. См.: *Ios. Ant. Iud. XV.10.1; XVII. 1.3; 4.3; Bell. Iud. I. 22.2; 23.1; 31.1; 32.2*) [см.: Leon, 1960, p. 14; Braund, 1984, p. 10–11]. Всего при дворе Августа в разное время побывало восемь сыновей царя Ирода. Один из его внуков, будущий вассальный царь Иудеи Ирод Агриппа I (41–44 гг.), в юности воспитывался и обучался вместе с сыном Тиберия, Друзом Младшим (*Ios. Ant. Iud. XVIII.6.1*). О тесных связях потомков Ирода Великого с римским императорским домом свидетельствуют, в частности, их имена: Агриппа I получил своё имя, видимо, в честь зятя Августа и личного друга царя Ирода Марка Випсания Агриппы [Braund, 1984, p. 77], царские сыновья получили имена Агриппы и Друза (*Ios. Ant. Iud. XVIII. 5.4*). Человек неглупый и дипломатичный, Агриппа пользовался

расположением Калигулы²⁹ и Клавдия³⁰ (он был в приятельских отношениях с обоими задолго до того, как они вззошли на престол. См.: Ios. Ant. Iud. XVIII.6.4–5). Близость Агриппы к Калигуле компрометировала царя в глазах многих римлян, видевших в нём «наставника тирана» (Dio Cass. LIX.24.1). После убийства Калигулы Агриппа проявил незаурядную энергию и дипломатические способности, чем немало содействовал сохранению режима принципата и переходу власти в руки своего сверстника и друга юности Клавдия (Ios. Ant. Iud. XIX.4.1–2). Став императором, Клавдий передал Агриппе ряд областей, включая Иудею и Самарию (Ios. Ant. Iud. XIX.5.1). Так в 41 г. в руках Агриппы I сосредоточились все владения его деда Ирода Великого.

Правя под бдительным надзором со стороны императорских прокураторов, Агриппа строго соблюдал все религиозные предписания иудаизма и умел ладить как со своими подданными, так и с иноземцами (Ios. Ant. Iud. XIX. 6.1; 7.3). Будучи человеком греко-римской культуры, Агриппа I построил в Берите театр и амфитеатр, термы и портики, устраивал гладиаторские бои (Ios. Ant. Iud. XIX.7.5). В 44 г. в Кесарии Палестинской он на римский манер организовал игры в честь Клавдия (Ios. Ant. Iud. XIX.8.2). Неудивительно, что у царя было немало противников, недовольных не только его увлечением греко-римской культурой, но и пресмыкательством перед римскими провинциальными властями³¹: известие о смерти Агриппы I в народе было встречено с ликованием (Ios. Ant. Iud. XIX.9.1).

Его сын, Ирод Агриппа II (48–92/93 гг.)³², или Марк Юлий Агриппа³³, как и отец, в юности воспитывался в Риме, но уже при

²⁹ В знак своего особого благоволения к Агриппе Калигула, даровав своему другу в 37 г. тетрархии Филиппа и Лисания (Ios. Ant. Iud. XVIII.6.10), вместе с титулом царя и «друга Цезаря» вручил ему также знаки преторского достоинства — *ornamenta praetoria* (Philo In Flacc. 40). К последним относились тога-претекста, курульное кресло и почётный эскорт из 6 ликторов.

³⁰ Став императором, Клавдий даровал Агриппе консульские украшения, *ornamenta consularia* (Dio Cass. LX.8.2).

³¹ Причина неприязни к Агриппе I заключалась ещё и в его происхождении: дед Агриппы, Ирод Великий, как пишет Иосиф Флавий, был «идумеянином, т. е. полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям (страны) эта власть (над Иудеей. — *В. Н.*) должна принадлежать лишь кровным иудеям» (Ios. Ant. Iud. XIV.15.2).

³² Год смерти Агриппы II устанавливается лишь приблизительно (конец правления Домициана). Чаще всего исследователи называют 92 или 93 гг. См., напр.: Немировский, 2000, с. 270.

³³ Отец Агриппы II, Агриппа I, как римский гражданин мог носить имя Гай Юлий (в честь Калигулы) или Марк Юлий (в честь М. Випсания Агриппы). Во втором

дворе Клавдия (Ios. Ant. Iud. XIX.9.2). Престол своего отца он унаследовал не сразу. В 48 г., после смерти дяди, царя Ирода II Халкидского, Агриппа получил от Клавдия титул царя Халкиды³⁴ и смотрителя за Иерусалимским храмом (Ios. Ant. Iud. XX. 5.2; 9.7; Bell. Iud. II.12.1). В 53 г. Клавдий отобрал у Агриппы Халкиду, но взамен передал ему земли бывшей тетрархии Филиппа (Ios. Ant. Iud. XX.7.1; Bell. Iud. II.12.8). В 61 г. Нерон ещё более расширил владения Агриппы II, отдав ему Тивериаду и юг Переи (Ios. Ant. Iud. XX.8.4). Став царём, Агриппа начал чеканить монеты с изображениями императора, иногда с собственным профилем и языческой символикой, тем самым грубо оскорбляя религиозные чувства своих подданных³⁵. И это при том, что монетная чеканка в клиентных царствах отнюдь не контролировалась римскими властями, а изображения и надписи на монетах определяли сами клиентные цари [см.: Dahmen, 2010, p. 100. Ср.: Braund, 1984, p. 125–126]. Агриппа II много строил, украшая Кесарию Филиппову, переименованную им в Нерониаду в честь Нерона (61 г.), однако эта деятельность отнюдь не прибавила ему популярности среди подданных (Ios. Ant. Iud. XX.9.4). Несмотря на все свои старания (Ios. Bell. Iud. II.16.3–4), не пользовавшийся уважением подданных царь не сумел предотвратить восстание иудеев и был вынужден бежать из Иерусалима под градом камней (Ios. Bell. Iud. II.17.1).

В дальнейшем Агриппа II деятельно помогал римлянам подавлять мятеж (Tac. Hist. V.1). В 75 г. этот римский вассал получил от Веспасиана в награду за верность знаки преторского достоинства — *ornamenta praetoria* (Dio Cass. LXVI.15.4). Кроме того, Веспасиан ещё более расширил владения Агриппы (Phot. Bibl. Cod. 33), который умер в Риме в конце I в. Едва ли после 70 г. он сохранил хоть какую-то реальную власть в своём эфемерном «царстве». Со смертью Агриппы II пресеклась династия Ирода Великого, и бывшие владения последнего иудейского царя на сей раз уже окончательно

случае Агриппа II унаследовал не только отцовский *nomēn*, но и *praenomen*. См.: Braund, 1984, p. 44.

³⁴ Имеется в виду Халкида Ливанская.

³⁵ См.: Madden, 1881, p. 139–169. Агриппа II явно подражал римской чеканке. Первым из потомков Ирода начал помещать на своих монетах изображения императора и его родственников внучатый дядя Агриппы, тетрарх Филипп: на его бронзовых монетах появляются портреты Августа, Ливии и Тиберия [Dahmen, 2010, p. 108].

перешли под прямое управление римских провинциальных властей. В 135 г., после подавления восстания Симона Бар-Кохбы, Иерусалим превратился в колонию Элию Капитолину, а провинция Иудея была переименована в Сирию Палестинскую [см.: Моммзен, 1995, с. 396, 400].

Итак, оставленная Августом в наследство своим преемникам политика замещения вакантных престолов в сопредельных и/или вассальных по отношению к Риму монархиях (таких как Парфия и германские раннегосударственные образования, Каппадокия и Киликия, Мавретания и Фракия, Малая Армения и Великая Армения, Понт и Иудея) римскими ставленниками из числа «облагороженных» греко-римской цивилизацией варваров в скором времени себя исчерпала и сошла на нет. Постепенная замена системы вассалитета практикой прямого управления через наместников³⁶, когда зависимые от Рима народы получали «обложение данью, законы и вместо тени царя римское владычество» (*se tributa ac leges et pro umbra regis Romanum ius victis impositurum*) (Тас. *Ann.* XV.6), произошла на фоне усиления авторитарной власти принцепса и относительного углубления централизации в империи, по большому счёту продолжавшей оставаться «государством без бюрократии» [см.: Смышляев, 1991, с. 30–42; Purcell, 1986, p. 560 ff.; Burton, 1987, p. 423 ff.; Burton, 2002, p. 264 ff.].

На протяжении I в. одно за другим клиентные царства ликвидируются: в 17 г. — Каппадокия, в 40 г. — Мавретания, в 46 г. — Фракия, в 64 г. — Понт, в 72 г. — Малая Армения (в административном плане она стала частью провинции Каппадокии, подобно тому как бывшее Коммагенское царство в том же 72 г. вошло в состав провинции Сирии). После смерти Агриппы II римляне ликвидировали последние остатки иудейской государственности. Вместо монархических режимов во всех перечисленных областях римляне ввели прямое управление, вассальных царей сменили наместники провинций. Видимо, какое-то время на заре принципата в Риме питали определённые иллюзии в отношении избранных представителей варварских элит, попадавших в «счастливейший плен» (Плутарх): этих выходцев из «тьмы варварства» пытались превратить в «детей

³⁶ На деле существенной разницы между зависимым царством и провинцией, между вассальными царями и римскими наместниками не было (Strabo XVII.3.25). См.: Braund, 1984, p. 84.

света» (Д. Балсдон), «благородив» их греко-римским воспитанием и образованием. Среди «счастливицев», призванных стать проводниками политического и культурного влияния Рима на периферии огромной империи, были представители разных этносов: парфяне и фракийцы, африканцы и евреи, германцы и уроженцы Малой Азии. Некоторые из них глубоко погрузились в чужую культуру, искренне её полюбив, и собственными трудами сумели приумножить её интеллектуальные достижения (самый яркий пример — *rex literatissimus*, антиквар и эрудит Юба II), другие — и таких было большинство — усвоили лишь внешний лоск этой культуры, пристрастившись к комфорту и зрелищам (Агриппа I и Агриппа II).

Однако очень скоро выяснилось, что, не став в полной мере «своими» для представителей той культурной среды, в которой они жили и воспитывались, креатуры Рима из числа варваров, оказавшись среди соотечественников в совершенно иной, незнакомой им культурной среде, как правило, рассматривались здесь как чужаки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вели себя они по-разному: кто-то из римских ставленников пытался найти общий язык со своими подданными, других эта проблема вовсе не волновала; в то же время данные источников свидетельствуют о том, что между императорскими креатурами из числа варваров и местным населением рано или поздно с неизбежностью начинались трения, накапливались взаимное непонимание и раздражение, что, как правило, приводило к восстаниям, мятежам и переворотам.

В большинстве случаев злополучных «друзей римского народа» ожидал бесславный конец: гибель от руки соотечественников (Реметалк III) или римских покровителей (Вонон I и Птолемей Филадельф, сын Юбы II), жалкое прозябание на родине в атмосфере всеобщего презрения (Агриппа II) или потеря власти и смерть в изгнании (Маробод). В этом ряду счастливое исключение представляет собой всё тот же Юба II, которому удалось внести немалый вклад в развитие средиземноморской цивилизации эпохи постэллинизма. Связь с Римом и греко-римской культурой лишь компрометировала «друзей римского народа» в глазах их подданных. В такой ситуации не могло быть и речи о более или менее эффективном насаждении «сверху» греко-римских культурных ценностей в варварской среде. Наконец, в чисто политическом аспекте вассальные правители могли в какой-то момент выйти из-под контроля и предпринять какую-либо политическую акцию на свой страх и риск,

тем самым доставив своим патронам в Риме немало хлопот (например, Рескупорид III, Маробод и, возможно, Птолемей Филадельф). Таким образом, вчера ещё дружественный Риму правитель, получавший от имперских властей помощь оружием и деньгами, внезапно мог стать враждебным.

Одним словом, политический и гуманитарный «проект Августа» себя не оправдал и очень скоро был свёрнут, так что к концу I в. от него остались одни воспоминания. Недаром приблизительно в это время Тацит пророчески писал о «неотвратимых бедствиях», которые, по его мнению, угрожали империи в будущем (*urgentibus imperii fatis*) (Тас. Germ. 33). Источником этих бедствий предстояло стать германскому племенному миру. Суровые и воинственные северные варвары, равнодушно отвергнув предложенные им ценности греко-римской культуры, во второй половине II — III в. инициировали мощный натиск на имперские рубежи, в ходе которого вместо несостоявшегося процесса аккультурации³⁷ на северо-западной периферии греко-римской ойкумены начался более естественный и эффективный процесс варваризации империи и её институтов.

Библиография

- Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Институт археологии РАН, 1995. 656 с.
- Балаханцев А. С.* Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.
- Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. 2. Система политического дуализма в Передней Азии. М.: Изд-во МГУ, 1966. 303 с.
- Габелко О. Л.* К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // Античный мир и археология / Отв. ред. В. Н. Парфёнов. Саратов, 2009. Вып. 13. С. 92–119.
- Златковская Т. Д.* Мёзия в I–II веках нашей эры. К истории Нижнего Дуная в римское время. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 136 с.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. СПб.: Наука: Ювента, 1995. 588 с.
- Немировский А. А.* Агриппа II // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 270–271.

³⁷ Под аккультурацией мы понимаем процесс взаимовлияния культур, в результате которого происходит восприятие одним народом — полностью или частично — культуры другого народа (в данном случае имеется в виду восприятие варварами греко-римской культуры).

- Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 386 с.
- Сапрыкин С. Ю.* Фракия до образования римской провинции. Западное Причерноморье в эллинистическую эпоху // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 516–527.
- Сапрыкин С. Ю.* Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2. С. 25–50.
- Смышляев А. Л.* Государство без бюрократии (на опыте Ранней Римской империи) // Античность и современность: доклады конференции / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1991. С. 37–40.
- Bellen H.* Metus Gallicus — Metus Punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republic. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1985. 46 S. (AAWM; Bd. 3).
- Bivar A. D. H.* The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1983. Vol. 3, pt. 1. P. 21–99.
- Braund D. C.* Anth. Pal. 9. 235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile // CQ. 1984. Vol. 34. P. 175–178.
- Braund D. C.* Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. London; Canberra: Croom Helm; New York: St. Martin's Press, 1984. 226 p.
- Burton G. P.* Government and the Provinces // The Roman World / Ed. J. Wachter. London, 1987. Vol. 1. P. 423–439.
- Burton G. P.* The Roman Imperial State (A. D. 14–235): Evidence and Reality // Chiron. 2002. Vol. 32. P. 249–280.
- Colledge M. A. R.* The Parthians. London: Thames & Hudson, 1967. 243 p.
- Cumont F.* L'annexion du Pont Polémoniaque et de la Petite Arménie // Anatolian Studies presented to Sir W. M. Ramsay / Ed. W. R. Buckler and W. M. Calder. Manchester, 1923. P. 109–119.
- Dahmen K.* With Rome in mind? Case Studies in the Coinage of Client Kings // Kingdoms and Principalities in the Roman Near East / Ed. T. Kaizer and M. Facella. Stuttgart, 2010. P. 99–112.
- Desanges J.* L'hellénisme dans le royaume protégé de Maurétanie (25 avant J.-C. — 40 après J.-C.) // BCH. N. s. 1984–1985. № 20–21b. P. 53–61.
- Dobiáš J.* King Marobodus as a Politician // Klio. 1960. Vol. 38. P. 155–166.
- Edson C. F.* Perseus and Demetrius // HSCPh. 1935. Vol. 46. P. 191–202.
- Faur J.-C.* Caligula et la Maurétanie: la fin de Ptolémée // Klio. 1973. Vol. 55. P. 249–271.
- Fishwick D.* The annexation of Mauretania // Historia. 1971. Vol. 20. P. 467–487.
- Fishwick D., Shaw B. D.* Ptolemy of Mauretania and the conspiracy of Gaetulicus // Historia. 1976. Vol. 25. P. 491–494.
- Gowing A. M.* Tacitus and the Client Kings // TAPhA. 1990. Vol. 120. P. 315–331.
- Gsell S.* Juba II, savant et écrivain // RAf. 1927. Vol. 68. P. 169–197.
- Harris W. V.* War and imperialism in Republican Rome, 327–70 B. C. Oxford: Clarendon Press, 1979. 293 p.

- Leon H. J.* The Jews of Ancient Rome. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1960. 378 p.
- Madden F. W.* Coins of the Jews. London: Trübner & Co, 1881. 354 p.
- Matthews J. F.* Hostages, philosophers, pilgrims and the diffusion of the ideas in the late Roman Mediterranean and Near East // Tradition and Innovation in Late Antiquity / Ed. F. M. Clover and R. S. Humphreys. Madison, 1989. P. 29–49.
- Newell E. T.* Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts. New York: American Numismatic Society, 1926. 21 p.
- Pitts L. F.* Relations between Rome and the German “Kings” on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A. D. // JRS. 1989. Vol. 79. P. 45–58.
- Purcell N.* The Arts of Government // The Oxford History of the Classical World / Ed. J. Boardman, J. Griffin and O. Murray. Oxford, 1986. P. 560–591.
- Reinach Th.* Le mari de Salomé et les monnaies de Nicopolis d’Arménie // REA. 1914. T. 16. P. 133–158.
- Ricci C.* Germani a Roma: Testimonianze epigrafiche romane tra I e III sec. d. C. // Polis. 1993. Vol. 5. P. 205–225.
- Roller D. W.* The World of Juba II and Kleopatra Selene. Royal scholarship on Rome’s African frontier. New York; London: Routledge, 2003. 335 p.
- Sherwin-White A. N.* Roman Foreign Policy in the East 168 B. C. to A. D. 1. London: Duckworth, 1984. 352 p.
- The Armenian People From Ancient to Modern Times. Vol. 1. The Dynastic Periods. From Antiquity to the Fourteenth Century / Ed. R. G. Hovannisian. New York: St. Martin’s Press, 1997. 384 p.
- Wardle D.* Suetonius’ Life of Caligula: A Commentary. Brussels: Latomus, 1994. 394 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА — Античный мир и археология. Саратов.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- Вестник РУДН — Вестник Российского Университета Дружбы Народов. М.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж. СПб.
- ДВАМ — Древний Восток и античный мир. Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. М.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. М.
- НЭ — Нумизматика и Эпиграфика. М.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
- СА — Советская археология. М.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
- AAWM — *Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Mainz.*
- AHR — *American Historical Review. Oxf.*
- AM — *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Athen. I. Pergamon — Frankel M. Die Inschriften von Pergamon. Bd.1–2. Berlin. 1890–1895.*
- ANRW — *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Berlin; New York, 1972 ff.*
- AR — *Aegyptiaca Rossica. Москва.*
- ASAE — *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. Cairo*
- BAGS — *Bulletin of the American Geographical (and Statistical) Society. New York.*
- BCE — *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne, Institut français d'archéologie orientale. Le Caire.*
- BCTH — *Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientifiques. Paris.*
- BD — *The Book of the Dead / Ed. E. A. Wallis Budge. L.: Paul, Trench, Trubner, 1898. Vol. 1–2.*
- BIFAO — *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire.*

- BIFAO — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire.
- BMC Thrace — A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace ets. L., Longmans & Co., 1877.
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
- CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge.
- CAR — Corpus Agrimensorum Romanorum. Leipzig, 1913.
- CCE — Cahiers de la Céramique Égyptienne, Institut français d'archéologie orientale. Le Caire.
- CdÉ — Chronique d'Égypte. Bruxelles.
- CH (3X) — Code de Hammurapi (законы царя Хаммурапи; по изданию: Finet A. La code de Hammurabi: P. Les édition du CERF, 2004).
- Chiron — Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. München.
- CQ — Classical Quarterly. Cambridge.
- CR — The Classical Review. Cambr.
- DLZ — Deutsche Literaturzeitung für Kritik der Internationalen Wissenschaft. B.
- ENIM — Égypte Nilotique et Méditerranéenne. Montpellier.
- GJ — The Geographical Journal. L.
- Historia — Zeitschrift für Alte Geschichte. Stuttgart.
- HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, Massachusetts.
- I. Pergamon — Frankel M. Die Inschriften von Pergamon. B., 1890–1895. Bd. 1–2.
- JA — Journal Asiatique. P.
- JEA — Journal of Egyptian Archaeology. London.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
- JRS — Journal of Roman Studies. London.
- Klio — Beiträge zur Alten Geschichte. Berlin.
- LÄ — Lexikon der Ägyptologie / Hrsg. W. Helck, E. Otto. Wiesbaden: Harrassowitz, 1975–1986. Bd. I–VI.
- LBOPh — Literaturblatt für Orientalische Philologie. Leipzig.
- L. c. — Libri coloniarum. Besançon, 2008.
- LCBD — Literarisches Centralblatt für Deutschland. Leipzig.
- LD I — *Lepsius K. R.* Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Bd. I. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849. 234 S.
- MAL (CA3) — Middle Assyrian Laws (Среднеассирийские законы; по изданию: Cardascia G. Les lois assyriennes. P.: Les éditions du CERF, 1969; Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor /

- M. T. Roth, with a contribution by H. A. Hoffner, Jr.; volume ed. P. Michalowski. Atlanta. Georgia scholars press, 1997).
- Manetho* — фрагменты Манефона Севеннитского по изданию: *Manetho*. With an English translation by W. G. Waddell. Cambridge (Massachusetts); L.: Harvard University Press, William Heinemann Ltd., 1964. 256 p. (Loeb Classical Library; 350).
- OGIS — Dittenberger W. *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae*. Leipzig. 1903–1905. Vol. 1–2.
- OMO — Österreichische Monatsschrift für den Orient. Wien.
- PhA — Philologischer Anzeiger als Ergänzung des Philologus. Göttingen.
- PhW — (Berliner) Philologische Wochenschrift. Bibliotheca Philologica Classica. Verzeichnis der auf dem Gebiete der Klassischen Altertumswissenschaft erschienen Bücher, Zeitschriften, Dissertationen, Programm-Abhandlungen, Aufsätze in Zeitschriften und Rezensionen. B.; Leipzig.
- PM III — *Porter B., Moss R. L. B.* Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. III. Memphis. Oxford: Clarendon Press, 1974. 392 p.
- Polis — Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica. Madrid.
- RAF — Revue africaine. Alger.
- RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. Au. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler. Stuttgart: J. B. Metzler, 1894–1980.
- REA — Revue des études anciennes. Bordeaux.
- RGDA — Res gestae divi Augusti.
- SNG BM — Sylloge nummorum graecorum. Vol. IX: The British Museum. 1 The black Sea. L.: The British Museum Press, 1993.
- TAPhA — Transactions of the American Philological Association. Baltimore, Maryland.
- WBR — Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil general des monnaies grecques d'Asie Mineure. T. 1, f. 1, 2ed. Paris, 1925.
- ZAW — Zeitschrift für die Altertumswissenschaft. Marburg; Wetzlar.
- ZÖG — Zeitschrift für die Österreichischen Gymnasien. Wien.
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Köln.
- ZRG — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Wien.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК И ДРЕВНЯЯ АМЕРИКА

Ладынин Иван Андреевич (Москва) АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О КОЩУНСТВАХ АРТАКСЕРКСА III ПРОТИВ СВЯЩЕННЫХ ЖИВОТНЫХ И ВОПРОС О ЕЕ ДАТИРОВКЕ . . .	5
Лаврентьева Ника Владимировна (Москва) ЧТО ОБЕЩАЛ СФИНКС, ИЛИ ПОЧЕМУ ЕГИПЕТСКИЕ ЦАРИ МОГЛИ УЗУРПИРОВАТЬ ПАМЯТНИКИ СВОИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ . . .	19
Малых Светлана Евгеньевна (Москва) ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО И ПТОЛЕМЕЕВСКОГО ПЕРИОДОВ В СКАЛЬНЫХ ГРОБНИЦАХ ВОСТОЧНОЙ ГИЗЫ	28
Никитина Анна Дмитриевна (Москва) ОСОБЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ САНКЦИЙ В ПРАВЕ АШШУРА И ВАВИЛОНИИ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОПЫТКА ОФОРМЛЕНИЯ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ	42
Новосёлова Елена Владимировна (Москва) ВЕРХОВАЯ ВЛАСТЬ В УАРИ И ТИУАНАКО	52

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И ЭЛЛИНИЗМ

Антонов Александр Александрович (Санкт-Петербург) ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ИЗ КОЛОФОНА IV–III ВВ. ДО Н. Э.	64
Бухарин Михаил Дмитриевич (Москва) ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ «ПЕРИПЛА ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ»	74
Воскресенский Андрей Петрович (Москва) КЛИМАТ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТРАБОНА	93
Климов Олег Юрьевич (Санкт-Петербург) МИФ О ТЕЛЕФЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЭВМЕНА II . . .	100
Обухов Сергей Владимирович (Москва) ПТОЛЕМЕЙ КОММАГЕНСКИЙ И АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ (ИМИТАЦИЯ МОНЕТ АЛЕКСАНДРА В КОММАГЕНЕ)	109

Приходько Елена Владимировна (Москва) КАК ΔΙΝΟΣ СТАЛО НАЗВАНИЕМ ИСТОЧНИКА СУРЫ	115
Сапрыкин Сергей Юрьевич (Москва) КОРАБЕЛЬНЫЙ ТАРАН ЭПОХИ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА ИЗ ФАНАГОРИИ	130
Смирнов Святослав Викторович (Москва) «...ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ ВСЕХ МАКЕДОНЯН, КТО ВЫУЧИЛ ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК»: ПЕВКЕСТ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ О ВОЙНАХ ДИАДОХОВ	140
Соломатина Елена Ивановна (Москва) СИГЕЙСКАЯ ВОЙНА (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)	147
Суриков Игорь Евгеньевич (Москва) РЕФОРМЫ СОЛОНА И АРХЕОЛОГИЯ:НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ ПРОБЛЕМЫ	158

ДРЕВНИЙ РИМ

Гвоздева Инна Андреевна (Москва), Никишин Владимир Олегович (Москва) СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АГРАРНОГО КРИЗИСА В РИМЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ II В. ДО Н. Э.	171
Межерицкий Яков Юрьевич (Кёльн) О ВОССТАНОВЛЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ, НАИЛУЧШЕМ ГОСУДАРСТВЕ И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ АВГУСТА	196
Миролюбов Иван Андреевич (Москва) ЗРЕЛИЩА В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	209
Никишин Владимир Олегович (Москва) ВАРВАРИЗАЦИЯ ВМЕСТО АККУЛЬТУРАЦИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ РЕАЛИЗОВАЛСЯ ПРОЕКТ АВГУСТА	218
Список сокращений	239

Научное издание

ВОСТОК, ЕВРОПА, АМЕРИКА В ДРЕВНОСТИ

Выпуск 4

Сборник научных трудов Сергеевских чтений
на кафедре истории древнего мира исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Главный редактор
Ладынин Иван Андреевич

Директор издательства *А. А. Галат*
Корректор *О. В. Смушко*
Компьютерная верстка *Е. М. Денисовой*
Дизайн обложки *Е. В. Владимировой*

Подписано в печать 06.08.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,25. Тираж 100 экз.
Заказ № 806

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310–79–29, +7(981)699–6595;
e-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>

Отпечатано «ИП А. М. Коновалов»
на полиграфической базе типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199